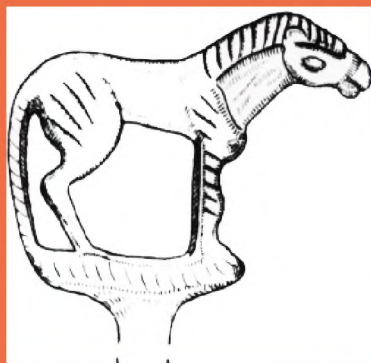

С.Г. БОБОМУЛЛОЕВ

ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

в конце III-II тыс. до н.э.

Посвящается 5500-летию города Саразма

Строительство городов дало толчок совершенствованию архитектуры и градостроительства, усилению товарообмена и торговли, развитию кустарных промыслов и изящных искусств; в итоге появились предпосылки для формирования и укрепления государства таджиков.

Эмомали Рахмон

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. А. ДОНИША**

С.Г. Бобомуллоев

ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

в конце III - II тыс. до н.э.

Ответственный
редактор: д.и.н.

Н.К. Убайдулло

Душанбе – 2020

ББК 63.3 (2. Тадж)

Б-72

Бобомуллоев С.Г. Верховья Зарафшана в конце III - II тыс. до н.э. – Душанбе, 2020. М.Н «Дониш», 161 стр.

Редакционная коллегия:

Рахими Ф.К., Мухаммад А.Н., Убайдулло Н.К., Якубов Ю.Я.,
Пирумшоев Х.П., Додхудоева Л.Н., Абдурашитов Ф.М., Сайфуллоев
Н.Н., Каримова Г.Р., Раззоков А.Р., Курбонов Ш.Ф., Худоёрова
Н.М., Франкфорт А-П.

Монография написана по результатам археологических раскопок земледельческих и скотоводческих комплексов верховья Зарафшана – Саразм IV, гробницы Зардча Халифа и Дашти Козы, отражающих их взаимодействие и своеобразие в конце III - II тыс. до н.э. В работе рассматриваются как уже известные памятники, так и вновь открытые комплексы.

Рецензенты: к.и.н. Ш.Ф. Курбонов

к.и.н. М.З. Фозилова

ISBN

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших вех истории первобытных общин верховья Зарафшана является период конца III - II тыс. до н.э., без исследования которого, в целом нельзя говорить о целостности истории цивилизации древних согдийцев.

До недавнего времени в науке существовала тенденция о распространении и влиянии скотоводческих культур только на равнинных просторах Средней Азии, пригодных к отгонному скотоводству. Горные районы, из-за отсутствия исследованных до 70-х годов XX века археологических памятников «степной бронзы», практически не были включены в зону контактов земледельческой культуры с культурами скотоводов.

Открытие ряда погребений и могильников в Пенджикентском районе в последующие годы полностью опровергли вышеуказанное мнение. Археологический комплекс в Саразме, где были найдены образцы керамики кельтиминарского типа, более чем убедительно доказали то, что земледельческое население этого поселения, начиная с конца III тыс. до н.э. имело тесные контакты со скотоводческими племенами. В аспекте взаимосвязи названных культур более убедительные артефакты представил археологический комплекс Саразм IV и погребение земледельческой культуры – Зардча Халифа.

На базе археологического комплекса могильника Дашти Козы, отдельных находок погребения Чорбог и других материалов, имеется возможность воссоздать культурологический и социологические процессы развития первобытных общин исследуемого региона.

Последовательность исследования земледельческих культур выявила отдельные моменты синтеза двух разнородных культур и путь их совместного развития. Все эти факты привели нас к выводу, что при синтезе культурных процессов наблюдается дальнейшее развитие общества. Именно со III тыс. до н.э. зарождается этническое формирование арийской расы, населявшей всю территорию Средней Азии.

Основной задачей работы является установление закономерности общеисторического развития материальной и духовной культуры первобытных племен верховья Зарафшана конца III - начала I тыс. до н.э.

Главная задача исследования заключается в разработке хронологического аспекта периодизации и этапов распространения культуры степной бронзы в Зарафшанской долине и определении ее роли в судьбах земледельческих общин, заселивших данную территорию до появления скотоводов. В результате решения этой задачи можно будет определить взаимовлияние и развитие двух культур: земледельческой и скотоводческой.

На базе археологических и антропологических материалов полученных в ходе раскопок, удалось рассмотреть проблемы урбанизации общественно-

го строя, социальной среды и этнической принадлежности племен верховья Зарафшана в конце III - II до н.э., и определить место земледельческо-скотоводческих культур верховьев Зарафшана в системе цивилизации всей Центральной Азии.

В монографии рассматривается вопрос проникновения скотоводческой культуры в горные регионы Зарафшанской долины. При этом, особое внимание уделяется этапам и путям миграции скотоводов в южные просторы Таджикистана и дальше в Афганистан, Северную Индию и Пакистан. По нашему мнению, ранний этап появления скотоводческой культуры в верховьях Зарафшана приходится на начало II тыс. до н.э. в период Саразма IV. Последний этап можно хронологически датировать концом II тыс. до н.э.

Важным аспектом работы является стремление установить генетическую связь погребения Зардча Халифа с земледельческим культурным Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом.

В работе дается полный химический анализ Дашти Козынских бронзовых украшений. На базе этих и других материалов установлена связь скотоводческой культуры исследуемого региона с носителями андроновской археолого-исторической общности.

Монография построена на выделении археологических комплексов по отдельным категориям: устройство могильных ям, классификация находок по функциям статических данных и результатов химических анализов бронзовых изделий. В этом плане определенное место занимает классификация типов и форм керамики и её орнаментов. Выполнение таких работ позволило установить закономерность развития материальной культуры земледельческих (Саразм, Зардча Халифа) и скотоводческих (Чорбог, Дашти Козы) общин. Применяв методы синхронного анализа погребальных обрядов и вещественных комплексов, установили семантику отдельных археологических находок.

Для реконструкции хозяйственной, социальной, интеллектуальной и общественной структуры племен Зарафшана, опирались на теоретические предпосылки, разработанные отечественными и зарубежными археологами, этнографами и историками в области изучения истории первобытных общин.

В ходе полевых работ были использованы методологические разработки ведущих археологов России – П.М. Грязнова, С.Е. Чернигова, В.М. Массона, Р.М. Мунчаева, Б.Л. Литвинского, Т.М. Потемкиной; Узбекистана – А.А. Аскарова, Н.А. Аванесовой; Таджикистана – В.А. Ранова, Л.Т. Пьянковой; Франции – А.-П. Франкфорта, А. Безенваля и др.

Проведенное исследование и представленный в научный оборот археологический материал могут быть использованы при написании курса по истории материальной и духовной культуры народов Средней Азии. По результатам химических анализов можно установить очаги металлоносных

районов верховий Зарафшана, что в свою очередь может быть использовано геологами в поисках новых месторождений олова, мышьяка, меди, свинца, серебра и золотоносных руд.

Для полноты работы по этой теме, кроме находок с поселения Саразм, погребения Зардча Халифа и могильника Дашти Козы, в качестве дополнительного источника были использованы материалы предшествующие им, хранившиеся в музеях и научных лабораториях Москвы, Санкт-Петербурга, Самарканда и Душанбе.

В работе также использованы случайные находки, обнаруженные в верховьях Зарафшана в разные годы В.Г. Лукониным, Б.И. Маршаком, Ю. Я. Якубовым, А.И. Исаковым и др.

Автор монографии выражает глубокую признательность Абдуллоджону Исакову за предоставление археологических материалов, хранившихся в архиве Пенджикенской базы, а также своих полевых записей.

Выражаем благодарность директору Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, академику Р.М. Масову за представленную возможность для поездок в научные командировки в различные научные центры России и других государств для сбора материалов.

В полевых исследованиях своим участием поддерживали и обогащали исследуемый археологический комплекс У.Э. Эшонкулов, А.Р. Раззаков, Ш.Ф. Курбанов, Д.А. Исаков, М.А. Исакова, за что выражаю им свою благодарность, а также архитектору С.В. Бочкаровой, художникам – Э.С. Бышевской, Е.Г. Мартаненко, Е.И. Стобеновой за добросовестную работу по подготовке иллюстраций этой монографии.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА

Долина Зарафшана находится почти в центре Средней Азии. По утверждению ряда археологов, благоприятные природные условия способствовали тому, что уже с древнейших времен долина стала одним из очагов проживания первобытного человека (Григорьев, 1940; Окладников, 1958; Лев, 1969).

Историю изучения археологических памятников первобытных общин данного региона можно разделить на два этапа. Первый этап – это исследования, которые проводились в 50-60-е годы XX века Я.Г. Гулямовым, Д.А. Левом, А.А. Аскарковым, У.И. Исломовым; второй этап относится к 70-90-м годам XX века и связан с именами М.Д. Джуракулова, Н.А. Аванесовой, А.И. Исакова, и др.

В работе рассматривается культура эпохи бронзы в пределах конца III - II тыс. до н.э. Но для определения исходного пласта древнеземледельческой и скотоводческой культуры долины Зарафшана, кратко остановимся на характеристике более ранних археологических памятников, начиная с эпохи мезолита, неолита и энеолита.

В этом плане огромное значение имеет Сазаганская неолитическая стоянка, расположенная в 27 км к юго-западу от энеолитического поселения Саразм, открытая в 1966 году О. Ибрагимовым. Особенность этого памятника заключается в том, что весь археологический комплекс и прежде всего каменные орудия труда, отличаются от известной в науке кельтиминарской неолитической культуры. По наблюдениям главных исследователей этого памятника М.Д. Джуракулова и У.Н. Холматова установлено, что индустрия Сазагана не пластичная, а характеризуется высокой степенью микролитности.

Дальнейшие исследования окрестностей Сазагана I показали, что он не был единственной стоянкой. Одновременно с Сазаганом, в 2 км по Сазагансаю, южнее селения, была обнаружена стоянка Сазаган II. По характеру материала памятники аналогичны. (Джуракулов, Холматов, 1991).

В низовьях долины было исследовано 45 неолитических стоянок, из них: 35 – на Большом Тузкане, 3 – на Малом Тузкане, остальные – в бассейне рек Махандарьи, Капракикум, Эчки-Кирон, Пайкент и Кумсултана. В песках Кызыл-Кума был исследован неолитический памятник Лавлякан. В нашу задачу не входит определение влияния этих отдельных стоянок на формирование и становление энеолитической культуры в долине, но все же отметим, что на фоне всесторонне исследованных стоянок каменного века

этот период истории верховья Зарафшана мало изучен. Хотя в 50-е годы XX века А.П. Окладниковым и В.А. Рановым в Пенджикентском районе в кишлаке Мазори Шариф были обнаружены мезолитические орудия (Окладников, 1956), сама стоянка не была подвергнута археологическому изучению.

Начиная с 1960 г. А.И. Исаков, Б.И. Маршак, Д.А. Абдуллаев находили кремневые нуклеусы, пластинки и другие орудия каменного века в низовьях Магиандаринского бассейна: у античного комплекса Холик-Назар, у родника Кайнар-ато, под цитаделью древнего Пенджикента, у замка Тали Хамтуда, на склонах городища Наврузшох, в завалах древнего Пенджикента.

В 80-е годы XX в. У.Э. Эшонкулов проводил разведки в окрестностях поселения Саразм. На поверхности земли было обнаружено несколько орудий, но отношение этих орудий к энеолитическому поселению Саразм остается пока недоказанным. (Эшонкулов, 1989). И все же эти отдельные находки позволяют нам говорить о наличии стоянок каменного века, прежде всего мезолитического и неолитического периодов, в предгорной и горной части этой долины.

В энеолите, в западной части верховья Зарафшанской долины на массиве Саразм возникла высокоразвитая раннеземледельческая культура (Исаков, 1986), в последствии ставшая одним из очагов цивилизации Среднеазиатского Междуречья.

Для определения характера земледельческо-скотоводческой культуры верховья Зарафшана в конце III - II тыс. до н.э. и ее места в общем контексте первобытной культуры, мы считаем необходимым вкратце охарактеризовать основные этапы изучения археологических памятников этого региона.

Начиная с 50-х годов, было исследовано низовье долины, где ученые обнаружили десятки памятников эпохи бронзы. Самым крупным из них является поселение и могильник Заманбаба.

Могильник Заманбаба находится в 15 км к северо-западу от районного центра Кара-куль, на северном берегу озера Заманбаба. Могильник из 44 катакомбных погребений исследован Я.Г. Гулямовым. В могилах, кроме одиночных были обнаружены также парные и коллективные захоронения. В некоторых случаях, вместе с взрослыми были захоронены и дети. Была раскопана и отдельная детская могила с повторным вторичным захоронением (Гулямов, Исламов, Аскараров, 1966, с. 118-119). По состоянию не разрушившихся скелетов было установлено, что покойников хоронили на боку, в скорченном положении, головой на восток, северо-восток и на север. Около каждого скелета, чаще всего у головы ставили сосуд, кроме того, в большинстве случаев возле скелетов находились кремневые орудия, украшения, различные предметы быта – ножи, пестики, встречались даже злаки. Часто со скелетом лежали рядом кости домашних животных. В могиле 2 была найдена единственная терракотовая статуэтка.

Комплекс культуры могильника Заманбаба дополняют раскопки двух поселений, расположенных недалеко от оз. Заманбаба под поймой высохшего русла р. Гуджайли. Раскопки 1961 г. поселения Заманбаба I, находившегося в 15 км к востоку от могильника, показали, что люди, обитавшие здесь, жили в летних сооружениях типа шалаша. Так, жилище № 1, вырытое в такировидном суглинке овальной формы, имело площадь 170 кв^м (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 131).

Здесь было обнаружено всего два помещения шалашного типа. В остальной части поселения было раскопано несколько хозяйственных и мусорных ям, остатки кострищ и очагов, а также 4 двухъярусные керамические печи.

Поселение Заманбаба II было открыто в 7 км к западу от оз. Заманбаба. Найденные в поселении и в могильнике Заманбаба некоторые предметы (коницкий расписной сосуд, сероглиняный сосуд, бронзовая булавка, терракотовая статуэтка, зернотерки, каменные мотыги, пестики, злаки пшеницы и ячменя), несомненно, наследие земледельческих культур. Они убедительно подтверждают, что племена – носители культуры Заманбаба, кроме скотоводства, занимались и земледелием (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 173).

Вслед за поселением Заманбаба в низовьях Зарафшанской долины было обнаружено еще несколько стоянок и могильников культуры степной бронзы. В районе сухого русла Гуджайли были открыты и исследованы 2 стоянки, а на Большом Тузкане – 5. Отдельные места со скоплением керамики были обнаружены и по сухому руслу Махандарьи между кольцами Газзау и Камишли. Во время постройки Аму – Бухарского канала в 1963-1964 гг. было обнаружено 4 стоянки эпохи поздней бронзы на Пайкенте по среднему течению р. Зарафшана. Ни на одной из этих стоянок (Гуджалинская, Тузкантская, Кампарникумская, Найманская) не было обнаружено культурного слоя. Весь материал был собран прямо на песке. Основную массу вещественных находок составляет керамика, преимущественно с примесью древесины, но часто песка, шамота и толченых раковин.

На всех стоянках обнаружены ножевидные пластинки, вкладыши для серпов, проколки, наконечники стрел, также бронзовые бусы, бронзовые браслеты и височные подвески. Весь комплекс вещественных находок аналогичен тазабагьябскому типу андроновской культуры (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 187-195).

В середине 60-х годов XX в. был открыт могильник Муминабад – памятник эпохи поздней бронзы, в одноименном селении Ургутского района Самаркандской области, на берегу одного из саев предгорной полосы левобережья Зарафшана. Первичное исследование могильника было произведено Д.Н. Левом (1966). Позже могильник был доисследован А.А. Аскарловым (1969, 1970), в результате было открыто 7 погребений. Археологический комплекс, керамика

ка, бронзовые украшения и погребальный обряд также полностью аналогичны памятникам тазабагыябского типа андроновской культуры.

В 1975 г. сотрудник Самаркандского областного музея недалеко от г. Самарканда, на территории колхоза им. Ф. Энгельса, в селении Чакка, обнаружили три погребения эпохи бронзы.

Что касается памятников эпохи бронзы верховьев долины Зарафшана, то ее история изучения началась фактически с 1975 г., когда Ю.Я. Якубов при разведке низовьев бассейна Магиандарьи, на левом берегу реки в 4 км к северу от кишлака Чорбог, случайно обнаружил остатки погребения эпохи бронзы (Якубов, 1980). По описанию исследователя, погребение расположено к северо-востоку от известного Калтаминара (Смирнова, 1950).

Исследователь обнаружил погребение разрушенным. Тем не менее, здесь были найдены украшения – три бронзовых браслета, две серьги с раструбом и около 20 бронзовых бус. Кроме того, как отмечает Ю.Я. Якубов, «вместе с вышперечисленными предметами был найден небольшой лепной плоскодонный разбитый горшок или котелок» (1980, с. 169). К этому времени (1975), это открытие было первым сигналом о наличии культуры степной бронзы в верховьях Зарафшана. Ю.Я. Якубов в своей публикации относительно датировки материалов погребения Чорбог, считает их предметами тазабагыябского культурного комплекса, ссылаясь на материалы муминабадского могильника, и датирует находки Чорбога XIII-XII вв. до н.э. (1980, с. 171).

В 1975 году при раскопках могильника Дашти Урдагон, расположенного в 500 м к юго-востоку от известного в науке городища древнего Пенджикента, сотрудниками Пенджикентского отряда, среди раннесредневековых погребений было обнаружено захоронение эпохи бронзы с единственным горшком андроновского типа. Сосуд этот представлял собой плоскодонный горшок со слегка выпуклым туловом без каких-либо орнаментов. В 1983г. исследователями верховья Зарафшана был обнаружен могильник Дашти Козы. Этот археологический комплекс был определен как памятник культуры степной бронзы XIII-XI вв. до н.э. (Исаков, Потемкина, 1989, с. 145-149).

Осенью 1986 г. в 800 м от западной окраины г. Пенджикента, на левом берегу р. Зарафшана при строительстве городского очистного сооружения было обнаружено погребение с одиночным захоронением, исследованное сотрудником Пенджикентской археологической базы А.Р. Раззоковым. Полноценный археологический комплекс дал возможность исследователям определить и отнести его к земледельческо-скотоводческой культуре середины II тыс. до н.э. Более подробно на этом памятнике остановимся в следующей главе. Последняя из исследованных находок была доставлена жителем кишлака Бедак заведующему Пенджикентской археологической базы А.И. Исакову в 1977 г. Это был кельт с двумя петлевидными ушками по обе стороны верхней части втулки. Найден при устройстве подвала под жилой

дом на глубине 1,5-1,6 м. Однако осмотр места находки А.И. Исаковым не дал других находок.

Изучение археологических памятников эпохи бронзы верховья Зарафшана в дальнейшем будет предложено. И мы надеемся, что после широкой разведки исследуемого региона нам удастся выявить памятники эпохи бронзы, характерные для земледельческо-скотоводческой культуры II тыс. до н.э.

Упомянутые стоянки и могильники всех этапов каменного века, от палеолита до неолита, энеолитическое поселение Саразм и археологические памятники последующих этапов эпохи бронзы позволяют сделать нам вывод, что долина р. Зарафшана является одним из древнейших очагов земледельческо-скотоводческой культуры, той культуры, которая сыграла не последнюю роль в первобытной истории народов Средней Азии.

Не говоря о древнеземледельческой культуре, которая характерна и для более ранних этапов общечеловеческой культуры, мы не должны игнорировать роль скотоводческой культуры, которая была распространена в последующий период развития цивилизации.

Вышеуказанные артефакты говорят о том, что период развития общественных, социальных, культовых воззрений населения Зарафшанской долины, т.е. весь исторический процесс развития этого региона, начиная со второй половины II тыс. до н.э., был связан с пришельцами, с носителями так называемой культуры «степной бронзы».

Исследуемый период истории долины Зарафшана характерен двумя типами культуры: автохтонной – земледельческой и пришлой – скотоводческой. Исходя из этого разделения культур и их роли в судьбах первобытных общин Зарафшанской долины в последующих главах работы они характеризуются по отдельности.

ГЛАВА II

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В КОНЦЕ III - II ТЫС. ДО Н.Э.

Как было упомянуто, автохтонной культурой исследуемого региона была культура земледельческая. Прямым и неоспоримым доказательством этого довода является археологический комплекс поселения Саразм. Энеолитические и раннебронзовые жилые горизонты полностью подтверждают сказанное. Земледелье, домашнее скотоводство и ремесленное производство составляли основу экономики поселения.

Что касается кремневых наконечников и им подобных орудий, которые встречаются в значительном количестве в трех ранних слоях Саразма, то на наш взгляд, во-первых, их производство было унаследовано от охотников и собирателей неолитических общин; а, во вторых, их наличие можно объяснить сложностью и труднодоступностью изготовления медных и бронзовых охотничьих и хозяйственных орудий на раннем этапе палеометалла. Поэтому кремневые орудия, чаще всего однотипные наконечники встречаются на земледельческо-скотоводческих памятниках вплоть до первой четверти II тыс. до н.э., т.е. до появления железа.

Остальные типы археологических комплексов земледельческой культуры: жилища, земледельческие, ремесленные, хозяйственные орудия, керамика и даже культовые воззрения по характеру принципиально отличаются от скотоводческой. Для ясности вопроса остановимся на анализе промежуточного этапа – культуры земледельцев и скотоводов долины Зарафшана.

Для этого необходимо определить исходный пласт земледельческой культуры долины.

До открытия поселения Саразм специалисты не имели никаких данных об исходных пластах земледельческой культуры верховья Зарафшана и Зарафшанской долины в целом. Правда, в начале XX столетия в сае кишлака Ёри, выходящем из тесных ущелий Туркистанского хребта и соединяющемся с Зарафшаном, был найден бронзовый топор-тесло и передан Самаркандскому музею. Фактически этот топор-тесло был первым артефактом, говорящем о древнеземледельческой культуре верховья Зарафана. (Тереножкин, 1948, с. 74-77).

Вскоре, как уже упоминалось, в низовьях долины были найдены могильник и поселение Заманбаба. О приоритете культуры этого памятника между земледельческой и степной бронзой среди специалистов до сих пор нет единого мнения. Хотя здесь были обнаружены зерновые злаки, глиняная статуэтка, ряд бронзовых предметов (в частности, булавка со стреловидным навершием), и единственный фрагмент расписной керамики, поселение За-

манбаба нельзя считать земледельческим, так как эти предметы могут быть привозными. В пользу этого аргумента говорит тот факт, что здесь отсутствуют жилища, характерные для земледельцев. Но некоторые исследователи этого памятника утверждают, что общество заманбабинской культуры – это, очевидно, общество скотоводческих и земледельческих племен... (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 185). Как бы там ни было, в любом случае Заманбаба не может быть исходным центром земледельческой культуры долины.

Окончательный ответ на этот вопрос дало поселение Саразм. В этом плане особый интерес представляет археологический комплекс Саразм IV, считающейся последним периодом жизни поселения.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС IV ЖИЛОГО ГОРИЗОНТА ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Между археологами по вопросу датировки верхнего IV жилого горизонта поселения Саразм имеются некоторые разногласия. В первых публикациях А.И. Исаков время заупустения поселения Саразм связывал с IV жилым горизонтом. Характеризуя археологический комплекс этого периода, исследователь пишет, что «Комплекс вещественных находок, тип гончарных печей позволяют нам предсказать для последнего периода Саразма ориентировочную дату, соответствующую времени Намазга V и началу периода Намазга VI, приблизительно 1800-1500 гг. до н.э. (1986 г, с. 166). Казалось, эта дата вполне соответствует характеру археологического комплекса поселения, но в последних публикациях он считает, что горизонт Саразм IV соответствует 2300-2000 гг. до н.э. (Исаков, 1991 а, с. 22). К более ранней дате Саразма IV склоняются и французские археологи Р. Безенваль и Б. Лионе.

Анализируя находки археологического комплекса Саразм, были обнаружены ряд артефактов, которые позволили нам еще раз вернуться к хронологии IV периода. Строительные остатки, гончарные печи, алтари – очаги, керамические, металлические и каменные предметы, на наш взгляд, характерны для первой четверти II тыс. до н.э.

Этот период прослеживается в 10 раскопных объектах и 12 разведывательных шурфах поселения Саразм (рис. 1). Как показывает анализ, объекты Саразма по площади исследованы не одинаково. Отметим, что не на всех объектах были четко зафиксированы строительные остатки последнего периода, а только там, где имелся культурный слой толщиной 20-30 см. По утверждению исследователей: А.И. Исакова, А.Р. Раззокова, Р. Безенваля, жилой горизонт последнего периода был полностью уничтожен при многократных землеустроительных работах под посевами. В связи с этим мы можем охарактеризовать строительные остатки шести раскопов – II, III, IV, V, VI, VII.

а) Раскоп II. Финальный этап этого периода раскопа исследован на площади 1600 м². Зафиксированная поверхность четвертого жилого горизонта расположена на глубине от 20 до 30 см, в зависимости от рельефа дневной поверхности. На этом горизонте не было обнаружено остатков жилых помещений. Следы круглых очагов – обогревателей, заполненных треснувшими речными камнями и остатки каких-то мостовых с галечной засыпкой, свидетельствуют о том, что в этот период здесь жили люди. Такая сохранность следов жизни объясняется тем, что к этому периоду строительное дело приходит в упадок. Очевидно, глинобитные стены имели временный характер. Но, тем не менее, обращают на себя внимание остатки упомянутых ям с камнями, несколько чашевидных лунок от очагов и единственный уцелевший прямоугольный маленький алтарь с двойным невысоким бордю-

ром и лункой по середине. Ямы представляют собой круглые в плане углубления диаметром от 60 до 100 см глубиной 10-15 см. Изнутри ямы были заполнены бесформенными речными кайраками. Их расчистка показала, что ямы некогда, выполняли роль обогревателя. Дело в том, что кайраки сильно потресканы и вместе с ними обнаружено значительное количество обуглившейся древесины. Сооружение, обнаруженное в западной части, размером 150-160 см, напоминает остатки вымостки пола из небольших плоских камней. Здесь следов огня не обнаружено.

К этому периоду относится и ряд весьма интересных сооружений, требующих особого внимания. При раскопках остальной территории четвертого жилого горизонта были обнаружены две разрушенные и одна полностью сохранившаяся ямки. Из двух первых сохранились лишь центральная ямка, диаметр которой колеблется от 17 до 22 см при глубине 15-18 см. Стенки и пол имеют коричнево-красный цвет. Оба очага были заполнены золой.

Интересен сохранившийся прямоугольный маленький алтарь, устроенный на полу помещения в юго-западном углу раскопа. Алтарь слегка вытянут с запада на восток, размерами 65-75 см, толщина стенки 5-10 см, диаметр очажной ямы 15 см, глубина 18 см, высота до 10 см. Яма расположена посередине прямоугольного алтаря и заполнена доверху золой древесины. Стенки и пол ямы, включая места вокруг ямы до 15-20 см, сильно обгорели. Кирпично-красный цвет стенок ямы напоминает цвет лепного сосуда. В этом горизонте не сохранилось остатков каких-либо жилых построек. Нам удалось определить, что этот период представляет собой самостоятельный горизонт, не связанный с ниже лежащими, более ранними жилыми горизонтами.

Раскоп III. На этом раскопе исследовано 400 м² площади, относящихся к трем жилым горизонтам, последний относится к позднему этапу Саразма. В юго-западном углу раскопа были обнаружены остатки трех помещений 13, 14 и 15 (Исаков, 1991а.). Они прямоугольные, значительных размеров стены толщиной 70 см сложенные из сырца, сохранились на высоту до 50 см.

К северу от этих помещений раскопана незастроенная площадка, являющаяся двориком. На этом же участке раскопана двухкамерная гончарная печь, на уровне пола помещения 14. По своей конструкции она отличается от печей Сапаллитепа. Топка была вырыта в полу помещения и вытянута с запада на восток на 80х40 см.

Справа от топки устроена обжигательная камера размером 100х60 см. На полу обжигательной камеры были уложены плоские кайраки, видимо, с целью сохранить надолго температуру огня.

Застройки последнего периода, как указывалось ранее, имели временный характер.

Раскоп IV. Строения последнего периода этого раскопа представлены семью помещениями (Исаков, 1991а.). По определению А.И. Исакова, эти

помещения имели культовое значение. В этом горизонте в юго-восточном углу помещения 3 обнаружена двухкамерная гончарная печь больших размеров. По своему устройству она аналогична печи из раскопа III периода Саразм IV.

Раскоп V. Из строительных остатков на площади 500 м² обнаружены отрезки стен крупного культового помещения из двух рядов сырцовых кирпичей с дисковидным алтарем по середине (рис. 2). Обнаруженные небольшие отрезки сохранились от каких-то строений и по ним невозможно установить четкую планировку, но можно говорить о том, что в этом горизонте существовали жилой и культовый комплекс (рис. 2). Что касается других строений, то если они существовали, то позже были уничтожены при земляных работах.

Раскоп VI. Строения последнего периода раскопа также разрушены до основания. Обнаружены остатки гончарной печи и отрезки стены из кирпичей размерами 50x10 см. Размеры обжигательной камеры 80x80 см, ширина топки – 48 см, длина – 80 см, дно – 40 см. Эта печь по устройству близка к печам раскопа III и IV. Что касается остальной части площади раскопа, то на поверхности исследуемого горизонта были обнаружены следы кострищ и остатки лунок от какого-то сооружения.

Раскоп VII. На площади 360 м² раскопа удалось обнаружить остатки ряда жилых помещений. Все они были сильно разрушены. Высота сохранившихся стен от 10 до 25 см, в некоторых же местах следы стен едва прослеживаются. По сохранившимся следам установлено, что, отличаясь друг от друга по плану и величине, все помещения были прямоугольными. На полу ряда из них обнаружены остатки гончарных печей и многочисленные фрагменты сосудов, впоследствии они были восстановлены. На полу двух помещений были обнаружены округлые ямы различных размеров.

Интерес представляет округлого плана керамическая печь диаметром 2,4 м. расположенная в северо-восточном углу раскопа. В северной части раскопа обнаружен обогреватель овального типа, диаметром по вытянутой стороне 1,4 м. На этом же раскопе было обнаружено округлое глиняное ограждение. В свою очередь, это ограждение и вся поверхность круга, вымощены плоскими речными кайраками. Такими отборными камешками была вымощена и внутренность первого и второго сооружения, но последние не имеют глиняного ограждения, а внутренняя поверхность была не обожжена. Учитывая эти различия, мы определили нашу находку как однокамерную керамическую печь без топки. По своей примитивности она аналогична печи из третьего горизонта раскопа II, кроме названных сооружений, на раскопе обнаружены остатки трех помещений. (Исаков, 1991а.).

б) Керамика. Керамический комплекс последнего периода (Саразм IV) во многом отличается от типа керамики трех предшествующих периодов

(Саразм I, II, III). Хотя в этот период и соблюдались ранее разработанные технологии изготовления керамики: лепка, обжиг, тесто, формы, но все же при тщательном исследовании и синхронизации ее с керамикой древнеземледельческих и древнескотоводческих культур прослеживаются некоторые особенности. Но прежде чем проанализировать особенности керамики исследуемого периода, отметим их незначительность относительно типологии, вида, теста и формы.

Этому периоду характерны, как и прежде, три вида керамики – светлая, серая и расписная. Наряду с такой керамикой этому периоду характерен и новый тип керамики, признанный в науке как скотоводческая культура. Поскольку скотоводческая культура в составе земледельческой культуры требует более глубокого анализа, то мы здесь охарактеризуем лишь керамику земледельческой культуры поселения Саразм.

Керамика этой культуры в основном выполнена из светлой глины с желтыми, оранжевым, красными тонами ангоба и поверхности. Серая и расписная керамика в количественном отношении намного уступает керамике из светлой глины. Сероглиняная керамика встречается в виде котлов, чайников, молочниц, а расписная в основном представлена фрагментами чаш различной формы.

Статистический подсчет керамики периода Саразма IV до 1992 года (109391 экз.) показал, что светлофоновая керамика составляет 98%, сероглиняная, включая котлы – 1,6%, а расписная – 0,4%. По технологии изготовления керамика Саразма делится на две группы: на керамику ручной лепки и гончарную. Здесь соотношение керамики колеблется от 85 до 90% в пользу первой. Ниже представляем характеристику IV горизонта поселения Саразм.

Расписная керамика. Характерная черта этого горизонта Саразма – полное отсутствие полихромной росписи. В свою очередь монохромная роспись на поверхности сосудов качественно ухудшается, и она не очень разнообразная. Роспись наносилась в основном двумя цветами красок – оранжевой и коричневой. Наряду с этим наблюдается резкое сокращение типологии узоров. Наиболее украшенными были в основном бокалы, миски, корчаги. Какие орнаменты были нанесены на других сосудах, не возможно было установить из-за их фрагментарности.

Тем не менее, выделенные узоры представляют 10 типов: полукружки, наверху – вертикальные линии, растительный стиль, прямоугольный картуш с четырьмя треуголками, горизонтальные полосы по тулову сосуда, вертикальные полосы расположенные между горизонтальными полосками, треугольники украшенные острием с одной линией или двумя линиями зубцов, с двумя волнистыми линиями под двумя горизонтальными линиями под венчиком, от волнистых линий к концу диагональных линий, и наконец, полукрестик. Среди мотивов встречаются узоры, которые состоят из отдельной горизонтальной полоски или с короткими чешуйками по тулову сосуда.

При анализе характера перечисленных мотивов росписи отмечаются их примитивность и небрежное исполнение. Этот факт позволяет говорить о том, что все узоры керамики IV горизонта относятся к поздним этапам культуры расписной керамики.

Что касается техники исполнения, то отметим, что в эту пору массовая расписная керамика изготовлялась вручную. Лишь в отдельных случаях единичные экземпляры, прежде всего бокалы, очевидно, изготовлялись на ручном гончарном круге медленного вращения.

Светлофоновая керамика. К этой категории керамики мы относим керамику, тесто которой имеет светло-желтый, розовый и красный цвет. Все сосуды, изготовленные из светлой глины, на поверхности имеют ангоб из упомянутых цветов. В отдельных случаях встречается и двухцветный ангоб, имитирующий роспись, но без каких-либо узоров. В основном двухцветным ангобом покрывались горловина, корчаг верхняя часть чаши в виде фриза.

Что касается типов сосудов, то, несмотря на упадок жизни в поселении в IV горизонте, их число увеличивается. Появляются сложно профилированные венчики у корчаг и чаше подобные сосуды. Впервые на поселении Саразм появляются сосуды с кольцевидным дном.

Характерная черта светлофоновой керамики этого периода – появление двух новых форм сосудов. 1) сосуды различного размера с коротким сливом, которые мы считаем чайниками или кипяtilьниками, и единственный сероглиняный сосудик, определенный как детская молочница; 2) остродонный лепной котел со сферическим туловом. Относительно вышеупомянутых новых форм сосудов отметим, что они встречены в единичном (изредка в двойном) экземпляре. Этот факт свидетельствует о том, что методы изготовления керамики были заимствованы у мастеров – гончаров ранних периодов. Что касается появления новых форм и сложно профилированных венчиков, то это, по нашему мнению, говорит о начале применения здесь гончарного круга.

Относительно типов сосудов в конце III - начале II тыс. до н.э. на Саразме, можно сказать, что их число несколько увеличивается. К этому периоду в быту саразмийцев использовалось, по меньшей мере, 10 типов сосудов: хумы, корчаги, чайники, тагары, горшки, чаши, блюдца, миски, котлы, молочницы. В свою очередь каждый из этих типов имеет от 2-х до 5 подтипов.

Керамика культуры степной зоны. Периоду Саразм I-III характерна материальная культура земледельческих общин, особенно архитектура, керамические, металлические и в основном каменные предметы, отождествляемые с земледельческой культурой. Что касается финальной стадии поселения в период Саразм IV, то во всех направлениях материальной культуры поселения Саразм наблюдается проникновение новой скотоводческой культуры. Однако это культура не смогла полностью вытеснить земледельче-

скую культуру. По мнению А.И. Исакова, степная культура, которая по характеру была ниже земледельческой, не смогла вмешаться в традиции культурного развития земледельцев. В этом аспекте на данном этапе своего появления скотоводческая культура носила только вспомогательный характер и повлияла на разнообразие культурных взаимоотношений. Это подтверждается малочисленностью предметов материальной культуры скотоводческих племен. Например, среди многотысячных фрагментов керамики земледельческой культуры мы пока имеем всего 8 фрагментов и 2 целых сосуда, характерных для скотоводческой культуры, так называемой культуры степной бронзы. Из них мы можем предложить только 6 сосудов, отличающихся друг от друга и по форме, и по типам орнамента. Среди них 3 остродонных сосуда (рис. 9: 1, 2, 4, 6): узкогорлый горшок (рис. 9: 5. 1), корчага с катушкообразным горлом и сосуд с тремя ножками. Другие сосуды из-за фрагментарности не определяются (рис. 9: 1, 2, 4, 6). Как бы там ни было, наличие этих сосудов, особенно остродонного сосуда с цилиндрической стенкой, определяемого А.И. Исаковым и В. Лионе как «кельтиминарский» (Isakov, Lyonnet, 1988, с. 31-48), и фрагмента керамики с кочально-образным нарезным орнаментом, в некоторой степени говорят о характере керамики скотоводческой культуры поселения Саразм.

в) Металлические изделия. В трех последних жилых горизонтах поселения Саразм было найдено более 15 различных металлических изделий. Статистические данные свидетельствуют, о том что хотя период горизонта IV Саразма является финальной стадией жизни поселения, обработка и производство металлических предметов здесь не сократилось, а наоборот, к этому этапу саразмийцами были разработаны технологии добычи и обработки свинца. Увеличилось число типов и видов орудий и оружия.

Из бронзовых предметов мы имеем 9 видов изделий, которые являлись необходимыми в жизни и быту поселения Саразм. К ним относятся ножи, топоры, тесла, булавки или вязальные крючки, иглы, рыболовные крючки, браслеты. Вместе с ними в нашей коллекции имеется свинцовая печать. Все эти предметы классифицируются нами как предметы земледельческой культуры хотя среди металлических изделий мы выделяем и предметы, которые характерны скотоводческим общинам, о которых будем говорить ниже.

Отметим, что некоторые из этих находок опубликованы А.И. Исаковым, но в своих трудах он их не классифицировал по характеру культурной принадлежности. Мы не стараемся дать такую классификацию, основываясь на тех металлических предметах, которые относятся к IV горизонту Саразма и найдены непосредственно в пахотном слое или на поверхности земли.

Ножи. Их два, оба двухлезвийные, деформированные, в результате многократных расточек (рис. 11: 1, 2). Отличаются друг от друга по величине и устройству черенка. У первого ножа короткий и неустойчивый черенок, у второго ножа черенок в два раза длиннее и массивнее.

Кинжалы. В отличие от ножей они снабжены прочным в сечении толстым лезвием, а также прочным и длинным черенком. Устройство черенка, который имеет загнутый конец в виде петли, является свидетельством наличия раннее деревянной или костяной ручки для прихвата (рис. 10: 3-7). Такая прочность лезвия и черенка усиливает ударную силу кинжала который, на наш взгляд, использовался, как оружие. Вместе с тем не исключено, что кинжалы в некоторых случаях использовались в быту, как и нож, о чем свидетельствует тонкое лезвие у ряда кинжалов (рис. 10: 3, 4, 6 и 7).

Наконечники копий. Они небольшие, с коротким, но острым наконечником и черешком (рис. 10-9, 10). В этой категории находок из-за конечной части форму определить невозможно, но короткий черенок и лезвие позволяют нам считать подобные находки наконечниками копий (рис. 10: 8). Следует отметить, что эти боевые охотничьи предметы характерны только финальному этапу поселения Саразм. В трех ранних горизонтах исследуемого поселения они отсутствовали, но не исключено, что до появления металлических наконечников их функции выполняли кремневые наконечники.

Рыболовные крючки. Это наиболее редкие находки эпохи бронзы. К тому же они встречаются не на всех памятниках. В Саразме пока найдено два крючка. Они изготовлены из ромбовидных в сечении бронзовых стержней. Загнутые концы в конечной части заострены и, несомненно, приспособлены к рыболовству (рис. 11: 4, 5). В этой группе мы имеем еще один бронзовый предмет в виде полукольца с округлым сечением. Фрагментарность его не позволяет нам определить точно выполняемую им функцию (рис. 11: 6). А.И. Исаков считает его половиной браслета (Исаков, 1991а), нам же кажется, что он мог быть и частью рыболовного крючка.

Булавки. (вязальные крючки) и игла. Наряду с крупными предметами при раскопках Саразма были найдены и мелкие ремесленные предметы. Первыми были найдены две булавки со сложными навершиями. Они однотипны; верхняя часть, так называемая головка, сильно приплюснута двойными (рис. 11: 8, 12) или одинарными площадками (рис. 11: II). Причем плоская площадка второй булавки по краям зазубрена, конечная часть булавок слегка закруглена, где острием передавалось затупление. Назначение этих предметов пока спорно. Практически все исследователи считают, что булавки аналогичны этим применялись для волос (Массон, 1960, таб. XV, 9-10, 1976, рис. 51. Кузьмина, 1966, Таб. XVI, 16-25). А.И. Исаков, классифицируя данные булавки Саразма, считает их вязальными крючками (Исаков, 1986, с. 152). На наш взгляд, определение последнего исследователя ближе к истине.

Среди ремесленных предметов интерес представляет бронзовая иголка длиной около 6 см. До этой находки на более ранних горизонтах поселения Саразм были найдены бронзовые и костяные шила и единственная костяная иголка. В финальной стадии ремесленники поселения Саразм в быту использовали и бронзовые иглы, что говорит о развитии здесь швейного ремесла.

Топоры-тесла. Этот тип находок так называемые топоры-тесла, на наш взгляд является орудием исключительно земледельческой культуры, так как предметы таких форм встречены во всех древнеземледельческих регионах Центральной Азии. На поселении Саразм мы имеем 2 топора-тесла, найденных в IV горизонте. Они отличаются друг от друга по размерам и устройству втулок. Первый из них более масштабен: общая длина – 22,5 см, втулка для черенка диаметром в 3 см на 2 см выступает над внутренней наружностью (рис. 11: 9, 10). Второй меньше по размерам (11,5 см) со слабо выступающей втулкой. Тем не менее, при таких маловыразительных различиях, они, очевидно, дополняют арсенал боевых топоров-тесел, найденных на памятниках Средней Азии, Пакистана, Белуджистана и Индии (Литвинский, 1954, с. 23; 1961, с. 59; Виноградова, Кузьмина, 1970, с. 128. рис. 5).

В заключении характеристики металлических изделий финальной стадии поселения Саразм остановимся еще на одной важной находке. Это свинцовая печать диаметром 3 см с двумя отверстиями по середине и орнаментом. Причем, орнамент состоит из четырех секций треугольников, вершины которых направлены в центр печати. В каждой секции по три треугольника (рис. 14: 2). Наряду с металлическими предметами земледельческой культуры в нашей коллекции имеется три ножа и три кинжала, характерные культуре скотоводов степняков (Исаков, 1991а. рис. 10: 104. рис. 75: 6). Находка этих предметов еще более убеждают нас в том, что земледельцы поселения Саразм имели связи со своими северными соседями – скотоводами.

г) Каменные изделия. Несмотря на то, что изготовление бронзовых изделий в IV периоде Саразма развивалось значительно быстрее и во многих сферах деятельности человека эти предметы стали главными в производстве и быту, они все же не смогли вытеснить каменные орудия. Среди них мы видим противовесы или грузила с одним и двумя желобчатыми прихватами (рис. 12: 1), ступку (рис. 12: 2), точило (12: 3), ручку ножа или кинжала (рис. 12: 4), выпрямитель (рис. 12: 5), крупные тяжеловесные ступки (рис. 12: 6, 7) и молота куранта (рис. 12: 8). В функциональном отношении каждый из этих предметов был предназначен для выполнения различных работ (Раззаков, 1994).

Среди каменных изделий Саразма встречаются десятки бытовых предметов. Они классифицируются в основном по двум категориям: это флакончики для благовоний (рис. 13. А: 1-3) и сосуды – чаши (рис. 13. В: 1-9). Обе эти группы предметов характерны развитому периоду бронзового века. В значительном количестве подобные предметы встречаются в древнеземледельческих памятниках Средней Азии, Афганистана и Ирана конца III - начала II тыс. до н.э. Хотя флакончики Саразма по форме отличаются от аналогичных находок, встречаемых на других памятниках, однако один из них, имеющий четырехугольную форму, украшен разными треугольниками, видимо, предназначенными для инкрустации цветными камнями (рис. 13. А:

3). Что касается находок второй категории, то они также, как и другие археологические находки, встречаются на поселении Саразм с эпохи энеолита. Значительное количество каменных сосудов различной величины было найдено в горизонте IV. Однако, за исключением миниатюрных сосудов, чаши по форме не отличаются друг от друга. Все они конусовидные, с широко раскрытым венчиком (рис. 13. В: 1-9).

Судя по шлифованной поверхности, каменные сосуды были изготовлены из различных пород мраморных жильчатых камней (рис. 13: В. 2, 3, 7) или серого (рис. 13. В: 4, 8, 9) мрамора. На всех изломах сосудов и на их поверхности четко прослеживаются волнистые или прямые горизонтальные прожилки. Сопоставление мраморных сосудов Саразма с аналогичными находками на древнеземледельческих памятниках Средней Азии и Ближнего Востока, в частности, Алтын-тепе (Массон, 1981, с. 35-48), Шахри Сохта (Tosi, 1986, с. 58) и других, выявляет их однотипность, как по форме, так и по технологии изготовления.

Вместе с серийными каменными изделиями на Саразме использовались и редкие единичные предметы, назначение которых, пока неизвестно. К ним относятся каменная гладилка-утюжок (рис. 13. В: 1) и длинный прямоугольный брусок с аккуратно отшлифованной площадкой в конце (рис. 13. Б: 2). Первый из предметов А.И. Исаков интерпретирует как инструмент для штукатурки, а что касается второго предмета, то исследователь считает его лощиной для сглаживания швов обуви.

Как бы там не было, оба эти инструмента, бесспорно, являются предметами ремесленников и свидетельствуют о развитии изготовления различных ремесленных орудий.

д) Печати, жезлы и скульптура. Эти редкие и в свою очередь уникальные предметы являются предметами, определяющими статус владельца. Они встречены только в последнем IV горизонте поселения Саразм. Их появление заставляет нас говорить о начале социальной дифференциации саразмийских общин в финальной стадии развития поселения. Правда, предметы определяющие положение личности в обществе, появились еще в эпоху энеолита. Они были золотыми и серебряными (Исаков, 1968 Б, с. 79-80). Однако предоставляемые нами предметы более чем убедительно характеризуют социальную культуру саразмийских общин.

Первый из них – это глиняная печать подпрямоугольной формы с отверстием по середине и четырьмя треугольниками, острие которых направлено в сторону отверстия (рис. 14: 1). Вторая печать, которая и лицевой стороне (оверест) также имеет треугольные орнаменты, как было упомянуто выше, из свинца (рис. 14: 2). Третья печать изготовлена из цилиндрической формы речного жильчатого камня. Она высотой 4,3 см. диаметром в 1,5 см. По кольцевому кругу цилиндра аккуратно вырезан рельеф коровы или быка.

Две первые печати по орнаменту, являются традиционными для памятников древнеземледельческой культуры Средней Азии, прежде всего Южного Туркменистана и Северо-Западного Ирана. Цилиндрические же печати характерны культуре Месопотамии, Ирана и Индии.

Все они были неоднократно опубликованы. Исследователи А.И. Исаков и Р. Безенваль дали им свои научные интерпретации (Исаков, 1986, А, 1986, Б, 1991 А, 1991 В; Besenval, Isakov, 1989). Поскольку свинцовая плоская и каменная цилиндрическая печати были найдены в горизонте IV поселения Саразм, соответственно на раскопках VII и IV, то для нашей темы они имеют огромное значение.

К предметам определяющим престиж владельца, мы относим находки двух жезлов. Они так же, как и глиняные печати, найдены случайно в распаханной части поселения Саразм. Первый жезл сломан возле отверстия, изготовлен из речного камня с белыми точечками (рис. 14: 4). Второй изготовлен из гранитного однотонного черного нефритоподобного камня. Он относительно массивен, высотой 15 см, диаметром 5,2 см (рис. 14: 5). Оба предмета тщательно отшлифованы и у горла, под головкой с вытянутым клювом, имеется сквозное отверстие диаметром не более 1 см (рис. 14: 4). Причем конусовидная форма отверстия была предназначена для придания более изящного вида стрелю – черенку. Определение этих предметов как жезла вождя племени, предложенное А.И. Исаковым, соответствует, как нам кажется, истине.

Среди уникальных каменных находок финального периода поселения Саразм единственный каменный предмет, который мы считаем стилизованной человеческой скульптурой, был найден на поверхности площади раскопа II. Предмет этот представляет собой отшлифованный мелкозернистый красный песчаник, конической формы высотой 21 см. Нижняя часть «стопы» округлая, диаметром 14 см, срезана очень аккуратно. Ее плоскость позволяет предмету находиться в вертикальном положении (рис. 14: 6).

2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ФИНАЛЬНОЙ СТАДИИ ПОСЕЛЕНИЯ САРАЗМ

Характер археологических комплексов всех периодов Саразма (Саразм I-IV) в свете раскопов 1977-1983 гг. был отражен в монографиях и различных публикациях А.И. Исакова, Р. Безенваля, Б. Лионе, А.Р. Раззакова (Исаков, 1989а; 1986, б; 1991а; Исаков, Лионе, 1988; Исаков, Безенваль, 1989, Раззаков, 1994). В этих трудах исследователями были охвачены комплексы всех периодов поселения от энеолита до эпохи бронзы. Кроме того, в ходе исследования поселения Саразм в конце 80-х начале 90-х годов были заложены новые раскопы на отдельных участках поселения. Так, более обширно исследовались раскопы V-VI и VII. Были начаты исследования раскопа VIII и IX. В результате были обнаружены новые артефакты, позволяющие пересмотреть некоторые выводы вышеупомянутых исследователей. В этом плане особое место занимает шурф XI, заложенный во дворе жителя кишлака Авазали. Важность шурфа, который позже был превращен в раскоп, заключается в том, что здесь на площади более чем 100 м² были обнаружены остатки двух помещений и небольшого двора. В середине одного из помещений был обнаружен квадратный очаг – алтарь с лункой по середине. Кроме того, особенность этого шурфа – раскопа заключается в том, что в двух верхних жилых горизонтах было обнаружено более 1000 фрагментов керамики, отличающейся от ранее встреченных на Саразме. Керамика этого раскопа, несмотря на фрагментарность, представлена новыми сосудами, изготовленными на медленно вращающемся гончарном круге. По форме эти сосуды напоминают невысокие миски с широко раскрытыми венчиками (рис. 7: 6-9). Последний завершается ярко выраженным валиком (рис. 7: 16, 18, 20).

Таким образом, исследования последних лет, благодаря своим новым материалам, в некотором смысле дополнили нашу коллекцию и позволили более широко интерпретировать археологический комплекс финального периода поселения Саразм, как исходный пласт земледельческой культуры Зарафшанской долины.

Наши новые интерпретации археологических комплексов поселения Саразм в основном относятся к вещественным находкам: керамике, металлическим и каменным изделиям, которые дополнили археологические находки фактически новыми материалами, в полном смысле этого слова. Но при этом отметим, что относительно строительной культуры новых находок пока не получено.

Тем не менее, по остаткам стен жилых помещений (рис. 2: 3, 4), диско-видным и квадратным очагам – алтарям (рис. 2), обгоревшим лункам от каких-то мастерских или очагам и единственного зала (рис. 2) можно констатировать, что на поселении Саразм и в финальной стадии жизнь продолжалась.

Если в основу анализа экономической и культурной жизни населения Саразма положим анализ орудий труда, оружия, посуды, предметов быта и культуры, которыми располагаем в достаточном количестве, то вполне можно утверждать, что жизнь на поселении прекратилась не внезапно.

Исходя из этого соображения, причины прекращения жизни поселения требуют своего объяснения. Пока же мы имеем лишь гипотетичные версии, предложенные А.И. Исаковым (1961б).

Несмотря на это, по остаткам жилых помещений на раскопах IV и VII можно констатировать, что саразмийцы и на финальном этапе жили в 2-х, 3-х комнатных жилых комплексах, рядом с которыми, очевидно были устроены складские и хозяйственные постройки. Площадь жилых помещений небольшая, она колеблется от 6 до 20 м². При таком жилом комплексе семья скорее не превышала 5 человек, и чаще состояла из 2-4 человек. Отсутствие кухонных очагов в помещении свидетельствует о том, что кухонное устройство находилось во двориках или в специально устроенных помещениях, которые пока не обнаружены. Видимо, во дворах находились и устройства для выпечки лепешек – тануры, которые тоже пока не обнаружены. Но зато на поселении открыто несколько гончарных печей для обжига керамики. Из раскопанных печей 3 были устроены внутри помещений. Они были устроены на раскопках II, III, IV, XII. Например, помещения, где были устроены гончарные печи (раскопа II и IV) имеют площадь более 20 м² каждая. Печь была расположена в углу. Видимо, остальная часть помещения служила рабочим местом гончара.

Несмотря на скудность достоверных фактов, констатируем, что в устройствах жилых комплексов саразмийских общин вряд ли могли происходить какие-либо серьезные инновации. На финальном этапе саразмийцы могли жить в общественных домах, состоящих из нескольких жилых комплексов, обитатели которых находились в родственных отношениях. Они могли вести общее хозяйство и подчинялись главе больших семейств или рода. К такому выводу мы пришли, ознакомившись с типом застроек, обнаруженных и интерпретированных исследователями поселений Геоксюр (Сарианиди, 1965, с. 9), Карадепе (Массон, 1960, рис. 12), Алтындепе (Массон, 1981, с. 36), Мундигак (Casal 1961, табл. 110, 886), Шахри-Сохта (Tosi, 1983, с. 105) и др. В свою очередь, жилой массив, где были расположены многокомнатные дома (как в раскопах II, IV, VII), состоял из кварталов, которые имели дворики, улицы, переулки и общие огороды.

Как видим, в строительной культуре Саразма эпохи бронзы отразилась социальная и общественная структура патриархальных общин этого поселения.

Как было отмечено, комплекс вещественных находок материальной культуры финального этапа поселения Саразм состоит из керамических, металлических и каменных изделий. Эти три категории находок являются

определяющими факторами уровня развития ремесла, экономики и в конечном счете материальной культуры первобытных общин.

Анализ типологии керамики последнего периода поселения Саразм показывает, что хотя в производстве керамики и не произошло каких-либо серьезных инноваций, тем не менее, здесь появились новые единичные типы сосудов, с более сложными венчиками, изготовленными на гончарном круге (рис. 7: 6-9, 14-20; рис. 8: 2). О появлении гончарного круга в конце III и начале II тыс. до н.э. на Саразме говорят находки каменных маховиков для осей круга.

И все же процент лепной керамики к этому периоду преобладает над станковой. Увеличилось число хумов, котлов и горшков с катушкообразными горловинами. Найдены сосуды новых конических форм, а также сосуды с кольцевидными донцами из серой и даже светлой глины (рис. 6: 3). На древнеземледельческих памятниках Южного Туркменистана они обнаружены в слое Кара 3, на поселении Карадепе (Массон, 1960, табл. V. 29) и в шурфе I поселения Геоксюр (Сарианиди, 1961, табл. VII, II). Правда, эти сосуды исследователями датированы позднеэнеолитическим периодом. Отметим, что сосуды этого типа были характерны не только для упомянутых памятников, они были обнаружены и восстановлены на памятниках Ирана – Тали Барзу (Mangsdozff, 1932, табл. 19. 1-6) и Тали Иблис (Sazzaf, 1980. с. 210, табл. 10. 522a-526).

Сосуды с выступающим носиком (рис. 1: 1, 2) в эпоху развитой бронзы, начиная с первой четверти II тыс. до н.э. становятся одними из ведущих типов керамики этого периода. Найденные различные варианты таких сосудов на поселениях Сапаллитепе (Аскаров, 1973, табл. 17: 3, 15, 16, 18; 1977, табл. XX. 1-16), Дашлы 3 (Сарианиди, 1977, рис. 25 VI, XII, 1-5) и в могильниках Джаркутана (Аскаров, Абдуллаев, 1983, табл. XXX. 8-12 и 15), Пархай (Хлопин, 1983, табл. 56: 1, 3, 5) являются подтверждением сказанного.

Следует отметить, что среди нерасписных сосудов Саразма встречаются корчаги с разными видами венчиков (рис. 5: 5, 6, 8; рис. 7: 1, 2, 12-14).

Одновременно с ними растет число хумов, которые по существу являются главными тарными сосудами (рис. 6: 9, 10). К категории редких сосудов можно отнести кубок (?) с весьма примечательной нижней частью, не идентичный, но близкий по виду сосуд с тремя ножками найденный на поселение Пархайдепе (Хлопин, 1975, с. 120, рис. 2: 7, 8).

Среди керамики Саразма необычным по форме является котел из серой глины с заостренным дном (рис. 9: 10). В Саразме мы пока имеем 4 таких котла. Все они были найдены в культурных слоях IV горизонта. Мы предполагаем, что этот тип котлов относится к группе сосудов скотоводческой культуры, и возможно, их форма была заимствована земледельцами Саразма. Это подтверждается тем, что эти котлы некогда стояли на специальных

переносных очажках, которыми пользовались скотоводы, постоянно передвигавшиеся и менявшие места обитания.

Заслуживает внимания тип и формы керамики скотоводческой культуры (рис. 9), включая упомянутый остродонный котел, их обнаружено 11. Появление керамики этой культуры, т.е. культуры степной бронзы, свидетельствует о том, что связи оседлоземледельческого населения Зарафшанской долины со скотоводами северных регионов сложились еще в пору ранней бронзы, начиная с III тыс. до н.э.

Хотя в период существования Саразм IV и появляются новые типы узоров росписи, но они как было отмечено выше, отличаются своей простотой и небрежностью исполнения, кроме того, прослеживается уменьшение разнообразия и количества самой расписной керамики. Если в пору Саразма III, в начале и середине II тыс. до н.э. мы имели 47 расписных сосудов (правда, большинство во фрагментах), то в период Саразма IV – около 30. Исходя из темы исследования, было выбрано 22 фрагмента и 3 целых сосуда с росписями (рис. 5: 1-21; рис. 8: 1-3). Среди них имеется единственный фрагмент геоксюрского типа (рис. 5: 21), один сосуд с росписью изнутри характерен для керамики Мундигака. Кроме них, имеются 4 сосуда с мотивами археологических памятников Пакистанского Белуджистана (рис. 5: 1, 3-5, 19-20; рис. 8: 1-3). Что касается остальных, то они характерны для самого Саразма.

Тем не менее, узоры расписных сосудов исследуемого периода поселения Саразм имеют достаточно многочисленные аналогии среди керамики поселений Южного Туркменистана, в особенности Алтындепе, Мулалытепе и Геоксюрского комплекса (Сарианиди, 1965, табл. 42: 54, 67) и памятников Пакистанского Белуджистана, характерных для культуры Кветта: Дашти-Саодат II, Сур-Джангал III, (Fairservis, 1959, рис. 62: 91; рис. 62: 107).

Интересен факт увеличения типов узоров с толстыми и волнистыми горизонтальными полосами (рис. 5: 5, 9). Аналогичный орнамент характерен для орнаментов IV горизонта Сур-Джангала (Fairservis, 1959, с. 408, № 254-259). Другой тип орнамента – горизонтальные волнистые линии (рис. 5: 12), характерен для керамики иранской группы памятников, прежде всего Тали-Иблис (Sazzaf, 1980, с. 178, 314, 317) и Сиалк (Ghizshman, 1938, табл. 43. А: 4, 5, 10). Что касается пилевидных (рис. 5: 16, 17) и треугольных (рис. 5: 13, 15, 18) мотивов, то отметим, что эти орнаменты встречаются на всех памятниках культуры Саразма.

Интерес представляет орнамент двух целых сосудов, найденных в IV горизонте раскопа VII Р. Безенвалем и Л.Т. Пьянковой (рис. 8: 1-3). Первый из них (рис. 8: 1) для поселения Саразма, да и для всех древнеземледельческих памятников Средней Азии является уникальным. Прямую аналогию мы встретили среди орнаментов керамики Индостана и Пакистанского Белуд-

жистана, регионы которых, видимо, являются носителями растительного орнамента, и во многом их орнаменты накольные и далеко от Саразмского. Правда, некоторые, орнаменты керамики поселений Котдиджи (Fairservis, 1959, с. 314. рис. 22), Фаиз Мухаммед (Fairservis, 1959, с. 414, № 449 а) включают в себя мотивы, схожие с орнаментами саразмийского корчага. С таким же успехом можно привести примеры и среди орнаментов поселения Сиалк (Chirshman, 1938, табл. XIV: Б-3) и Анау 1Б (Масон, 1982, табл. XI: 6, 13).

Второй сосуд (табл. 8: 3) по форме и по характеру орнамента, нарисованного на плечике кружного кувшина, близок к керамике периода V – А поселения иранского Тепа-Яхъя, ниже сеточной клетки имеется веточное, а возможно, растительное изображение.

По рассмотренным артефактам можно констатировать, что расписная керамика являлась характерной чертой поселения Саразм во все его периоды, начиная от позднего энеолита и кончая развитой бронзой. Это позволяет в некоторой степени решить спорные вопросы, поставленные в археологической литературе в 60-х начале 80-х годов относительно существования или возникновения позднего центра культуры расписной керамики на территории Средней Азии.

Дело в том, что на рубеже II-I тыс. до н.э. в Мариагане, Фергане и Бактрии появились новые центры культуры поздней расписной керамики. Исследователи высказывают различные точки зрения об исходном центре культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа. Ю.А. Заднепровский считает чувстскую культуру исходной при формировании культуры раннежелезного века северных областей Бактрии (Заднепровский, 1962, с. 206-207). Почти такой же вывод сделал Дж. Касаль, который в комплексе керамики Мундигак V не встретил расписной посуды. Он считает создателями расписной посуды жителей восточных районов Ферганы, что у границы Китая (Casal 1961, с. 104-109) В.И. Сарияниди предлагает версию о северо-афганском происхождении культуры поздней расписной керамики, опираясь на материалы Тиллятепе. Позже эта культура распространяется через Южный Узбекистан (Кучукдепе, Миршаде) до Маргианы (Яздепе I) (Сарияниди, 1972, с. 29-36). А.А. Аскарлов также исходным центром распространения культуры расписной керамики считает ареал чувстской культуры. Находя близкое сходство материальной культуры Чуста с Кучуктепа, он считает, что «племена культуры поздней расписной керамики, из какой бы среды они не выделялись, генетически родственны, и истоки их происхождения надо искать только в пределах Средней Азии». (Аскарлов, 1979, с. 37). Почти аналогичной версии придерживается и Е.Е. Кузьмина, но она выделяет два центра происхождения культуры поздней расписной керамики. Первым центром она считает области юга Афганистана (Мундигак V). Далее

она пишет, что «культуры с расписной керамикой сложились в северных областях Средней Азии (в частности, в Фергане, а еще дальше в Восточном Туркменистане), а памятники второй половины II тыс. до. н.э. здесь пока не обнаружены» (Кузьмина, 1962, с. 136). Поэтому, учитывая долгие традиции существования расписной керамики в Саразме, можно предположить, что саразмская культура расписной керамики играла важную роль в распространении культур позднерасписной керамики в Средней Азии. Саразмская культура, возможно, является тем центром, откуда расписная керамика попадает в Фергану, Маргиану и Северную Бактрию. Саразмская культура, видимо, передавала культурные влияния, идущие из ближневосточного региона, племенам северных областей Средней Азии.

Что касается комплекса металлических предметов, то к финальному периоду он резко сокращается не только количественно, заметно уменьшается в их разнотипности. В этой связи прав А.И. Исаков, который считает, что кульминационным периодом металлообрабатывающих работ являются этапы Саразм II и III (Исаков, 1991а). Из разновидностей металлических предметов к этому периоду мы имеем изделия из бронзы и свинца, по неизвестной нам причине отсутствуют предметы из благородных металлов – золота и серебра. Отсутствие этих металлов, количественное уменьшение и качественное ухудшение бронзовых изделий вместе с другими фактами свидетельствуют о начале прекращения жизни поселения.

Тем не менее, мы имеем десятки предметов орудий труда и оружия, которые в трех ранних горизонтах встречены не были. При этом основная часть металлических изделий была найдена входе земляных работ жителями кишлаков Авазали, Гурача и Раджабали, которые расположены на северной и западной окраине поселения. Принадлежность их к финальному периоду Саразма была установлена совершенно определенно, во-первых, при осмотре местности, где были сделаны случайные находки, и во-вторых, при сопоставлении их с находками такого же рода из IV горизонта раскопов поселения.

В виду того, что основные металлические находки были опубликованы А.И. Исаковым, причем неоднократно, в этой работе мы приводим наиболее характерные изделия, по которым можно судить об их хронологии. Для этой цели мы выбрали 23 изделия, иллюстрирующих 10 типов. Описание их было сделано выше, и поэтому в этом разделе работы мы остановимся на их научной интерпретации и хронологии.

Первую категорию металлических изделий составляют кинжалы (рис. 10: 2, 3, 5). Они имеют длинные прочные черешки с загнутыми крючкообразными навершиями. Видимо, рукоятки кинжалов были костяными или деревянными, о чем свидетельствуют удлиненные до 10 см черешки. Кинжалы массивные, ширина их 3-4 см, длина до 28 см вместе с черешком. Длина лезвия колеблется от 15 до 20 см. До открытия Саразма в Средней Азии и

сопредельных регионах этот тип кинжала практически не встречался. Известные кинжалы из Маргианы (Массон, 1967, табл. XIV.; 3, 4) и Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, XXX, 8), которые относятся к эпохе ранней бронзы и железа, хотя по форме и близки к одному из кинжалов Саразма, но отличаются устройством черешка. Возможно, правы исследователь Маргианы (Тахирбой 3) В.М. Массон и исследователь Сапаллитепа А.А. Аскарлов классифицирующие их как наконечники дротиков и копий. Другие аналогии не известны. Кинжалы Тахирбой 3 и Сапаллитепа полностью, а кинжалы Саразма частично утратили своё боевое назначение. Впрочем, и на кинжалах Саразма четко прослеживаются следы последующих заточек, отчего лезвия их стали дугообразными.

Если считать вслед за исследователями памятников Тахирбой 3 и Сапаллитепа, найденные там кинжалы наконечниками копий, то получается, что саразмийские кинжалы второго типа не имеют аналогий среди кинжалов эпохи бронзы Средней Азии. Аналогии саразмским кинжалам второго типа обнаружены в Закавказье (Мунчаев, 1975, рис. 82: 3, 5). Кинжалы или как их называет Р.М. Мунчаев «ножи-кинжалы» с выделенным черешком и продольным ребром, зафиксированы в Азербайджане, Армении и особенно в Грузии – в Сохчаре (Мунчаев, 1975, с. 394), но они в отличие от среднеазиатских кинжалов, снабжены обособленными черешками.

Несмотря на общность черешков, кинжалы Саразма отличаются друг от друга устройством плечиков, клинка и лезвий. Это позволяет разделить их по устройству плечика на два вида: плечики кинжалов первого вида обособлены под треугольник к кинжалам; плечики второго типа имеют плавный переход. Что касается устройства клинков, то они и широкие, и узкие.

Ко второй категории мы отнесли ножи. Их однотипность (Исаков, 1991а, рис. 10: 6, 13; рис. 75: 2-5, 8) мы представляем единственным экземпляром ножа, найденного на поверхности поселения, к югу от раскопа IV. Особенность ножа заключается в том, что он двухлезвийный, как и кинжалы, но с очень неприспособленным к ручке коротким черешком. Кроме того, по плоскости ножа не прослеживается традиционное для кинжалов ребро. Ножи различных типов встречены на многих древнеземледельческих памятниках. Однако типологический анализ ножей показал, что они не всегда были правильно классифицированы. Так, встречаются факты, когда многие ножи, имеющие двухсторонние заточенные лезвия были признаны кинжалами (Иесен, 1939, табл. XI; Крупов, 1951, с. 49; 14, 6; Массон, 1967, с. 168, рис. 2. 1; Сарияниди, 1997, с. 76), есть случай, когда подобные ножи из-за небольших размеров, были включены в группы наконечников копий (Бернштам, 1950, табл. XXXIV: 4-6 XXXVII: 2, 3).

Малочисленность двухлезвийных ножей эпохи развитой бронзы в Средней Азии (Массон, 1961а, табл. 5; Кузьмин, 1966, таб. VII, 15; Задне-

провский, 1962, таб. XXXI; Аскарлов, 1977, таб. ЧЧ, 1. 6, 7), Афганистане (Сарианиди, 1977, с. 77, рис. 36: 3), Пакистане и Индии (Маскау, 1938, том II, таб. XXXI, 3, 5) не дает достаточно оснований считать их оружием. В связи с этим к двухлезвийным ножам Саразма относятся все изделия, имеющие короткие черенки, поскольку, в Саразме обнаружены настоящие кинжалы. Кинжалы массивнее ножей, имеют среднее ребро и длинный обособленный черенок.

Двухлезвийные ножи Саразма варьируются по величине и устройству плечиков. Все ножи кованые. Ширина колеблется от 2,9 до 4 см. Короткий черенок не может обеспечить ударную силу, какую должно иметь наступательное оружие. Длина лезвий от 13 до 17 см. Именно по этим соображениям изделия с лезвиями 13-17 см считаются ножами, хотя в критический момент их могли использовать в целях самозащиты. Известно, что ножи с короткими черенками и длинными листовидными лезвиями встречаются уже с раннего энеолита. Наиболее древние их экземпляры обнаружены в слое Намазга I на поселение Илгинлыдепе и в слое Намазга II на северном холме Анау (Кузьмина, табл. VII, 1966, 14). Ножи, найденные на другом поселении Южного Туркменистана – Алтындепе, исследователи интерпретируют как кинжалы (Массон, 1967, рис. 2: 1). Плоский клинок без среднего особого ребра с коротким черенком говорит о том, что этот предмет выполнял роль боевого оружия и хозяйственного ножа. Аналогичные предметы встречаются в обширном ареале – от Средней Азии (Кузьмина, 1966, табл. VII) до долины реки Инда (Маскау, 1938 табл. XXIX). Похожие ножи встречены и на Кавказе (Мунчаев, 1975, с. 293, рис. 1), но на Кавказе скорее всего эти ножи появились в результате контактов с переднеазиатским регионом. Не ясно происхождение крымских ножей с короткими черенками и удлиненным лезвием. Бронзовый двухлезвийный нож из погребения I близ Бахчисарая похож на нож из Саразма.

Нам представляется, что производство ножей носило региональный локальный характер, обусловленный производительными способностями и обилием медно-бронзовых минералов.

Как видим, аналогичность ножей еще не определяет пути их трансформации по отдельным областям или памятникам, хотя не исключается некоторое влияние на их форму.

Третью категорию металлических изделий составляют наконечники ножей и дротиков. В отличие от кинжалов и ножей, на Саразме они встречаются реже. Тем не менее, их наличие в последнем периоде жизни поселения свидетельствует о поэтапности появления наступательных и оборонительных орудий в саразмийских общинах. При этом, отметим, что на Саразме пока не найдено ни одного бронзового наконечника стрелы. Подобного рода находок не было встречено и на поселениях Заманбаба, Гуджайли,

Сапаллитепа, Дашлы 3 и на других памятниках начала II тыс. до н.э. В то время, если лук и стрелы и существовали, то их наконечники были каменными, зачастую кремневыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XVIII, XIX, XXXIV; Аскарлов, 1973, табл. 28; Сарияниди, 1977, рис. 52: 1, 8-19; Исаков, 1991а, рис. 42: I-II).

Из этих данных вытекает, что основными орудиями эпохи развитой бронзы были кинжалы, боевые топоры, копья и дротики. Лук и стрелы с кремневым наконечником, прежде всего, служили орудиями охотников для охоты на мелких животных и птиц. Что касается бронзовых наконечников, то они появились в самом конце бронзового века. Первые бронзовые наконечники на территории Средней Азии были найдены на поселении Яздтепе (Массон, 1959, табл. XXXIV, 9-14), в Хорезме на поселении Якке – Персон 2 (Толстов, 1962, 5-6).

Таким образом, отсутствие бронзовых наконечников в Саразме – это закономерность, обусловленная историческим процессом развития общественного производства. В этом плане наконечники копий и дротиков Саразма приобретают особое значение, как определяющий фактор процесса развития саразмийских общин.

Как бы там ни было, к финальному этапу Саразма мы имеем 5 наконечников (рис. 10: 6-10), из которых по нашей классификации, 3 являются наконечниками копий (рис. 10: 8), а два наконечниками дротиков (рис. 10: 9, 10). Наконечники копий представлены двумя видами: первый вид с длинным клинком, но с коротким черенком (табл. 10: 8), а второй с относительно длинными клинками, а также с длинными загнутыми в конце черенками (рис. 10: 6-7). Наконечники дротиков менее массивны, и они также представлены двумя видами: первый наконечник миниатюрный, длина его вместе с черенком 7,8 см, лавроволистной формы (рис. 10: 9); другой более массивный с треугольной и сильно заостренной формой клинка также с коротким черенком (рис. 10: 10).

Наконечник, найденный в горизонте II раскопа III трудно классифицировать. Он имеет длинный черенок, его лезвие напоминает лезвие кухонного ножа (рис. 10: 8). Этот предмет мог выполнять функции хозяйственного ножа. В.И. Сарияниди пишет, что «черенковые наконечники копий практически невозможно отличить от черенковых ножей и кинжалов, что нередко приводит к терминологической путанице» (Сарияниди, 1977, с. 76).

Более обширные аналоги имеют наконечники длиной 9 см, с крючком в конце, черенок предназначен для основательного крепления к пику (рис. 10: 7). Хотя этот предмет не имеет себе прямой аналогии среди наконечников Средней Азии, но что касается клинка, то он близок к наконечнику из Сапаллитепе (Аскарлов, 1973, табл. XXVIII: 7). Саразмийский наконечник находит себе аналогию среди бронзовых изделий Тепе-Гиссара из слоя К-

Гиссар II (Шмидт, 1933, табл. СШ, № 1040), который исследователь считает ножом. Более близка к наконечнику из Саразма находка из погребения со станции им. Тельмана Астаринского района Азербайджана (Махмудов, Мунчаев, Наримонов, 1966, с. 21. рис. 5: 7, 8; Кареневский. 1975, с. 68-72).

Что касается наконечника дротика, то для памятников эпохи бронзы это редкое явление. Аналогичный наконечник был найден в Сапаллитепа. Он также, как саразмийский, тонкий, плоский и листовидный. Его размер вместе с черенком равен 7,7 см. По мнению А.А. Аскарова, этот наконечник относится к четвертому варианту двухлезвийных ножей, однако он не отрицает того, что это может быть наконечник дротика (Аскаров, с. 72).

Среди наконечников дротика из Средней Азии он не имеет аналога. Лишь наконечник из Сапаллитепе имеет некоторую близость по форме клинка (Аскаров, 1977, табл. XXX: 8), но короткий и толстый черенок сапаллинского наконечника отличает его от саразмского. Тем не менее, саразмийские наконечники находят более близкие аналогии среди наконечников этого типа в Мохенджо-Даро (Маскау, 1976, табл., СХVII: 5, 7; СХIХ) и Чанху-Даро (1976, табл. IХХII: 3).

Наряду с крупными металлическими предметами из Саразма, которые в основном представляют орудия труда и оружие (в частности IV горизонта), мы имеем ряд изделий обиходного характера. Они классифицированы как предметы быта, туалета и ремесла. Среди них рыболовные крючки (рис. 14: 8, 12) и булавка для волос (рис. II. II). Все эти предметы были найдены в последнем жилом горизонте раскопов поселения Саразм в различные годы.

Переходя к характеристике упомянутых предметов, отметим, что их малочисленность объясняется просто: небольшие по размеру, тонкие, они чаще всего ломаются и теряются. Иголки нам известны по находкам из могильника Пархай II (Хлопин, 1981, рис. 21: 3), слоя Гиссар I (Shihit, 1937, табл. XVI, 3469). Известный из поселения Мохенджо-Даро длинный стержень с отверстием (Маскау, 1976, СХХХV, 10), хотя и похож на иголку, но по размерам это скорее шило. Имеется еще один подобный предмет из Чанху-Даро (Маскау, 1934, табл. 8, ХХII: 16), но он без отверстия.

Фрагмент браслета из крупного бронзового стержня (табл. 14: 7) указывает на разновидность украшения. Этот тип находок часто встречается среди металлических изделий прото-харапской культуры Индостана (Wooley, 1963, табл. 85: 929-932) и поселения Сапаллитепа (Аскаров, 1977, табл. XXXVIII).

Учитывая важное значение так называемых булавок, мы охарактеризуем их подробнее. К финальному периоду Саразма мы имеем три экземпляра этих находок, представляющих два типа. К первому типу относятся булавки, схожие с вязальными крючками (рис: 11: 8-12); ко второму – собственно булавки (рис. 11: 11).

Оба вязальных крючка имеют разные размеры. Первый из них 19 см, второй чуть меньше – 15 см. Оба эти предмета не имеют аналогий.

Специально изготовленные бронзовые спицы или вязальные крючки были найдены в могилах Сумбара. Определяя их назначение, И.Н. Хлопин отмечает, что «из нитей вязали спицами как полотенце (2 спицы), так и чулок (4 спицы), куски ткани склеивались при помощи бронзовых игл» (Хлопин, 1984, с. 31). Вязальный крючок был найден и в могильнике Сапаллитепа. А.А. Аскарлов описывает его так: «Вязальный крючок сделан из проволоки с одним круглым утолщенным в сечении концом и другим – тонким, закругленным» (Аскарлов, 1977, с. 73). Эти факты свидетельствуют о развитии вязального ремесла в пору развитой бронзы. Находки в Саразме говорят о том, что прядильное и вязальное ремесла уходят в глубь веков до эпохи энеолита и ранней бронзы. Не исключено, что некоторые находки булавок эпохи энеолита среди памятников Южного Туркменистана были именно вязальными крючками, но пока они не классифицированы по назначению и выполняемым функциям.

Последние находки Саразма типа булавок также имеют аналогии среди булавок среднеазиатского комплекса. В этом регионе пока известно всего 3 экземпляра этих находок. Два из них с зубчатым плоским навершием были найдены в памятниках расположенных на значительном расстоянии друг от друга: первый – в Хакском кладе (Кузьмина, 1966, табл. XVI: 8), второй – на поселении Алтындепе (Массон, 1981а, табл. XIX: 4; Кузьмина, 1966, табл. XVI: 32), третья находка была сделана в Саразме.

За пределами Средней Азии булавки саразмского типа найдены в разграбленных могилах Южной Бактрии в Афганистане (Potty, 1984, рис. 23: 172-173).

В процессе развития металлообрабатывающей культуры ремесленники – «металлурги», не только увеличивают количество своих товаров, но и стремятся улучшить их качество и разновидность. Поэтому находки двух топоров-тесел на территории поселения Саразм при землеройных работах Ашурали Тайлановым не были случайными. Скорее всего, эти сложные по устройству орудия труда, были созданы металлургами Саразма в последний период жизни поселения.

Мы затрудняемся охарактеризовать находку первого на территории Зарафшанской долины, а, возможно, и всей Средней Азии, ёринского топора-тесла в конце прошлого столетия и опубликованного А.И. Тереножкиным в 1948 г. (Тереножкин, 1984, с. 74-75, рис. 36-37). Пока только предполагаем, что ёринский топор-тесло, возможно, был изготовлен в Саразме, но, как бы там не было, из 5 топоров-тесел 3 происходят из Зарафшанской долины; 2 других были найдены в Варзобском районе (Зеймаль, 1959, с. 20) и в кишлаке Шар-Шар в Вахшской долине (Литвинский, 1961, с. 59).

Исследование этих орудий показало, что их производство было разработано в регионах Средней Азии и древнеземледельческих центрах стран Ближнего Востока, от Средиземноморья и Кавказа до Индийского субконтинента (Литвинский, 1961; Pigott, 1952, с. 218, 220; Массон, 1939, с. 91-102; 1950, с. 173. табл. 1, 8; Аскарлов, 1977, с. 74-75; Виноградов, Кузьмина, 1970, с. 126, 2. 1-4 и др.). Хотя каждый из них имеет локальные особенности, но в принципе их формы определяют их назначение как топора-тесла. В этой связи возникает вопрос относительно их применения. По всей видимости, они выполняли функции орудий, при этом 95% их медного состава, например, саразмского топора, говорит об их непрочности. Поэтому, нам кажется, они были, скорее всего, боевыми топорами.

Каменные предметы, несмотря на трудоемкость их обработки, во все эпохи развития человеческого общества всегда служили как доступный и надежный инструмент. Так было и в эпоху бронзы, в частности на поселении Саразм. В отличие от металлических и костяных изделий, каменные предметы были найдены в значительном количестве. Их типология и функциональное назначение нашли отражение в ряде трудов исследователей Саразма (Исаков, 1991а, 1991б, Раззаков, 1994). В своей работе мы пытаемся охарактеризовать всего 12 категорий этих находок, характерных финальному этапу поселения. Их описание, как и описание других находок, было представлено выше. При этом мы ограничимся анализом производственных, бытовых предметов, а также всевозможных хозяйственных, культовых изделий.

К производственным орудиям относятся различные камни с желобчатыми, землобчатыми прихватами, пестики: к бытовым – флакончики. Бесспорно, эти предметы расширяют наши представления о производственной и хозяйственной деятельности саразмийцев на стадии прекращения жизни на поселении. Камней с прихватом или грузил на Саразме найдено более 30. Они различного размера, весом от 200 г до 25 кг. Наиболее интересны грузила с двумя желобчатыми, землеобчатыми прихватами. О назначении этих камней есть множество мнений. Так, В.М. Массон каменное грузило из Карадепе считает грузилом ткацких станков (Массон, 1961, с. 240); Э. Шмидт грузило из Тепе-Гиссара считает горным (1937, с. 220-221). На наш взгляд, определение В.М. Массона вполне реально, так как найденные на Саразме различные формы таких предметов скорее говорят о том, что это грузила, причем самого широкого применения.

Кроме того, к производственным орудиям относятся песты, лошिला, выпрямитель древка стрелы и гладилки, характерные памятникам эпохи бронзы. Они встречаются на поселении Саразм десятками, а то и сотнями экземпляров. В этом плане особенно многочисленными являются пластинки, кайраки и мраморные чаши. Ареал этих сосудов очень обширен. Конические мраморные сосуды были найдены в Шахри-Сохте. Несколько экземпляров таких сосудов об-

наружены на поселении Гескюр I (Сарианиди, 1965, табл. XXVI: 15), в Тепа-Гиссар (Shmit, табл. CXX-XXIX: 391, CXII: 391).

Среди каменных предметов интерес представляют миниатюрные сосуды и флакончики. Первые из них, по нашему мнению, служили ступками для растирания красок и душистых трав, а вторые для благоуханных жидкостей или каких либо лекарств. В древнеземледельческих памятниках Средней Азии они встречались на юге Туркменистана (Shmit, 1908, табл. XX, 39; Хлопин, 1963, табл. XXI; Массон 1961, с. 436, табл. XV). Аналогичные миниатюрные сосуды были найдены на поселении Тепа-Гиссар, в слое Гиссар III (Shmit, 1937, табл. 59: 248). Значительное количество миниатюрных сосудов и стаканчиков было собрано в Бактрии (Potty 1984. рис. 26: 200-203, рис. 27: 206-207).

Вторая группа находок – флакончики, на наш взгляд, созданы саразмийцами, так как аналогичные находки в древнеземледельческих памятниках Средней Азии отсутствуют. Но в различных вариантах и большом количестве они найдены в Бактрии (Potty, 1984, рис. 18). Орнаментированные и без орнамента флакончики были найдены, как указывалось за пределами Средней Азии в Дашлы (Сарианиди, 1976, рис. 51: 24), Шахри-Сохта (Tisi, 1969, табл. XIX, рис. 234-235), Тепа-Гиссар (Shmit, 1937, табл. 60: 34, 98). Появление этих предметов свидетельствует об усовершенствовании обработки камней в пору эпохи бронзы.

Об уровне развития металлообработки в Саразме говорят найденные песты – куранты. Отметим, что из 3-х находок этой категории 2 уникальные. Обе конической формы с ярко выделенной ударной частью. Первый, по всей видимости, был очень крупным, а потом сломался. Излом прошел по середине песта. В такой сохранности пест имеет длину 33 см и 10 см в диаметре. Между изломами и ударной частью расположен валик, который выполняет функцию прихвата. Второй пест более изящен. Он также изготовлен из камня удлиненной формы, который позже подвергся обработке. Ударная часть – удлиненная, конусовидная, ручка песта вытянуто – округлая, диаметром 100 см. К сожалению, мы пока не встретили аналогии этим пестам. По нашему мнению, фаллические песты были предназначены для дробления руды и размола твердых тел.

Третий пест по форме более распространен, имеются различные их варианты. Аналогичные песты были найдены на различных памятниках Средней Азии. (Массон, 1962, табл. XI: 9; Литвинский, 1954, рис. 9; Аскарлов, 1973, с. 91. рис. 46). Кавказа (Магамедов, 1972, с. 121. рис. 17: 6) и Сибири (Окладников, Бродянский, 1984, с. 107. рис. 3: 6). Все исследователи дают этому предмету однозначную характеристику, называя их молот – куранты для работы в шахтах и дробилках.

Последними предметами, представляющими для нас интерес, являются изделия, определяющие статус личности. К ним относятся вышеупомянутые

керамическая и свинцовая печати, которые исследовали и опубликовали А.И. Исаков и Р.М. Безенваль (1989). Третий предмет из этой категории также печать, но каменная. Это пока единственная цилиндрическая печать, найденная в горизонте IV (этап В), раскопа IV (рис. 14: 3).

Для определения места культуры поселения Саразма во всем Среднеазиатском регионе – эта печать уникальна. Имеющиеся аналоги говорят о том, что пласт культуры с цилиндрической формой находится на территории Средней Азии, в Месопотамии и южных областях Ирана. На печати из Тепе-Гиссара в слое Гиссар III изображены птицы и козы (Shmit, 1937, табл. 118: 37, 10; 1933 В: II 6-III 92); на печати с поселения Ура (Wooley, 1933, табл. XIV: I) и на венчике серебряной чаши из Северного Афганистана (Amiet, 1986, рис. 195-196) изображен бык. Кроме того, на огромном числе плоских печатей с Мохенджо-Даро и Чанху-Даро, также были изображены быки или коровы (Маскау, 1978, табл. IXXXIII, IXXXVI, 1034, табл. II. Gupta, 1982, с. 215, рис. 8: 19). Цилиндрические печати Шахри-Сохта имеют геометрические изображения в виде ромбов, треугольников (Amiet, 1983, табл. XXXV: 12, XXXI: 15, 16, 19). По определению Пьера Амие, печати Шахри-Сохте были изготовлены из сланца, известняка, стеатита и даже лазурита. Анализируя период появления и распространения цилиндрических печатей отметим, что они характерны больше всего для эпохи развитой бронзы второй половины III - первой половины II тыс. до н.э. Родиной культуры цилиндрических каменных печатей, возможно, были древнеземледельческие памятники Месопотамии и Северо-Западного Ирана. С развитием торгово-экономических обменов эти печати распространились на юго-восток Ирана Шахри-Сохте и северо-восток Средней Азии (Саразм). Печать Саразма указывает на тот факт, что возможно, она была привезена из Месопотамии.

К этой категории находок можно отнести и два костяных предмета, названных нами предположительно жезлами. Их всего два экземпляра, как было указано выше, первый из них целый экземпляр, был найден сотрудником экспедиции Тайлановым на распаханном поле. Второй фрагмент жезла был найден в горизонте IV раскопа II на поселении Саразм.

Аналогичные находки на памятниках эпохи бронзы в Средней Азии не обнаружены. Предметы найденные Р.М. Мунчаевым в курганах у селения Чегам I и II, немного уступают по размерам саразмийским (Мунчаев, 1975, с. 290, рис. 64: 16-18). Он считает их клювовидными топорами (Мунчаев, 1975, с. 324). Похожий на жезл предмет был найден Н.Я. Мерпертом, в курганах Уральского междуречья (Мерперт, 1974, с. 75, рис. 10: 6), но он не определяет его функции. По нашему мнению, они являлись жезлами властителя или вождя.

Последним каменным предметом является стилизованная каменная стела или баба (рис. 14: 5). Верхняя узкая часть представляет собой имитацию головки, между головкой и корпусом расположен глубокий желобок, имитирующий шею скульптуры. Эта скульптура имеет себе аналогию только среди статуэток святилища А-10 поселения Чатал-Гуюк (Антонова, 1977, с. 22, табл. XVII, I). В отличие от саразмской скульптуры, где отсутствуют глаза, нос, рот и другие элементы человеческого облика, на статуэтке из Чатал-Гуюка (Турция) все эти элементы нашли свое схематические изображение. Отсутствуют схематические изображения человека и на глиняной скульптуре Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, с. 84; табл. XXIV, II). Статуэтки из Чатал-Гуюка и Сапаллитепа представляют собой небольшие терракоты, размеры которых не превышают 6 см. Наш объект массивный и представляет наиболее ранний вариант стелы или скульптуры. Думается, что скульптура из Саразма имела культовое значение, как и глиняные статуэтки древнеземледельческих общин. К этому заключению мы пришли потому, что она не может оказаться надмогильной стелой, так как при раскопе никаких следов могильной ямы не было обнаружено.

3. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ IV ГОРИЗОНТА

К настоящему моменту поселение Саразм исследовано на первый взгляд достаточно основательно, о чем свидетельствуют многочисленные труды ученых – археологов и историков (Н. Исаков, Р. Безенваль, Б. Лионе, Л. Карловский, Ф. Колл, Маддин, А. Раззаков, С. Бобомуллоев и др). Кроме того, некоторые материалы этого археологического комплекса использованы в качестве аналогии и для выводов относительно древнеземледельческо-скотоводческой культуры Центральной Азии. Однако по вопросу абсолютной и относительной хронологии этого памятника до сих пор имеются разногласия. Это, прежде всего, касается и проблемы зарождения культуры Саразма (Саразм I). Разногласия наблюдаются в вопросе, касающегося исследования последнего – IV горизонта, после которого на поселении жизнь окончательно прекратилась.

Поскольку наша тема касается этого последнего периода, то остановимся на этом вопросе более подробно. Разрабатывая хронологию поселения Саразм, А.И. Исаков пишет «что археологический комплекс этого периода времени (поселение Саразм. С.Б.) имеет параллели с материалами позднего Намазга IV или раннего Намазга V, Алтындепе – I- 4, Хапуздепе - I-II, Гиссара III-B, Тепа Яхья IV-A, Сузи V, Шахри-Сохте IV, Мундигака IV и Мергара VII-VIII, а также с памятниками харапской культуры Мохенджодаро, Кули и т.д». (Исаков, 1991 а, с. 115). При всем этом среди металлических, каменных и керамических предметов Саразма встречаются кинжалы с короткими клинками типа кинжалов из Яздепе и лавролистные наконечники дротика, схожие с подобными находками из Сапаллитепе, топоры-тесла типа ёринских и харапских и, наконец, керамика степной бронзы. Эти находки позволяют нам пересмотреть дату финального периода; на наш взгляд, последний период жизни поселения длился в течение 400 лет, с третьей четверти III тыс. до н.э. до первой четверти II тыс. до н.э. (2200-1800 гг. до н.э.).

Другой вопрос – прекращение жизни на Саразме. По моему мнению, предложенная дата – 1800 г. до н.э. скорее всего не окончательная, так как из 10 га территории поселения исследователи раскопали всего около 1га. Пока мы не знаем, к какому периоду относится та часть поселения, на которой расположены застройки кишлаков. Можно предполагать, что после ухода основной части населения, возможно, в некоторых местах поселения жизнь еще продолжалась. К такому заключению нас привели два факта, выявленные в конце 80-х годов. Первый – это обнаружение археологических комплексов на шурфе XI, расположенном во дворе одного из жителей кишлака Авазали. Как было отмечено, здесь на площади более 100 м² были найдены многочисленные фрагменты керамики типа керамики культуры Хараппа, а возможно, и постхарапской, встреченных А-П. Франкфортом на

поселении Шортугай (Франкфорт, 1989, табл. 46: 1-14). Второй факт – в 13 км к востоку от поселения Саразм расположено погребение Зардча Халифа, его археологический комплекс датирован 1600-1400 гг. до н.э., он вполне может быть продолжением саразмийской культуры, хотя между опустошением Саразма и комплексом Зардча Халифа имеется перерыв в 200-250 лет. Эти два факта заставляют нас пересмотреть дату финального периода населения Саразм и окончательно прекращение жизни на нем.

Думается, что если не в самом Саразме, то в крайнем случае поблизости от него жизнь развивалась спонтанно с начала IV до середины II тыс. до н.э. Со временем мы надеемся обнаружить новые археологические факты, с помощью которых и можно доказать свою гипотезу. После этого мы сможем решить и еще один вопрос – вопрос об исходном пласте Бактрийско-Маргианского культурного комплекса, выделенного В.И. Сарияниди (1977). В этом плане еще раз касаясь вопроса миграции населения Саразма, следует подчеркнуть, что она, вероятно, началась с конца периода Саразм III, т.е. с первой половины III тыс. до н.э. Саразмийцы, судя по тому, что прототип их культуры не обнаружен в северных регионах Средней Азии, мигрировали на запад – в сторону Маргианы и на юг в Бактрию. Причем временные их стоянки могли быть расположены и в стороне Бактрии – Сапалитепе, Джаркутан, Мулалы и Дашлы. По этой версии, саразмийцы являются носителями не только позднего типа культуры расписной керамики, но и носителями градостроительной культуры, которая продолжала развиваться на новом месте с новыми, более развитыми общественными укладами.

Происхождение в Маргиане однотипно археологического комплекса на поселениях Гонур I, Таголок 21 пока не определено. Как в Бактрии, так и в Маргиане упомянутые комплексы, по утверждению Т.Ш. Ширинова, появились внезапно. «Генетическое происхождение обоих комплексов не связано с местными традициями» утверждает исследователь (Ширинов, 1933, с. 18). Таким образом, исходя из исследованных материалов, можно говорить о том, что сложившийся в начале II тыс. до н.э. новый культурный комплекс подтверждает тот факт, что культура не была ограничена бактрийско-маргианскими регионом в нее, вероятно, входили и регионы древнего Согда, особенно верховья Зарафшана (Исаков 1991а, с. 116; 1991б, с. 35). В свою очередь не исключено, что исходным пластом этой культуры, возможно, и является поселение Саразм.

Что касается причины прекращения жизни на территории самого поселения, то по археологическим комплексам ее установить трудно, так как за исключением строительных дел, производство материальных культур развивалось спонтанно. Кроме качества росписей на керамике, другие предметы материальной культуры качественно улучшились, к тому же появились новые формы сосудов со сложными горловинами и венчиками. В керамиче-

ском деле начали применять и гончарный круг. Из металлов свинца и бронзы изготавливали заготовки для обмена, а возможно и для торговли с обитателями дальних регионов. По этой причине относительно прекращения жизни поселения Саразм вырисовывается два аспекта: первый, как отмечает А.И. Исаков, «можно связать с появлением на этой территории скотоводческих племен севера», второй «внутриобщинные противоречия вели к тому, что в обществе происходило разложение». (Исаков, 1991а, с. 116).

К аргументам А.И. Исакова мы добавим следующее. На наш взгляд, начиная со второй половины III тыс. до н. э., в связи с развитием производственного потенциала, происходили некоторые изменения в структуре саразмийских общин. Некогда единое общество, члены которого происходили, возможно, даже из одного племени, после социальной дифференциации раскололись на несколько общин. Это и привело к изменению взаимоотношений друг с другом, ставшие причиной ухода части из них. Также в результате этого началась поэтапная миграция саразмийцев на отдельные долины и оазисы. Не исключено, что при этом, часть населения продолжала жить на какой-то части поселения, в худшем случае они, возможно, переселились в окрестности Саразма, примером чего является Зардча Халифа.

Отметим, что упадок жизни к этому периоду характерен не только для поселения Саразм, аналогичные явления происходили на поселениях Намазга-тепе, Алтындепе, Шахри-Сохте и других памятников древнеземледельческих культур Пакистанского Белуджистана (Мергар, Сибри, Кули), и Афганистана (Мундигак).

Как было сказано, археологический комплекс Зардча Халифа по времени не связан с Саразмом, но по характеру материальной культуры является земледельческой культурой. По нашему мнению, археологический комплекс Зардча Халифа появился в результате развития производственной деятельности гончаров, металлургов, ювелиров и других специалистов. В конечном итоге это привело к инновации производства хозяйственных и бытовых орудий, согласно требованиям более развитых древнеземледельческих общин в первой половине III тыс. до н.э. В последующем, в связи с приходом скотоводов-кочевников, начиная со второй половины II тыс. до н.э., в древнеземледельческих регионах Средней Азии (Зарафшанском, Мургабском, Сурхандарьинским) произошли значительные изменения в культуре: на смену земледельческой пришла скотоводческая культура.

4. РАСКОПКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАРДЧА ХАЛИФА

Погребение было обнаружено в 1986 г. при строительстве городского очистного сооружения. Оно расположено в 800 м к западу от Пенджикента, у левого берега р. Зарафшан или в 13 км к востоку от поселения Саразм. Могильная яма до уровня скелета была полностью уничтожена при рытье траншеи очистного сооружения. Костяк и некоторые предметы были слегка потревожены.

По ходу расчистки были произведены раскопки и вокруг могильной ямы, удалось определить характер материка поблизости от могилы. С помощью шурфов, заложенных в северо-западном углу раскопов и к югу от уцелевшей могильной ямы, установлено что покойник и сопровождавшие его вещи были уложены на галечном конгломерате.

Дополнительные сведения были получены во время зачистки стенки траншеи, срезанных бульдозером. Разрез (рис. 15: 1), показал, что данная местность дважды становилась руслом какого-то протока. Зачистка стенки показала, что под дерновым слоем толщиной 100-120 см лесса, ниже расположена прослойка гравия толщиной 60-70 см. Третий слой из лесса толщиной 50-60 см отличается от верхнего лессового слоя тем, что здесь встречаются линзы натека. Четвёртый слой толщиной 50-70 см опять гравийный. Он прикрывает лессовую прослойку. Последняя прослойка из галечника на глубине 3,5 м. Нивелировкой установлено, что дно захоронения находится на глубине 3,5 м над гравийным наслоением.

Наблюдения показывают, что могила очевидно, могла, была грунтовой. Несколько необычны небольшая каменная дуга и кучи прочих камней, обнаруженных к юго-востоку от края могилы (рис. 16). Возможно, они появились здесь в результате попыток создания неизвестного нам погребального сооружения. Общая площадь могилы 6 м². Конечно, для одиночного захоронения эта площадь выглядит слишком обширной. Это очевидно, связано с тем, что вместе с покойником были захоронены баран и положено значительное количество вещей. Любопытным является тот факт, что в трех случаях предметы лежат группами, согласно их фактуре и назначению.

Могильная яма овального плана вытянута с запада на восток, размером 3,1 м. Скелет скорченный, его голова ориентирована на северо-запад, положение черепа и костяка на правом боку. Кости правой руки находятся у подбородка, а левой в виде прямоугольника лежат на животе. Ноги с небольшим расхождением друг от друга сильно прижаты к тазовой кости. При зачистке скелета в области позвоночника были обнаружены высохшая кожа желто-красного цвета и остатки волос темного цвета. На расстоянии 20 см к западу обнаружен скелет рогатого барана (рис. 16). Рога короткие, но весьма

толстые, дугообразные длиной 48 см. Установлено, что это животное было захоронено целиком, без каких-либо расчленений. Весьма любопытен факт расположения сопровождающих усопшего предметов. При скелете были найдены золотое височное кольцо и бисер, который лежал вблизи уха. Другие предметы группами лежали на значительном расстоянии от скелетов. В пределах могильной ямы было найдено 32 предмета; 18 металлических, из которых 16 бронзовых и 2 золотых, 8 - из кости, 3 каменных и 3 керамических изделия.

Набор бронзовых изделий представлен 3-мя видами сосудиков, 4-мя застежками, 4-заклепками, 2-мя удилами, одним ножом, одним кинжалом и навершием булавки с зооморфной головкой. Особый интерес представляют два золотых изделия – упомянутое височное кольцо и штука золотого бисера. Интересен также набор костяных предметов, из которых 6 являются псаллами, а один представляет фрагмент неизвестного трубчатого костяного предмета. В комплексе имеются также 3 каменных изделия: 1) бисер из бирюзы, 2) фаллического вида пест, 3) заготовка под пряслице. Археологический комплекс дополняют 3 целых керамических предмета.

К этим находкам следует добавить миниатюрный чашеподобный предмет из золота. Он был найден на расстоянии более 10 м к востоку от погребения, в отвале, сделанном бульдозером. Эта случайная находка свидетельствует о том, что на этом месте не могло быть только одно погребение.

а) Характеристика материальной культуры.

Керамика. Как было отмечено, в погребении обнаружено три сосуда (рис. 17). Первый представляет собой шаровидный кувшин с узкой (10 см) невысокой горловиной и отогнутыми по краям венчиками. Придонная часть слегка скошена. Донце менее устойчиво, его ширина равна примерно 13 см. Второй сосуд полностью шаровидный. В отличие от первого, у него относительно высокая горловина. Кроме того, этот сосуд по размеру уступает первому, и его природная часть не имеет скоса. Третий сосуд по форме похож на два первых сосуда, хотя этот кувшин по размерам уступает первому, но подкошенная придонная часть приближает его к нему. Еще одна его отличительная черта – это устройство венчика, который снабжен треугольным сечением.

Кроме того, на плечике сосуда начерчен знак. Знак состоит из двух вертикальных и одной горизонтальной линии, предающих знаку вид буквы Н.

б) Металлические предметы быта, культуры и туалета.

Бронзовые сосудики. Их всего 3 экз. разных форм. Из них лишь 1 целый – полусферический сосуд со слабо выраженным желобком под венчи-

ком и горизонтально вытянутым от венчика сливом. Второй сосудик с кольцевидным корпусом и венчиком имеет гофрированный цилиндрический корпус. Излом по придонной части не позволяет нам представить его в целом виде. Третий – это лишь фрагмент стенки сферической формы от большого сосудика.

Застежки и заклепки. Их 8 экз. Все они изготовлены из тонкого листа бронзы, в результате чего до нас дошли во фрагментах. Думается, что назначение этих предметов не нуждается в комментариях.

Удила. Традиционно эти конские принадлежности должны были присоединяться друг к другу кольцами. Наш набор оказался расчлененным. Оба они изготовлены, видимо, способом литья из бронзы. Имеют с двух сторон великолепные муфты и кольцо, для соединения удил использовали крепкие жилы животного или кожаный ремень.

Булавка. Она с зооморфной головкой и с утолщенным концом. По виду навершие напоминает лошадку с гривой и длинным хвостом. Предполагается, что это украшение изготовлено литым способом (рис. 18). Длина вместе с навершием 18 см.

В комплексе бронзовых изделий имеются по одному ножу и кинжалу. Первый из них однолезвийный с длиной массивной ручкой. В отличие от традиционных ножей по форме он близок к бритве (рис. 19). Второй предмет представляет стандартный для этого периода кинжал. Он снабжен вытянутым плоским черешком. Плечи при переходе от черешка к лезвию имеют прямоугольный перегиб. Лезвие с утолщением по середине, поломанное. Длина сохранившейся его части равна 19 см (рис. 19).

Предметы из золота. Их в этом комплексе 3 экз., один из них – это височное кольцо. Оно изготовлено из золотого круглого в сечении (2 мм) стержня и имеет вид несомкнутого кольца, с плоским буферобразным навершием (рис. 18: 15). Второй предмет – это широкообразной формы бисер со сквозным отверстием. Третий – миниатюрная чашечка сферической формы с согнутыми во внутрь краями. Она изготовлена путемковки из тонкого листа золота (рис. 18: 16).

Костяные изделия. При зачистке погребения было найдено 8 предметов изготовленных из кости животных. Из этой группы находок выделим 6 фрагментов моделей колёсиков. По восстановленным формам отметим, что они представляют собой диски диаметром более 8 см с четко выступающей из плоскости колес муфтой и 4-мя выступающими с обратной стороны. Они выступают в виде ножек столика. Наличие упомянутой муфты и сквозных отверстий позволяет считать эти предметы моделями пселей (рис. 19). Другие фрагменты также относятся к сильно пострадавшим моделям. Неизвестно назначение сильно пострадавшей костяной трубочки. Последний предмет этой группы – это заготовка под пуговицы или застежки с зубчатыми краями.

Предметы из камня. Их всего 3. Первый – это бисер из бирюзы, со сквозным отверстием. Второй – массивный фаллический формы пест (рис. 18: 17) длиной 26,5 см, сечением 4,5 см, изготовлен из целого камня. Тщательно отшлифованная поверхность песта свидетельствует о долговременном использовании его в быту. Третья каменная заготовка под пряслице.

Общий обзор характера погребения и сопровождающих погребенных предметов говорит том, что погребенный имел большой имущественный статус.

в) Интерпретация археологического комплекса

Касаясь вопроса об интерпретации комплекса погребения, следует отметить, что погребальный отряд близок к погребениям таких ранее земледельческих памятников Северной и Южной Бактрии, как Сапаллитепе (Аскарков), Дашлы, Джаркутан (Сарианиди). В одном из погребений поселения Дашлы 1 (Аскарков), вместе с многочисленными керамическими сосудами был захоронен целый баран. Захоронение двух баранов было обнаружено в погребении 60 поселения Сапаллитепе и Джаркутане. Здесь также обнаружено значительное количество керамики. Однако в отдельных погребениях Сапаллитепе, Джаркутана, Дашлы 1-3, Сумбара и Памира рядом со скелетом встречались лишь расчлененные части животного, лопатки, ребра или задние ноги, причем преимущественно барана или козы.

Для характеристики погребения Зардча Халифа интерес представляет его аналогия с погребениями 7, 44 и 90 в поселении Сапаллитепе. В погребении 7 и 44 было обнаружено по ягненку, а в погребении 90 – два животных. Причем в могиле 90 скелет первого животного лежал на левом боку, а второго – на правом. Исследователь этих артефактов А.А. Аскарков объясняет это тем, что «если в первом случае (погр. 44) животное заменило мужчину, то во втором (погр. 90) животные заменили людей обоих полов». (Аскарков, 1977, с. 138). Думается, это объяснения приемлемо и для погребения Зардча Халифа, где скелет мужчины лежит на правом боку, а баран на левом боку.

Керамика Зардча Халифа по типу идентична с кувшинами джаркутанского этапа поселения Сапаллитепе (Аскарков, 1977, с. 188) и могильника Джаркутана. Некоторые сходства с керамикой из Зардча Халифа встречаются среди типов керамики Дашлы 3 (Сарианиди, 1977). Но керамика двух последних регионов весьма редко имеет скос дна. Третий сосуд с раздутым туловом и высоко вытянутой шейкой без подкоса на придонной части аналогичен керамике II типа могильника Джаркутана. Отметим, что все три сосуда изготовлены из тщательно отмученной глины розового цвета на гончарном круге. После обжига поверхность сосуда приобрела желто-розовый цвет.

Среди комплекса металлических предметов интерес представляет бронзовый полусферический сосуд с вытянутым сливом. В комплексе джар-

кутанского этапа поселения Сапаллитепе встречается почти аналогичный сосуд близкий к сосуду из Зардча Халифа, однако по расположению сливов они несколько различны. Во-первых, слив сосуда из Зардча Халифа расположен у самого венчика; как бы являясь его продолжением; во-вторых, этот же слив по отношению к венчику горизонтален. Что касается сапалитепинского сосуда, то здесь слив расположен несколько ниже венчика, к тому же он спускается вниз, к корпусу сосуда. Тем не менее, несмотря на эти различия в деталях, мы считаем, что сосуды упомянутых памятников относятся к данному хронологическому периоду и культурному комплексу.

Металлический вариант сосудов со сливами, заимствованный из керамических форм, нашел свое развитие со II тыс. до н.э. в ряде раннеземледельческих памятников Среднего и Ближнего Востока. Так, идентичные формы аналогичных сосудов из бронзы, кроме Сапаллитепе, были найдены в слое поселения Тепе-Гиссар. На этом же памятнике были найдены сосуды из других металлов – серебра, свинца, сосуды из алебаstra. О двух других сосудах, которые представлены во фрагментах, трудно что-либо сказать. Первый из них, гофрированный, цилиндрической формы, возможно, был предназначен для хранения благовоний, второй фрагмент принадлежал сосудику со специальным сливом с неизвестным нам назначением.

Другая группа бронзовых предметов – это фрагменты заклепанных застежек. Возможно, ими были закреплены детали конной узда. Из этой группы интерес представляют два расчлененных, состоящих из двух колец, удила. Судя по длине (вместе с конечными кольцами они равны, соответственно, на 12 и 11,5 см) эти удила не использовались в отдельности. Как было отмечено, они соединялись друг с другом чем-то прочным. Двухконечные удила в Средней Азии найдены на поселении III в Кайракуме. Но этот предмет по форме принципиально отличается от удили Зардча Халифа, которые с двух сторон одинакового размера и не имеют валикообразных муфт, чего мы не видим на удилах из Кайракума. (Литвинский, 1962, табл. 38: 1).

Определенное художественное и социальное значение имеют изделия из золота. Первое из них – несомкнутое височное кольцо с двумя буферобразными валиками. Три экземпляра аналогичных колец были найдены в погребении 57 и 29 на поселении Сапаллитепе (Аскаров, 1977, табл. XXIX: 17-19). По утверждению А.А. Аскарова, два из них – серебряные. В целом ареал височных колец из тонкой проволоки очень широк. Кольца различных разновидностей были найдены, помимо указанных памятников, в Южном Туркменистане (Ганиялин, 1956, с. 377), в Маргиане (Массон, 1959, с. 80-10) в долине Сумбара (Хлопин, 1972), в Иране (Shaffer, 1948). Некоторые из экземпляров были встречены в Дашлы 3 (Сарианиди, 1977, с. 86), в могильниках эпохи бронзы Южного Таджикистана (Мандельштам, 1968, табл. XVI, с. 69). Эти параллели указывают на то, что кольца с буферобразным несо-

мкнутым концом из бронзы, серебра (для Сапаллитепе) и золота (для верховного Зарафшана) характерны для первой половины II тыс. до н.э.

Кроме отмеченного кольца, не меньшей интерес представляет названная выше сферическая миниатюрная чашечка, не входящая в погребальный комплекс. Диаметр ее 4 см, высота 2 см. Этот предмет мог служить украшением уздечки, но отсутствие какого-либо крепления, характерного для таких предметов, затрудняет его определение. В любом случае, мы пока не имеем прямой аналогии для этого предмета.

В комплексе бронзовых изделий имеется единственный экземпляр булавки с зооморфным навершием, который был широко распространен на территории Средней Азии, на поселениях Алтындепе (Массон, 1970, с. 16), в комплексе Хакского клада (Кузьмина, 1966, табл. XVI), в разграбленных погребениях Бактрии (Сарианиди, с. 178, рис. 43: 8, 12), на поверхности поселения Дашлы 3 (Сарианиди, 1977, рис. 44-2). По одному и два экземпляра встречено на поселении Сапаллитепе и в погребении 45 и 24 Джаркутанского могильника. Навершия указанных булавок имеют изображения козы (Алтындепе), барана, козы и коровы (Южная Бактрия), барана (Сапаллитепе и Джаркутан) Булавка Хакского клада имеет целую композицию, изображавшую процесс доения коровы, на булавке из Зардча Халифа мы видим изображение лошади.

Поэтому подчеркнем, что хотя булавка из Зардча Халифа по назначению и выполняла те же функции, что булавки указанных памятников, по изображению она является уникальной. За пределами Средней Азии булавки с зооморфными навершиями встречались в Месопотамии, Юго-Западном Иране, Микенах и в Малой Азии. Вопросами типологии и картографирования их из зарубежных ученых еще в 40-е годы XX века занимался С. Пигот (Piggot, 1947, 1948). По представленным аналогиям можно констатировать, что булавки с зооморфными навершиями датируются двумя этапами. Начало появления этих булавок относится к ранней бронзе, т.е. к началу III тыс. до н.э. Но по ходу развития производства металлических изделий и эстетических воззрений первобытных общин они совершенствуют и широко распространяются во II тыс. до н.э.

Последний предмет комплекса – это единственный фаллический формы пест. Аналогичные предметы с древнейших времен, конкретно с неолита, являются необходимым производственным орудием. Они были найдены в различных вариантах практически во всех древнеземледельческих памятниках. Пест из Зардча Халифа имеет прямую аналогию с фаллическими пестами Чуйской долины, найденными А.Н. Бернштамом в 1941 году (Бернштам 1950. с. 84-149). География распространения фаллических пестов настолько обширна, что простирается на восточные склоны Урала (Дмитриев, 1951, 47, рис. 2) и даже на Африканский континент (Petrulla 1932: pl. XIX).

Анализ археологических артефактов погребения позволил установить их синхронность со многими известными памятниками Средней Азии и Ближнего Востока. В географическом отношении привлекаемые нами памятники расположены на значительном расстоянии друг от друга. Так, например расстояние от Верхнего Зарафшана, где находится исследуемый нами могильник, до Тепе-Гиссара 2000 км. Чуть ближе к нам, на расстоянии 1500-1000 км, расположены памятники подгорной полосы Южного Туркменистана, памятники дельты Мургаба и долины Сумбара. Наиболее близкими памятниками являются могильники Джаркутана и поселений Сапаллитепе и Дашлы I. Ближе всего Шортугай у притока реки Кокча. Однако эта отдаленность не препятствует близости археологического комплекса верхнезарафшанского погребения комплексам памятников упомянутых регионов.

Таким образом, синхронизируя археологический комплекс Зардча Халифа, мы видим, что он соответствует хронологически таким памятниками, как Тюронг-тепе III С. 1-2, Шах-тепе ПС, Тепе-Гиссар III С, которые расположены недалеко друг от друга на территории Северо-Восточного Ирана. Все эти памятники датированы исследователями второй четвертью II тыс. до н.э. (1800-1600 гг. до н.э.) Из памятников Южной Туркмении наиболее синхронными с нашими комплексами являются Лучиндепе, памятники Мургабского оазиса и могильники долины Сумбар. Хронологически диапазон памятников этого региона, так же как и памятников Ирана, укладывается в ранний Намазга VI, датирующийся 1800-1500 гг. до н.э. (Массон, 1953. с. 22).

Комплекс Зардча Халифа, на наш взгляд, близок к комплексу Сапаллитепе (джаркутанский этап) и Джаркутанского могильника. Керамика, бронзовый сосудик со сливом, булавка с зооморфным навершием, буферообразное кольцо из Зардча Халифа настолько близки к южноузбекским комплексам, что могли быть комплексом одной культуры. Исследователи этих памятников А.А. Аскарлов и Б.Е. Абдуллаев датируют джаркутанский этап (1700-1500 гг. до н.э., или 1650 ± 60 гг. до н.э. по радиоуглероду (Аскарлов, 1983. с. 39).

В Афганистане наш комплекс находит параллели в комплексе Дашлы-I и 3. Они особенно заметны в керамике и ряде металлических изделий: в сосуде со сливом, булавках с зооморфными навершиями и в кинжалах ромбической формы. Исследователь памятников Дашлынского комплекса датирует их по радиоуглеродным данным в пределах второй четверти II тыс. до н.э. (Сарианиди, 1977. с. 74).

Что касается отношений земледельческой культуры Верхнего Зарафшана эпохи бронзы к более южным центрам – Мундигаку и частично к харапской культуре, то в последних мы видим лишь минимальное сходство по отдельным находкам (например, по бронзовому кинжалу с Мундигаком, по несомкнутым кольцам, моделям колес и навершиями булав с харапской

культурой). Поэтому нам кажется, наиболее реальным видеть близость к культурному комплексу Верхнего Зарафшана лишь в памятниках Южного Туркменистана и Южного Узбекистана.

Таким образом, анализируя характер погребения Зардча Халифа, считаем приемлемым датировать его второй четвертью II тыс. до н.э. (1700-1500 гг. до н.э.), соответствующим этапом Намазга ранней подгорной полосы Южного Туркменистана и джаркутанским этапом юга Узбекистана (Массон, 1959. с. 23; Аскарлов, Абдуллоев 1983. с. 39). Учитывая дальнейшие исследования материалов Зардча Халифа и сопоставление его с комплексом Шах-Тепе Па, Гиссар Шс, и храма Джаркутан считаем нужным отнести погребение к 2100 – 1700 до н.э. (Bobomulloev, 1977, band 29; Кузьмина, 2008. с. 55).

Если считать наш комплекс связанным с пришельцами, то он был принесен не одиночным путешественником, а группой людей, мигрирующих либо из Южного Туркменистана, либо из Северной Бактрии. При другом объяснении, он мог быть и наследником культуры Саразма, последней фазы ее развития, конец второй приходится на пору Намазга первой четверти II тыс. до н.э. (Исаков, 1984. с. 480). Создателями комплекса Зардча Халифа могли быть те же саразмийцы.

В свете открытия нового памятника в верховьях Зарафшана есть основания развивать мысль В.И. Сарианиди, который предполагал существование во II тыс. до н.э. «общего бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК)» (В. Сарианиди, 1977, с. 57).

Возможно, в бактрийско-маргианский комплекс входила и Зарафшанская долина. Надеемся, что последующее археологическое изучение долины предоставит возможность внести дальнейшие коррективы в изложенные здесь выводы.

Во всяком случае, можно заключить, что районы верховий Зарафшана были своего рода контактной зоной. Сюда с юга проникали оседлоземледельческие комплексы типа Сапалли, а с севера – племена степной бронзы, оставившие могильник Дашти Козы.

ГЛАВА III

СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

До 80-х годов XX века в археологической науке Таджикистана вопросы степной бронзы верховья Зарафшана не ставились так как исследователи этого региона Зарафшанского бассейна не имели достаточно научных сведений, характеризующих характер скотоводов. Одиночное погребение андроновской культуры в тазабагыбском субстрате, обнаруженное в середине 70-х годов у кишлака Чорбог, пригород древнего Пенджикента и кельт из кишлака Бедак были лишь первыми сигналами о наличии культуры степной бронзы в верховье Зарафшана. Благодаря открытиям поселения Саразм верховьях Зарафшана были включены в зону раннеземледельческой культуры. Хотя это и так, но обнаруженные при раскопках этого поселения керамика, ножи, кинжалы, каменные гребенчатые штампики раннебронзовой эпохи свидетельствовали о том, что скотоводческая культура степной бронзы проникла в предгорные и горные районы верховья Зарафшана значительно раньше, где-то в середине III тыс. до н.э. Этот факт указывает на древние связи земледельцев Саразма со скотоводческими общинами северных областей Средней Азии. Но, как утверждают многие исследователи, массовая миграция скотоводческих племен в глубь Средней Азии началась со второй половины II тыс. до н.э. (Гулямов и др., 1966; Литвинский и др., 1962; Аскаров, 1962; Кузьмина, 1986, 1994).

Открытия последних лет в горных отрогах Туркистанского хребта, на северном его склоне могильник Ак-Танга (Литвинский, Ранов, 1964, с. 3), на южном – Дашти Козы (он же Тепай Камар) (Исаков, 1992, 1993, 1994; Исаков, Потемкина, 1989) внесли конкретные коррективы в исследования о проживании скотоводов в горных просторах Средней Азии. (Массон, 1966а).

1. ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ КОЗЫ

Могильник был обнаружен в результате земляных работ школьным учителем истории кишлака Дашти Козы Пенджикентского района Аслидином Садриддиновым. Могильник расположен на правом берегу реки Зарафшан, в 45 км к востоку от г. Пенджикента или 60 км от поселения Саразм, на предгорном, относительно плоском плато, на высоте более 50 м от автодороги Пенджикент – Айни к северу от упомянутого кишлака.

При осмотре могильника внешних признаков погребений обнаружено не было. Единственное отличие места могильника от других предгорных холмов в том, что здесь земля лессовая, с травяным покровом, в то время как другие предгорные холмы состоят из горных галечных пород и без покрова.

В 120 м к северу от могильника расположен грот Камар, поэтому в начале могильник был назван Тепаи-Камар (Исаков, 1992).

Могильник занимает площадь длинной с севера на юг 40 м, шириной с запада на восток 30 м (рис. 20). До начала раскопок могильника была проведена зачистка погребения, разрушенного ковшом бульдозера, к тому же из этого погребения жители кишлака Дашти Козы брали землю для строительства. В незатронутой части могильник был перекрыт переотложенным слоем комковатого лесса толщиной до 1 м. Уклон площадки могильника в сторону долины р. Зарафшан, с перепадом высот, 5-6 м.

Раскопки производились по 30-45 дней в течение шести сезонов. Работы первых двух лет (1983-1984 гг.) под руководством А.И. Исакова и автора носили разведывательный характер. В 1985-1986 гг. на стационарную работу была приглашена ведущий научный сотрудник Института археологии АН СССР Т.М. Потемкина. Вместе с ней в раскопках могильника в 1985-1986 гг. участвовали зав. кафедрой археологии Самаркандского Государственного Института Н.А. Аванесова (1985 г.) научный сотрудник отдела археологии Института истории им. Чокана Валиханова АН Казахстана О.Н. Достонбаева (1984 г.), научный сотрудник Пенджикентской археологической базы Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикистана А.Р. Раззаков (1986 г.). В 1991 г. автор доисследовал памятник, выявив новые данные.

В этой работе автор использовал дневниковые записи А.И. Исакова и Т.М. Потемкиной.

При исследовании могильника из-за полного отсутствия внешних признаков погребения, кроме названных выше, в первый годы исследования (1983-1984 гг.) были произведены траншейные раскопки. С их помощью предполагалось определить границы могильника и наличие погребений на площадке.

В начале работы были выкопаны три траншеи различного размера. Две из них шириной в 1 м, длиной 3 м были расположены параллельно друг к

рован на северо-запад и уложен на левый бок с сильно прижатыми к тазу ногами. Археологический комплекс довольно богатый. Здесь кроме ориентированного сосудика у головы, собрано значительное количество украшений, они состоят из 3-х таблеткообразных, 5-ти муфтообразных и большого количества круглых пастовых бус. Найдены бронзовые изделия двух видов: крупные и мелкие пронизи (соответственно 33 и 71 штука) и единственный браслет с сомкнутой вершиной и заостренным ребром посередине. Сосуд, расположенный у головы, имеет бочкообразную форму, над верхней частью тулова треугольный прочерченный орнамент в виде двух фризов, разделенных прямым желобком посередине (рис. 24).

Погребение 3. (Исаков А.И. Потемкина М.Т. 1989). Представляет собой яму, в вытянутом плане с юго-запада на северо-восток, размером 140x100 см. Это самое богатое предметами погребение. Оно устроено в грунтовой яме, выкопано до галечной поверхности материка на глубине 1,4 м. Скелет лежит на левом боку в скорченном положении по направлению с юго-запада на северо-восток. Череп целый, на расстоянии 5 см от него находился довольно большой неорнаментированный горшок: диаметр венчика 17 см, высота 35 см. В области правого и левого уха найдена пара золотых серег с широким раструбом. Несколько ниже, в районе носа, две сильно пострадавшие бронзовые височные серьги. Обе руки покойника некогда украшались восьмью бронзовыми браслетами на каждой руке по четыре. Несколько ниже подбородка лежит миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой и отверстием. Недалеко от зеркала найден очень плохо сохранившийся бронзовый крючок, а рядом – бронзовое кольцо.

Обильное количество бронзового бисера (более 195 штук) было собрано в районе лопаток и между ребрами. Представляется, что ими были украшены волосы и, очевидно, одежда. Большие по размерам бронзовые бусы собраны у ступней и пальцев ног.

Погребение 4. Овального плана, вытянуто с юго-запада на северо-восток. Здесь обнаружены остатки двух детских скелетов. Судя по расположению черепов и костей, скелеты были потревожены, можно предположить, что погребенные были уложены одновременно в середине погребения. Любопытен тот факт, что по обеим сторонам черепа, расположенного в северо-западном углу могильной ямы, находились два сосуда: первый без орнамента, лежал на боку у лицевой части одного черепа (10,5x17x8). Второй горшок с небрежными подтреугольными насечками лежал недалеко от другого черепа (12x11x5), без орнамента (рис. 25).

Погребение 5. Овальная в плане яма вытянута с запада на восток, размером 140x100 см, обнаружена на глубине 1,6 м от дневной поверхности. Скелет в скорченной позе лежит на левом боку по направлению с северо-запада на юго-восток. Отличительная черта этого погребения – сильно при-

жаты к тазу ноги и близко подведенные к лицу руки. В числе сопровождающих вещей орнаментированный сосуд (15 см), 4 больших бронзовых бусины, 1 предмет в виде рулончика из листа бронзы. В раскопе погребения хаотично лежали чечевицеобразные бронзовые пронизи. Один из них вместе с большими бусами и трубочкой находились у ступней ног, другие – в районе шейных позвонков и между ребрами.

Бронзовый предмет, напоминающий кончик лезвия ножа, был найден под развалившейся челюстью (рис. 25).

Погребение 6. Овальная яма, вытянутая с запада на восток, размером 150х90 см. Скелет обнаружен на глубине 1,6 м от дневной поверхности, лежит головой на запад, на левом боку. Богато орнаментированный горшок с четырьмя отверстиями находился к северу от черепа. На руках погребенного было по два массивных браслета. Мелкие бронзовые пронизи находились в области шеи. У костей ног, ближе к ступням, также находилось множество пронизей из бронзы. Среди украшений лежали бусы среднего размера и шесть штук овальных, крупных. Среди костей ног лежало небольшое кольцо (рис. 26).

Погребение 7. Вытянуто с юга-запада на северо-восток. Скелет лежит на правом боку, на уровне 1,4 м от дневной поверхности. Еще до костяка на глубине 90-100 см были обнаружены четыре больших камня. Череп раздавленный, а традиционный сосуд, сопровождающий покойника, отсутствует. Но в погребение найдены три вида предметов: поблизости от шейных позвонков лежали фрагменты серег с раструбом и 72 мелких чечевицеобразных бронзовых пронизи. Большие бронзовые бусы в куче (23 штуки) лежали в районе пояса. Два бусины были найдены на расстоянии 35 см к востоку от скелета в норке грызунов (рис. 27).

Погребение 8. Вытянутое и овальное в плане, диаметром 1,4-1,6 м. По костяным останкам установлено, что погребение было использовано дважды. Остатки первого скелета при повторном захоронении были сдвинуты в юго-восточный угол могильной ямы, в результате чего анатомический порядок покойника был нарушен. Второй костяк лежит на левом боку, головой на северо-запад. К западу от черепа лежали два небольших сосуда без орнамента. Все бронзовые предметы принадлежат второму захоронению. Кроме сосудов, здесь было найдено миниатюрное бронзовое зеркало с петелькой. В области шеи найдены одна целая и два фрагмента бронзовых трубочек, 2 большие и 33 бусины меньшего размера (рис. 28).

Погребение 9. Размером 0,9х1,42 м вытянуто с юго-запада на северо-восток, с закруглением стенок с запада. Костяки находились на глубине 2,4 м от дневной поверхности. Захоронение парное. Западный скелет лежит на правом боку, а восточный – на левом. Первый скелет – западный, видимо, был захоронен несколько раньше, о чем свидетельствует потревоженное состояние костяка. Предполагается, что при погребении второго скелета, ко-

стяк первого погребения, был слегка отодвинут к западной стенке могилы. В результате череп лицом был передвинут на восток и придвинут ко второму черепу. Второй скелет в идеальном состоянии, четко прослеживается его анатомическое расположение. Левая рука подведена к лицу, а правая к груди. Между скелетами лежало два сосуда, первый сосуд был обнаружен между черепами, второй поблизости от тазовых костей, кроме того, первый скелет сопровождали две разные кольцеобразные серьги.

Более богатым оказался второй погребенный. На левой руке был обнаружен массивный браслет. В области пояса, ниже тазовых костей, найдены лежащие тремя группами крупные бронзовые бусы.

Вместе с бусами было собрано несколько бисерин и кольцеобразные предметы. Причем, последние во фрагментах (рис. 29).

Погребение 10. Овального плана, вытянуто с запада на восток. Площадь погребения равна 1,1x1,45 м и расположена на глубине 1,8 м от репера. В погребении обнаружены костяки двух покойников, один из которых, очевидно ранее погребенный, сильно расчленен. Череп ненарушенного скелета лежащего на левом боку, ориентирован на север. Ноги прижаты к животу, обе руки подведены к челюсти. Второй скелет в расчленном виде найден к востоку от первого. Между костями второго скелета обнаружен фрагмент крупного сосуда. На уровне 1,7 м и на 10 см выше к востоку от могильной ямы было обнаружено пятно от кострища. Два камня лежали на глубине 0,9 и 1,4 м от репера (рис. 30).

Погребение 11. Также овального плана, размером 0,8x1,20 м, вытянуто с юго-запада на северо-восток. На 10 см выше пола погребения с запада на восток обнаружены следы двух кострищ. Кости усопшего расчленены. Череп лежит, среди кистей рук и между ребрами. Рядом с черепом обнаружен орнаментированный сосуд. По положению берцовых костей можно определить, что погребенный лежал на левом боку (рис. 31).

Погребение 12. Дно могильной ямы прямоугольного плана, размером 1,45x1,55 м с овальными углами стенок. Кости трех погребенных обнаружены на глубине 1,9 м. Погребение ориентировано с запада на восток. Это первое коллективное захоронение. Кости двух погребенных отдельными кучками лежали в южной половине ямы, третий скелет, расположенный головой на восток, занимает ее восточную часть и лежит на левом боку. Анатомический порядок скелета нарушен. В первом случае берцовые кости оказались не на том месте, где они должны находиться. Из сопровождающих вещей отметим ребра мелкого рогатого скота (барана или козла), лежащие перед лицевой частью третьего черепа, и сосуд у западной стенки могильной ямы. По расположению сосуда можно сказать, что он принадлежал одному из расчленных скелетов. Кроме сосуда, к раннему погребению относятся и три каменных терочника.

Характер расположения скелета указывает на то, что это погребение сначала было рассчитано на двух покойников, при захоронении которых был соблюден погребальный обряд. При погребении третьего покойника ранее погребенные были по отдельности отодвинуты в южную часть могильной ямы. С чем связано нарушение положения ног третьего скелета, нам неизвестно. Предполагаем, что погребение было ограблено (рис. 32).

Погребение 13. Слабо выраженный контур могильной ямы был обнаружен на глубине 1,3 м над галечной прослойкой. Обнаружены фрагменты челюсти, лобная часть черепа, по одной плечевой и локтевой кости. Сопровождающих предметов не обнаружено. Судя по зубам фрагменты нижней челюсти – это скелет ребенка в возрасте более года. По утверждению исследователя Т.М. Потемкиной у ребенка прорезались 2 нижних передних зуба, а 3 и 4 нет.

Погребение 14. Овального плана, размером 0,75x1,25 м, вытянуто с юго-запада на северо-восток. Обнаружено на глубине 1,4 м. В северо-западном углу обнаружен большой плоский камень. Анатомическое положение скелета нарушено. Череп раздавлен, вокруг значительное количество костей барана или козы. Они найдены не только рядом со скелетом, но и вне территории могильной ямы, на расстоянии 140 см к северо-западу от границы могилы. Другая группа костей от скелета лежала на северо-востоке от могильной ямы. По черепу и зубам можно утверждать, что в погребении лежал 3-4 летний ребенок. В погребении найден керамический сосуд (рис. 33).

Погребение 15. (Исаков А.И. Пьянкова М.Т. 1989). Овального плана, вытянуто с востока на запад, размером 95x175 см. Дно могильной ямы расположено на глубине 2,2 м от дневной поверхности. На этом же уровне у северной стенки могильной ямы выявлено углистое пятно, вытянутое вдоль могильной ямы и частичное заходящее в нее. Пятно овальной формы, толщиной 25 см, размером 90x30x40 см. Заполнение ямы серо-коричневого цвета с включением углистых пятен. Плотность могильного пятна по сравнению со всем грунтом отличается значительной рыхлостью. На глубине 2,4 м расчищен скелет в полном анатомическом порядке.

Костяк лежит на левом боку, в сильно скорченной позе, головой ориентирован на запад. Кости рук расположены перед лицом. На расстоянии 20 см от лобной части черепа находится глиняный горшок с плавным профилем, слегка раздутыми боками и со штампованным орнаментом по верхней части. При расчистке сосуда от лессового заполнения на дне его обнаружено 15 крупных бронзовых бусин. На запястьях рук по три массивных с желобчатым контуром и ребристых снаружи браслета с заходящими костями. Вокруг головы на расстоянии 5 см от черепа, в виде слабовыраженного зигзага, лежит цепочка бронзовых бус. По краям и в центре цепочки, как бы образуя изгиб, расположены три крупных бусины, и между ними располагались две группы по 8 штук мелких бронзовых бус.

Можно предположить, что эти бусы были нашиты на головной убор. За затылочной частью черепа в 5 см от лопатки лежала очень плохо сохранившаяся бронзовая серьга с раструбом. У шейных позвонков обнаружена желобчатая гривна с закругленными концами и с отверстиями. Ниже и выше тазовых костей, поперек скелет с севера на юг, лежали два ряда по 14 и 16 мелких бронзовых бус. Значительное количество мелких бус было расположено в области бедра и ног, и в удалении от ног. Их расположение указывает на то, что бусы были нашиты на пояс, кофту и подол платья.

Несколько десятков бус обнаружено в районе голеностопных суставов, где зачищен коричневый плотный тлен с красноватым оттенком. В некоторых местах оттенок красный. Нам кажется, что это окраска обуви или шароваров. Упомянутый тлен занимал 30х35 см и был усеян мелкими бусами, но среди них находилось 10 крупных бусин и три постовых трубчатых пронизи.

По количеству и разнообразию сопровождающих предметов – это второе богатое погребение. Здесь обнаружены: 1 сосуд, 1 гривна, 6 браслетов, 2 серьги с раструбом, 32 крупные бусины, более 300 мелких пронизей и 1 пастовая бусина (рис. 34).

Погребение 16. Могильная яма неправильной формы, овального типа, размером 150х160 см, была обнаружена на глубине 190 см. Она ориентирована с запада на восток и была заполнена гумусированным желто-коричневым лессом. В центре южной части могилы обнаружено пятно цвета охры. Скелеты трех погребенных выявлены на глубине 216 см от репера.

В западной половине могилы находились кости двух скелетов в беспорядочном, вернее, переложенном состоянии. Кости скелетов сохранились почти полностью и группировались как бы двумя скоплениями.

Первое погребение переложено в северо-западный угол. Череп лежал лицевой частью вниз. Южнее его лежали плечевые кости, ребра, плечевые и тазовые позвонки. Лучевая, локтевая кость и кости голеностопа встречаются в сочлененном виде. У голеностопа положен коричневый тлен с остатками бронзовых бус, очевидно, с обуви.

Второе погребение обнаружено у южного края первого погребения. Кости этого скелета, как и первые, лежали в сочлененном виде. На костях – медистый налет. Предполагается, что погребение было ограблено, в результате чего анатомическая целостность скелета нарушена. В северо-западном углу рядом с черепом, обнаружен сосуд с отбитым еще в древности венчиком. У северного края первого скопления костей обнаружены обкатанные круглые камни размером 8х10-11 см. Возможно, они служили терочниками.

В заполнении могилы с костями скелета встречаются отдельные бочковидные бронзовые бусины плохой сохранности.

После расчистки и снятия костей на дне могилы под черепом 1 был зафиксирован коричневый тлен (остатки сгнившей кожи) на площади 25 см с

бронзовыми бусами. Они лежали в виде зигзага из двух незамкнутых треугольников, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Подобное встречается не в первый раз и говорит о том, что обувь была расшита бусами.

Третий погребенный обнаруженный здесь же, лежит на левом боку в скорченной позе, на север. Кости рук – перед лицом. От этого скелета сохранилась только верхняя часть. Кости таза и ног отсутствуют. Можно предположить, что они были смешаны с костями второго погребенного. Перед грудной клеткой обнаружен плоский обкатанный камень треугольной формы, размером 25-30 см, толщиной 10-15 см. Сопровождающий инвентарь предметы отсутствует. В юго-восточном углу могилы, под камнем и далее в южном направлении прослежены следы норы, шириной от 30 до 40 см. В ее заполнении обнаружены позвонки и фаланги человеческих костей. Вместе с ними обнаружены тазовые и две трубчатые кости мелкого животного или крупного грызуна.

Расчистка костных останков трех погребенных позволяет предположить, что третий погребенный был опущен в могильную яму позже двух первых. Возможно, при последнем погребении кости первых двух погребенных были сдвинуты.

Погребение 17. Могильная яма не выявлена. Внешним признаком могилы является надмогильный камень размером 33x55 см, толщиной 12-14 см, лежащий на глубине 65 см от поверхности. На глубине 95-100 см был обнаружен скелет лежащий на левом боку, в скорченной позе, головой на северо-запад. Скорченность средней степени, первое колено под углом 90° относительно позвоночника, левое – под углом 60°. Кости рук подведены к лицу. Череп хрупкий, при соприкосновении расслаивается. Сопровождающих предметов нет (рис. 36).

Погребение 18. Очертание могильной ямы не фиксировалось. Традиционные камни (5 штук) лежали на глубине 95-110 см от поверхности, к востоку от усопшего. На этом же уровне были обнаружены кости усопшего. Анатомическое положение нарушено, возможно, грызунами. Проходившая, видимо, посередине могильной ямы насквозь между костями и камнями нора шириной от 12 до 22 см стала причиной нарушения положения костяка, так как в засыпе норы встречена костяная труха, несколько зубов, фаланги пальцев рук, ребра, части берцовой кости и коленной чашечки. Тем не менее, по сохранившейся основной части костей усопшего можно определить позу погребенного. Скелет лежит на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Скорченность средняя. Сосуд лежит перед лицом к северо-западу от черепа, какие-либо другие вещи от черепа отсутствуют (рис. 36).

Погребение 19. Могильная яма не фиксировалась, скелет был обнаружен на глубине 110-115 см от поверхности. Череп и большинство верхних костей, кроме ребер и фаланг, представляли собой труху. В лучшем состоя-

нии оказались кости рук, берцовые кости и некоторые ребра. Погребенный был уложен в скорченной позе на левый бок, головой на запад. Скорченность сильная, ноги прижаты к тазу. Кисть левой руки вытянута под прямым углом к плечевой кости и резко загнута вовнутрь. Кисть правой руки находится перед лицом.

Погребение сопровождалось небольшим количеством предметов, на правой руке и кисти – бронзовый браслет, на щиколотках ног – по две крупных бусины. Можно предположить, что эти бусы были застежками обуви. Под черепом лежали две пастовые, ребристые пронизи. У затылочной части черепа находился крупный сосуд, без венчика и орнамента. На костяке сверху и снизу следы охры. Большое скопление охры, толщиной до 1 см и более, под тазовыми костяками. Это позволяет говорить о том, что дно могильной ямы было посыпано охрой. К северу от погребения, в 10-40 см, впереди скелета на глубине 60 см находилось три камня, причем два из них рядом, и третий – на расстоянии 40 см от первых двух (рис. 37).

Погребение 20. Остатки этого погребения были обнаружены на глубине 130 см. Хорошо сохранилась только верхняя часть. Судя по положению костяка, погребенный лежал на левом боку, головой на север. Кисти рук находятся перед лицом. Нижняя часть туловища и ног отсутствует. Там, где должны были находиться тазовая кость и ноги, лежит плоский камень размером 30-35 см. Орнаментированный сосуд лежит к северо-востоку от черепа. По середине с севера на юг, сквозь могильную яму, проходит широкая (около 40 см) нора грызуна. Возможно, с этим и связано нарушение анатомического положения костяка. На глубине 120-125 см к северо-западу от могильной ямы обнаружены остатки кострища, а к юго-западу от кострища, на глубине 80-100 см – 6 камней (рис. 38).

Погребение 21. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Остатки скелета обнаружены на глубине 130 см от поверхности. Первоначально погребенный лежал в скорченном положении, очевидно, головой на запад, на левом боку. Позже костяк по какой-то причине был сдвинут.

Берцовые кости лежат под углом 30° к бедру, в сильно подтянутом виде. Это положение дает повод говорить о том, что ноги были завязаны и подтянуты к туловищу. Череп отсутствует, а на его месте находится фаланга левой руки и разбросанные зубы. Под костяком обнаружен темно-коричневый тлен без охры. Традиционный сосуд лежит на боку в области живота. Несколько выше (10-15 см) над сосудом, в стороне, обнаружен камень. Из предметов украшения отметим наличие 8 крупных и 6 поломанных мелких бусин. На запястьях обеих рук два несомкнутых концами массивных браслета.

Полученные факты позволяют говорить о том, что погребение принадлежит молодой женщине, родившей одного ребенка. Основные, возможно, драгоценные вещи были разграблены, что и стало причиной нарушения целостности скелета (рис. 39).

Погребение 22. Дно могильной ямы обнаружено на глубине 195 см. Сильно скорченный скелет лежит головой на северо-запад, на левом боку. Кости левой руки находятся перед лицом, правая согнута в локте на уровне пояса. Кости насильно согнуты, приблизительно под углом 30° . С юго-восточной стороны под скелетом проходит нора. Ее северо-восточный конец уходит под камни, расположенные на глубине 150-155 см выше скелета. Поскольку камни находятся в стороне от костяка, можно предположить, что где-то поблизости с ними проходит граница могильной ямы. Орнаментированный сосуд в перевернутом виде лежит к юго-западу от черепа. В отдельных местах, вблизи камня, в области берцовых и бедренных костей замечены следы охры (рис. 40).

Погребение 23. Очертания могильной ямы едва улавливаются по слабой окраске серо-кирпичного цвета в мягком грунте на глубине 140 см от поверхности. Она представляет собой неправильную овальную форму размером 35x140 см, вытянутую по направлению с юго-запада на северо-восток. У северо-западного края могильной ямы, на глубине 90 см, на расстоянии от костяка обнаружена сланцевая плита размером 30x60 см, толщиной 3-6 см.

Погребенный лежит в скорченной позе, на левом боку, головой на юго-запад. Кисти рук – перед лицом. Череп повернут вверх, что указывает на то, что погребенный был, передвинут на живот, правая рука скорчена больше, чем левая. Традиционный сосуд лежал вплотную к изголовью, устьем к погребенному. Упомянутый камень был положен после разведения кострища, видимо на уровне дневной поверхности. Углистый слой прослеживается на уровне могильной ямы и чуть выше у камня над могилой. Толщина углистого слоя 6-10 см, распространена на площади 110-140 см. Насыпь над погребением изолирована от кострища тонким 5-6 см слоем обмазки (рис. 41).

Погребение 24. Погребение обнаружено на глубине 53 см. От костяка сохранилась только верхняя половина бедренных костей, половина малых и больших берцовых. Кости нижней части погребенного были уничтожены при проведении дороги к карьере.

По сохранившимся костям определяется поза погребенного скелета. Скелет лежит на левом боку, скорченный, головой на запад, кисти рук перед лицом, скорченность сильная, колени подняты перед лобной частью. Из предметов украшения отметим, что под таблетковидной круглой пастовой бусиной, у левого локтя за спиной, найдена пастовая квадратная бусина или подвеска со сквозным отверстием продольной оси. Аналогичная бусина, но несколько меньшая, 4 пастовые ребристые пронизи и 2 бронзовые бусины обнаружены под и между бедренными и берцовыми костями, перед скелетом. Первый камень был обнаружен на глубине 18 см, второй на уровне скелета, на глубине 52 см (рис. 42).

Погребение 25. (Исаков А.И. Потемкина М.Т. 1989). Это самое интересное место комплекса могильника Дашти Козы. Поэтому представляем его детальное описание.

На поверхности могилы под дерном, на глубине 10-15 см, обнаружена аккуратно уложенная каменная кладка. Кладка имеет правильную округлую форму, размером 1,9х2,9м, в направлении северо-востока 3,1 м. Они положены по окружности торцами, с наклоном внутрь ямы (рис. 43). Они схожи с неправильной оградой. Во внутренней части круга камни лежат без определенного порядка, т.е. просто набросаны. Из заполнения могильной ямы видно, что верхние камни крупные, а нижние поменьше.

Могильная яма обнаружена сразу же под каменной кладкой. Она, как по верху, так и по дну, имеет неправильную округлую форму, диаметром 3,3х3,4 м. В юго-восточном секторе ямы, или в восточной половине, сразу же под кладкой, начинается углистое пятно, насыщенное углями. Угли встречаются по всему заполнению ямы. Ниже насыщенность уменьшается. Среди углей встречались иногда комочки красной глины (охры).

В северо-восточном углу ямы, на глубине 30 см от каменной кладки, обнаружена еще одна каменная вымостка квадратной формы 80х90 см из 21 камня. Эти камни и обнаруженные под ними погребения рассмотрим несколько позже при описании погребения 25-1.

Вернемся к могильной яме 25. Хотя это погребение по верху представляло неправильное очертание круга, но с появлением галечного слоя, на глубине 25 см от каменной кладки в северо-западной половине, дно ямы подкопным способом было расширено на юг-восток, из-за чего дно ямы приобрело полукруглый вид.

Интерес представляет тот факт, что в северо-западной части могильной ямы было обнаружено 7 костяков, лежащих в скорченном положении один за другим (рис. 44).

Скелет 1 лежит на левом боку головой на северо-восток, в слабо скорченной позе. Бедренные кости лежат под углом 45° к бедру. Правая рука согнута и вытянута вперед, а левая слегка согнута по направлению к туловищу.

Скелет 2 лежит на левом боку. Кисть правой руки находится перед лицом, а левой прихватывает головку. Скорченность слабая, бедренные кости лежат под углом 120° по отношению к тазу, а берцовые – под 45° к бедренным. Колена этого скелета входят в изгиб скелета 3.

Скелет 3 также лежит на левом боку, скорченность слабая, бедренные кости лежат под углом 90° по отношению к тазу, а берцовые – под 45° к бедренным. Положение рук неестественное – правая рука согнута перед грудью, левая вытянута вперед, плечевая кисть находится перед лицом, а лучевые кости повернуты к животу. Голова необычно закинута назад. За шеей лежит камень со следами обработки.

Скелет 4 лежит на левом боку, скорченность слабая, берцовая кисть – под углом 120° по отношению к тазу и под 60° к бедренным. Положение рук также неестественно – правая вытянута вперед, левая с заломленной кистью руки вытянута к лицу, локтем вперед.

Скелет 5 лежит на левом боку, скорченность слабая. Бедренные кости находятся под углом 90° по отношению к тазу и под 60° к бедренным. Плечевая часть правой руки вытянута вдоль скелета, а лучевая под 90° направлена вперед, плечевая кость левой руки вытянута вперед, а лучевая заполнена к лицу. Берцовые и бедренные кости сильно приближены друг к другу.

Скелет 6 лежит в слабо скорченном виде, на левом боку. Бедренные кости расположены под углом 80° относительно таза, а берцовые – под углом 60° к бедренным. Голова скелета откинута назад. Левая рука согнута перед лицом локтем вперед. Кости правой руки сохранились плохо.

Скелет 7 – занимает юго-восточную часть могильной ямы, лежит на левом боку. Скорченность средняя, бедренные кости расположены под углом 60° относительно таза, берцовые – под углом 45° к бедренным. Левая рука согнута и положена на колено, правая также согнута и положена на левую плечевую часть.

В итоге напомним, что по наблюдению исследователей этого памятника, все покойники были захоронены одновременно, положение скелетов не нарушено, и как видно, они изначально уложены, рядом друг с другом. Ориентировка головы определяется положением скелета относительно к кругу могильной ямы. Поэтому 1-5 головы ориентированы на север и северо-восток, а голова 7-го скелета ориентирована на восток.

Относительно массовости погребения можно предположить, что оно было связано с распространением какой-то эпидемии, так как на скелетах следов каких-либо телесных повреждений не замечено. При зачистке скелетов участвовали антропологи: зав. антропологическим отделом Института археологии им. Я.Г. Гулямова АН Республики Узбекистан Т.К. Ходжаев и сотрудник отдела того же института С. Мустафокулов.

Ниже мы представляем антропологическое заключение этого погребения. Из 8 погребенных 3 черепа андроновского типа. В могиле были захоронены 3 женщины и 4 мужчины (Джуракулов, Ходжаев, 1987, с.15-16). Все погребенные находились в зрелом возрасте от 16-18 лет и старше. Работы по исследованию черепов еще не завершились.

Погребение 25-1. Обнаружено на уровне нижней кладки камней вышеуказанного погребения 25. Здесь в северо-восточной части коллективного погребения, под каменной вымосткой на глубине 60 см от дневной поверхности, были обнаружены кости скелета. Среди костей и вокруг них встречались довольно хрупкие глиняные комочки.

Кости в очень плохом состоянии и рассыпались от прикосновения кисточек. Верхняя половина костяка нарушена. Положение черепа, тазовых

костей и кистей ног свидетельствуют о том, что погребенный лежал в скорченном виде, на левом боку, головой на запад. Скорченность сильная, бедренные кости расположены под углом 30° относительно таза. Лучевые кости находились под костями ног. В районе запястья ясно видна окись меди, возможно, от браслета. Фаланги пальцев разбросаны перед лицевой частью черепа. Перед черепом плечом и животом скопление бронзового бисера. Местами он лежит рядами в несколько десятков бус. Видимо, бисером была расшита одежда.

Нижняя часть челюсти скелета найдена под тазовыми бедренными костями, лопатки, локтевая и лучевая кости также найдены под тазовыми костями и костями ног, на поверхности имеются следы медной окиси. Под тазовыми костями скопление мелкого бисера, лежащего небольшими рядами.

Положение костяка указывает на то, что он был потревожен после его разложения. Об этом дополнительно свидетельствует нарушение кладки на погребении 25.

Под костяком прослеживался коричневый тлен и небольшие пятна охры с комочками тлели. У верхнего эпифиза костей, близко друг к другу, на расстоянии 5-6 см, лежали два бронзовых зеркальца с петельками. Поверх первого зеркальца, перекрывая его на $2/3$ лежало скопление бронзового бисера с серой окраской разложившейся трухи (возможно, в состав этого бисера входило много серебра). Ниже второго зеркала, ближе к черепу, также было скопление бисера, превратившегося в труху. Среди бронзовых бус и бисера (1, 2, 3, 5, 7, 8) встречены пастовые и крупные бусы, а также небольшое кольцо (рис. 45).

Погребение 26. Очертание могильной ямы расчищено на глубине 120 см от уровня дневной поверхности. Яма овальной формы размером 165x85-90 см, ориентирована с юго-запада на северо-восток. У юго-западного края могильной ямы на глубине 90 см, углистая яма круглой формы, размером 150x160см, глубиной 25-30 см. Она частично перекрывает могильную яму. К юго-востоку от углистой ямы на глубине 100 см на площади 100x60 см прослеживается красно-бурый цвет похожий на охру, но этот цвет мог быть и следом интенсивного разгоревшегося костра.

В северо-западной части могильной ямы на глубине 90 см был обнаружен плоский, вытянутый камень, большая часть которого лежит над ямой. Некоторые особенности устройства могильной ямы, в частности, не глубокий подбой, указывает на ее неординарность. Возможно, после того, как был сделан подбой тераски, вход был закрыт камнями.

Скелет в умеренно скорченном состоянии, лежит на левом боку, головой на юго-запад. Бедренные кости расположены под углом 90° по отношению к тазу, берцовые – под 30° с сильно подтянутыми коленями к бедрам. Руки согнуты в локтях, кисти – под черепом. Рядом с погребенным обнаружен сосуд, нижняя часть сосуда устьем к черепу лежит на боку, на левой руке

сильно разрушенный массивный браслет и рядом – 2 крупные бронзовые бусины. В районе ушной раковины бронзовая серьга с раструбом. Рядом с ней, чуть восточнее, на расстоянии 4-6 см найдены пастовые ребристые пронизи. Они расположены, как бы рядом вдоль шеи и у плеча. Очевидно, они были украшением волос. Вместе с тем в нижней части скелета найдено значительное количество бисера и крупных бус. Эти украшения были нашиты на обувь. Значительное количество крупных бус, найденных под тазовыми костяками и между левой берцовой и правой бедренной костью у голеностопного сустава, говорит о том, что этими бусами были расшиты затяжки, а некоторые из них могли быть украшением пояса (рис. 46).

Ритуальные ямы. Кроме представленных могильных ям и погребений, на исследованной площади могильника Дашти Козы особо выделим две ямы.

Яма 4. Овальной формы, размером 3х2,5 м, ориентирована в направлении северо-запад-юго-восток и расположена в квадрате И, К 6,7 на юго-западном углу раскопа. Дно ямы находится на глубине 160 см от дневной поверхности; зачисткой установлено, что в основном ее стены наклонные, лишь северо-западная – отвесная. Яма заполнена весьма разнородными наслоениями. Так, юго-восточная половина состоит из трех углистых прослоек толщиной 2-3 см. Их перекрывает 5-15 см слой лесса. Плотные (жженные) массы встречаются с натекми в следующей прослойке лесса, залегающей под ними. Похоже, что как будто бы кострища поливались каким-то жидким веществом или на них сжигалось что-то, содержащее жир. В свою очередь в прослойках лесса в разрезе встречаются включения пятен диаметром 100-150 см. Они представляют собой неровные видимые полосы. Сажевидные остатки указывают на то, что здесь сжигался хворост, который временами заливался маслом или чем-то подобным. В прослойках лесса и углистым слое встречаются комочки охры, иногда с небольшими скоплениями. Поэтому мы имеем основание полагать, что охра бросалась в костер при его возгорании или вместе с лессом. Наличие трех углистых прослоек свидетельствует о трехразовом использовании ямы, т.е. три раза в одном месте разжигали костер и три раза засыпали.

В северо-западной части ямы углистые прослойки отсутствуют. Здесь подсыпка охры прослеживается на дне, несколько выше лессовой прослойки. У западного края и в центре на разной глубине встречены три группы скопления камней. По этим камням, трем слоям углей и охры можно предположить, что эта яма являлась ритуальной в церемонии погребения. Однако, не исключено, что яма была коллективным кенотафом.

Яма 5. Расположена к северо-востоку от ямы 4, в квадратах 3, Н К 7-9 на глубине 2-2,5 от дневной поверхности (рис. 47). Яму прикрывала выкладка из 35 различных по величине камней. На глубине 2, 1-2, 3 см было обнаружено еще 7 камней, лежащих группами. Очертание ямы прослеживается

на глубине 200 см. Она круглой формы, размером 3,5-3,3 м. Верхняя западная и северо-восточная часть ее были разрушены погребениями 4 и 5. Поэтому четкую границу ямы удалось зафиксировать только у самого дна. Характерная для таких ям группировка камней была обнаружена на самом дне. По дну ямы в центре, особенно в восточной половине, отмечен насыщенный слой. Вдоль южной стенки идет полоса шириной от 20 до 50 см красно-бустрой охры или красной краски. Она иногда перемешивается с лессом и отдельными угольками. В северо-восточном секторе между камнями и стенкой ямы на площади 1,5x1 м вместе с углями и охрой встречаются включения мелких камешков мела, в отдельных местах очень интересные.

По следам кострищ можно заключить, что в яме два раза разжигались большие костры. Первый раз – до сооружения каменной выкладки, второй – после. Это говорит о том, что возможно, камни были положены одновременно, поскольку они лежат не сплошь, а скоплениями, с разницей в глубине 10-15 см. Первая группа – на глубине 110-230 см, вторая на 190-210 см. Эта яма, как и предшествующая, является ритуальной или кенотафом.

В 1993 г. в результате раскопок было раскопано около 10м² на северо-западном участке в квадратах 3аБ, 2аБ, 1аА, 1аВ. При расчистке задернованной поверхности земли в отдельных местах был встречен лесс красно-розового оттенка с измельченными угольками, поверхность слабого пропала. Толщина этого смешанного слоя не превышает 10 см.

В квадрате 3аБ и 2аБ обнаружен зольник, толщиной более 25 см и с 2-3 см с прослойкой чистого светлого лесса. По площади зольник весьма внушителен: по линии север-юг – 2,25 метров, а по линии восток-запад – 1,5 м. Предполагается, что зола была перенесена в остывшем виде, так как на поверхности, на которой лежала зола, не обнаружено горелых следов. Судя по тому, что зола скоплена в глубокой (не более 30 см) яме (№9), возможно предположить, что она была выкопана специально.

В квадрате 1В, на уровне древней дневной поверхности (на глубине 60 см) наблюдалось скопление камней, а под ними 3 прокаленных пятна овальной формы соответственно размерами 75x50 см, 80x60 см, 1,40x70 см. Под третьим зольником расчищена яма глубиной 60 см. Костяк или погребальный инвентарь не найден. В квадрате Е на расстоянии 2 м к западу от коллективного захоронения (погребение 25), под дерновым слоем, был обнаружен зольник прямоугольной формы, размером 2x1,61 м. Он также, как и вышеуказанные зольники в квадрате 3аБ и 2аБ, представлял собой специально подготовленную яму. На поверхности южного борта ямы прослеживался розовый оттенок, свидетельствующий о том, что в яму выбрасывали порой недогоревшую древесину. Наличие 15 см прослойки комковатой земли между золой говорит о том, что горячая зола иногда прикрывалась этой землей. Небольшой зольник и несколько камней обнаружены в квадрате 4В и 5 бБ.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Погребения и погребальные обряды. В могильнике Дашти Козы раскопано 27 погребений с 39 захоронениями. В них было обнаружено 21 одиночное (погр. 3, 5-7, 11, 13-15, 18-25, 2-26) и 4 парных (погр. 4, 8, 9, 10), в двух случаях коллективные: в одной были погребены 3 человека (погр. 12), а в другой 7 человек (погр. 25).

Устройство могильных ям однотипное – все они грунтовые, в двух случаях с неглубокими подбоями (погр. 25-26). Кроме того, в могилах отмечено наличие камней на высоте от 10 см до более 1 м. Имеют традиционные признаки. Кострища были обнаружены поблизости от могильной ямы или в какой-то ее части, над погребениями, и были изолированы от костяка земляной засыпкой. Судя по тому, что в большинстве могильных ям обнаружены следы и даже комочки красной охры, можно предположить, что это связано с погребальными ритуальными обрядами, традиция которых была заложена еще в эпохе энеолита (Рогачев, Анников, 1984, с. 233). Возжигание костров и засыпка захоронений охрой отражают идеологические воззрения людей, обитавших здесь. На этих явлениях более подробно мы остановимся ниже.

Нам удалось определить план 16-ти погребений. Они имеют почти одинаковые устройства: вытянуто овальную форму, ориентированную по оси с юго-запада на северо-восток (погр. 1, 2, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 20 и 26), с юго-востока на северо-запад (погр. 3-4) и с запада на восток (погр. 5, 10, 23). Очертания могил, кроме коллективного погребения (погр. 25), не установлены. Стенки могильных ям были разрушены при ограблении или в результате повторных захоронений (погр. 2, 12, 13, 17-19: 22, 24-25). Повторные захоронения были произведены в могильных ямах 8, 9, 13, 14, 16. Ограбленными оказались могилы 18-21. Большинство погребенных уложено на левый бок (из ненарушенных 17 костяков погребенных, 16 лежит на левом боку). Лишь в одной могиле (погр. 7) скелет лежал на правом боку. Погребенные ориентированны в основном головой на север. Из 39 погребенных в 3-х случаях головы ориентированы на север (погр. 1, 20, 25), в двух на северо-восток (25-1) и в 5-ти случаях на северо-запад (погр. 8, 10, 15, 16, 22). На юго-запад ориентировано 6 погребений (погр. 1, 3, 7, 9, 19, 25) и 4 ориентированы на запад (погр. 5, 6, 23 и 24). Три скелета погребения 12 ориентированы на восток, на востоке же ориентирован один скелет из коллективного погребения (погр. 25). Кроме погребения 25, где захоронены 7 покойников одновременно, в 6-ти погребениях было сделано повторные захоронения, причем прежние могильные ямы не были расширены. Чтобы захоронить последнего, второго или третьего покойника, скелеты ранее захороненных либо сдвинуты с почти ненарушенным анатомическим положением в край могильной ямы (погр. 9), либо отдельными кучами были переложены в какую-то часть ямы (погр. 10-12).

Были обнаружены заранее приготовленные могильные ямы значительного размера, очевидно, рассчитанные на нескольких погребенных. Так, в погребении 12 (прямоугольной формы, размер 150x150 см) при захоронении третьего трупа скелеты двух ранее погребенных были переложены в западную половину могилы двумя отдельными кучами.

Из 27 погребений всего в 4 (погр. 4, 13, 14, 17) найдено два детских скелета, лишь в 2 погребениях зафиксированы скелеты мужчин (погр. 7, 23). Из 7-ми скелетов коллективного погребения 4 были мужскими (погр. 25). По определению Т.К. Ходжаева, в погребении 23, также захоронен мужчина. Исследователями установлено, что из 16 антропологически определенных костяков 8 были женщины (2 молодого и 6 зрелого возраста), 6 мужчин (2 молодого, 4 зрелого возраста) и 2 детских (пол не ясен). С учетом погребального инвентаря и полевых определений костяных останков (детских) с достаточной долей достоверности можно предположить половой состав захоронений могильника: мужчин – 10, женщин – 16, детей и подростков – 9. В парных захоронениях предположительно были погребены: женщина с ребенком (№8), мужчина и женщина (№ 9), дети и подростки (№ 4, 10). В тройном погребении (№ 12) – мужчина зрелого возраста и 2 женщины (зрелого и юношеского возраста).

Прежде чем мы перейдем к научной интерпретации археологических комплексов, обратимся к фактам, свидетельствующим о том, что основные принципы погребальных обрядов Дашти Козынского могильника совпадает с обрядами земледельцев эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы. При этом напомним, что в двух упомянутых зарафшанских культурах мы наблюдаем идентичные моменты: скорченность позы, положение погребенных в могильной яме на левом или правом боку, сопровождающий инвентарь с наличием заgrabной трапезы. Возникает вопрос: чем объясняется тот факт, что в обществах земледельцев и скотоводов, относящихся к различным культурным комплексам, имеются такие сходства?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к закономерностям развития человеческого общества. Согласно системе познания мира, прежде всего окружающей среды, как жизнеобеспечивающего фактора, непонятных явлений (солнце, луна, тепло, холод, свет, темнота, жизнь и смерть) была одинаковой. Но эти факторы в дальнейшем трактовались далеко не одинаково. У каждого общества, опять-таки в зависимости от природных условий, доступности материальных благ (дикие злаки, фрукты, охотничьи угодья у жителей предгорных и горных районов, рыба, дикие животные, съедобные растения у обитателей берегов, рек, озер, морей и лесов) складывались свои материальные условия. Их культовые условия, как атрибуты мышления и бытия складывались в зависимости от окружающей среды и общественных укладов. Но вполне можно представить, что всем первобытным обществам были известны и жизнь и смерть. Им также было известно, как зарождается ребенок и его положение в утробе матери. Вместе с тем, они верили в суще-

ствовании другого мира после смерти и поэтому снабжали покойника пищей и бытовыми предметами, заботились о сохранности могил от зверей и злых духов (Токарев, 1964, с. 170). Идентичность погребальных обрядов земледельцев и скотоводов, прежде всего, связана с тем, что покойному придавалась поза, в которой он находился до появления на белый свет. В такой же позе он должен был, перейти в новый (загробный) мир.

В работах ряда исследователей мы встречаемся с высказываниями о том, что скорченность погребенному придавалось в результате связывания трупа (Мандельштам, 1968, с. 110) или она же объяснялась тем, что таким образом воспроизводилась естественная поза спящего человека (Бабаев, 1988, с. 10-84; 1989, с. 15).

Что касается вопроса о единичных и парных захоронениях, то эти факты неоднократно анализировались в научной литературе, и на наш взгляд, разработанные многими специалистами концепции вполне отвечают реальным фактам (Артамонов, 1934; Окладников, 1950, с. 377-384; Скорин, 1962, с. 89-1220). Парное захоронение исследователи интерпретируют как укрепление семьи, связанной жизнью (Алекшин, 1977, с.16-20; Итина, 1977, с. 217; Мандельштам, 1968, с. 121; Массон, 1976б, с. 150). Обряд парного погребения мужчин и женщин в какой-то степени ясен, но неясным остается факт захоронения матери с ребенком. Факты такого захоронения считаются исследователями свидетельством, «родства по материнской линии и матриархата, или переходного этапа от материнской к патрилинейной, системе родства» (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 49). Эти версии встречаются в трудах Итиной (1954; 1951, 1977), Киселева (1951), Сольникова (1957), Окладникова (1955), Грязнова (1957), Мандельштама (1967), Пьянковой (1989).

В системе погребального обряда исключительно важное значение имеет и тип коллективного (3-х и более погребенных) захоронения. В Дашти Козыньском комплексе мы имеем два подобных случая. В первом (погр. 12) обнаружено 3 скелета, во втором (погр. 25)-2. Первое погребение было использовано дважды. Здесь сначала были захоронены два покойника, возможно, муж и жена. Позже, здесь был захоронен еще один покойник, из-за плохой сохранности костей половое отношение определить невозможно. Третий скелет, судя по положению (на левом боку), принадлежит женщине. Схожее захоронение было встречено в энеолитическом некрополе Саразма, где отношения погребенных друг к другу были выявлены, однако такой полной ясности не имеем и сейчас. Поэтому можем, в виде рабочей гипотезы, предложить, что в Дашти Козыньском обществе существовал обычай двоеженства. Это подтверждается лишь при случае возрастных соответствий и наличии мужчин в этой группе. В этом случае погребена семейная пара, а позже с мужем была захоронена и вторая супруга, или верная ему слуга. Аналогии последнего мы имеем в погребении 5 поселения Саразм (Исаков, 1994, с. 91). Видимо, такой же обычай существовал и среди населения погребенных в могильнике Тигровая балка (Пьянкова, 1989, с. 110).

Причину появления коллективного погребения из 7-ми скелетов мы указывали выше. Интерес представляет количественное расхождение усопших: 4 мужчины, 3 женщины. Здесь традиция семейности нарушена. Т.К. Ходжаев и Т.М. Потемкина предполагают, что в этом случае гибель усопших – результат эпидемии. Тем не менее, нам кажется, немаловажное значение имеет погребение 25-1, которое было устроено несколько позже в этой же коллективной могиле, причем под каменной кладкой. Мы предполагаем, что погребенные в погребение 25, возможно, находились в супружеском отношении с каким-то мужчиной, умершем в результате эпидемии и захороненных вместе с другими парами. Его пара, которого миновала эпидемия, была захоронена вместе с другими парами в коллективной могиле чуть позже.

Обязательным элементом погребального обряда для Дашти Козынцев является обряд разжигания костра, сопровождающегося засыпкой охры. Как правило, костры разжигались до погребения, внутри могильной ямы, но чаще всего в стороне от ямы. Большинство костров разжигалось не на уровне скелета, а на 10 см выше и более от усопшего. На наш взгляд, этот обряд был связан с очищением тела и могильной ямы от нечистот и злого духа, при этом охра являлась символом кровавого жертвоприношения. Эти племена не отошли от кремации трупов, что характерно для раннеземледельческих племен. Хотя у ранних земледельцев обряд кремации также не столь распространен, но факты этого явления, хотя и редко, встречаются в Геоксюре и Джаркутане (Сарианиди, 1962, с.49; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 49).

Для полноты характеристики погребального обряда исследуемого могильника определенное значение приобретают ямы 4 и 5, которые мы считаем кенотафами. Обе эти ямы, в отличие от других ям – кострищ, более обширны, по глубине же они находятся на одном уровне с могильными ямами – 200-202 см. На дне их найдены следы интенсивного разжигания костров с отдельными каменными скоплениями. Наличие крупинки и комочков охры говорит о том, что возжигание костров здесь ничем не отличается от возжигания костров в могильных ямах. Эти факты убеждают нас в том, что процессы возжигания огня на дне больших ям, возможно, были связаны с памятью об умерших по неизвестной причине вдали от общества, на охоте или в каком-либо другом случае. Однако, даштиказинцы не хоронили ни какие-либо предметы ни животных вместо человеческих костяков, как это наблюдается в поселениях Сапалитепе (Аскарлов, Абдуллаев 1977, с. 141), Дашлы-1 и 3 (Сарианиди, 1977, с. 55) и в могильнике Джаркутан (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 49).

Уровень развития общества всегда определяются по характеру предметов материальной культуры, а личный статус погребенных в обществе характеризуется по сопровождающим его предметам. В этом аспекте погребения Дашти Козы разделены нами на три группы: на без инвентарные – бедные (погр. 4, 10, 11, 12, 18, 20, 26), с одним сосудом и небольшим количеством вещей – средние (погр. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 19, 21, 22, 23, 24) и на богатые

погребения (погр. 3, 15, 25-1). Непонятным является отсутствие каких-либо предметов в 4-х погребениях (погр. 13, 16, 17, 25). Тот факт, что малолетние дети в возрасте 3-4 года хоронились без инвентаря (погр. 16, 13) понятен, ибо они еще были не производителями и не имели собственных вещей. С чем же связано отсутствие предметов в погребение 16, где захоронены женщина с ребенком, пока неизвестно.

В этом отношении загадочно и погребение 25, где лежат скелеты 7-ми взрослых мужчин и женщин. Является ли причиной их смерти упомянутая выше гипотеза Т.К. Ходжаевой и Т.М. Потемкиной об эпидемии, вследствие которой они были лишены общепринятых погребальных обрядов? Мы предполагаем, что погребенные были людьми из другого общества, попавшими в плен и наказанными позже даштиказинцами. При такой интерпретации богатое погребение (погр. 25-1) к коллективному погребению не имеет никакого отношения.

Что касается других погребений, то они по сопровождающим им предметами выглядят не одинаково. В этих погребениях (погр. 4, 10, 12, 18, 20, 22, 24) было встречено только по одному сосуду. Они не соответствуют количеству 11 погребений. В 12 погребениях (погр. 1, 2, 5, 9, 14, 19, 21, 26) кроме сосудов, имелись украшения из бронзы и из пасты, что встречается весьма редко. Лишь 3 погребения мы можем выделить как богатые (погр. 3, 15, 21-1). На долю этих трех погребений фактически приходится 50% украшений из бронзы. Здесь обнаружены две уникальные золотые серьги с распуском. Кроме того, из 26 браслетов 14 были найдены в двух погребениях этой группы (погр. 3, 15). Они распределяются следующим образом: на руках захороненного из погребения 3 было 8 браслетов, а в погребении 15 – 6 браслетов. То же касается и зеркал с петельками. Из 4-х зеркал 3 были найдены в этих погребениях (погр. 3-1, 25, 2).

По труположению погребенных можно разделить на четыре категории: 1) зависимые, бесправные, насильно угнанные из других общин (погр. 16, 17, 25); 2) бедные, малосостоятельные, без личного хозяйства (погр. 4, 10, 12, 18, 19, 20, 22, 24); 3) средне состоятельные, с личным хозяйством (погр. 1-2, 5-10, 14, 19, 21, 26) и 4) богатые, с высоким общественным положением (погр. 3, 15, 25-1).

Некоторые вопросы социального положения были разработаны А.А. Аскаровым относительно Сапаллитепе, могилы с малочисленными глиняными сосудами, (принадлежат рядовым членам общины или чужеродным, не занимающим особого общественного положения» (Аскаров, 1977, с. 136).

Таким образом, в заключение отметим, что даштиказинское общество находилось в стадии социального разделения, характерного для всех общин поры поздней бронзы Средней Азии и сопредельных регионов.

3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ И АБСОЛЮТНЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ КОЗЫ

Археологический комплекс могильника Дашти Козы, как новое открытие скотоводческой культуры в горном районе Зарафшанской долины заслуживает особого внимания. Хотя мы не располагаем большим количеством разнотипных находок, но имеющийся археологический комплекс все же даёт возможность в полной мере достоверно интерпретировать отдельные моменты культуры верховья Зарафшана в эпоху поздней бронзы.

Классификация вещественных находок указывает на то, что в ту пору даштиказинское общество занималось скотоводческо-земледельческим хозяйством, производством керамики. Большое количество бронзовых изделий является бесспорным свидетельством развития металлообрабатывающего производства. Версии о земледельческом хозяйстве даштиказинцев основываются всего на нескольких зернотерках и терочниках, которые, однако, могли использоваться и для дробления руды и охры.

Таким образом, археологический комплекс исследуемого могильника является великолепным образцом культуры степной бронзы, без каких-либо инокультурных включений. Комплекс состоит из двух категорий: керамики и металлических украшений.

Керамика. В 27 погребениях было найдено 27 сосудов, из которых 15 оказались целыми. По ним мы охарактеризуем формы и типы орнаментов керамики скотоводческой культуры поздней бронзы верховья Зарафшана. Как этого и следовало ожидать, вся керамика сероглиняная, с примесью песка и известняка. Неровный обжиг поверхности свидетельствует о том, что процесс обжига происходил в открытой печи, не обеспечивающей равномерности тепла. На поверхности ряда из них прослеживаются следы грубой обмазки серо-песчаного цвета с последующим лощением поверхности сосудов. Плоское, тяжелое, толстое дно по отношению к стенкам сосуда является общим принципом формы сосудов. Единообразие наблюдается и в типах венчиков. Все венчики воронкообразно раскрыты, а края отогнуты в стороны. Из-за излома фрагментарности трех сосудов мы не знаем формы их венчиков. Другая характерная черта прослеживается в устройстве горловины сосудов. Горлышко при переходе от плечика к венчику изгибается внутрь и тем самым в районе изгиба образуется плавный желобок, отделяющий корпус сосуда от венчика. Ярко выраженный изгиб замечается в горловинах в 13 сосудах. Однако при всем единообразии по форме они имеют низкие, а сосуды 5, 6, 9-15 вытянутые, высокие горловины. В этой группе керамики выделяется единственный сосуд, горловина которого значительно выше и украшена желобками. В комплексе имеется один сосуд, у которого

относительно прямой венчик с едва заметными отогнутыми наружу краями. По назначению все представленные сосуды являются кухонными горшками.

Таким образом, несмотря на отличие в указанных деталях, керамика Дашти Козы представлена лишь двумя формами: первая – это банкообразные сосуды со слегка раздутыми туловищами, вторая – горшки с сильно раздутыми туловами. Нам кажется, что это деление не особенно существенно. Что касается типологии орнамента, то здесь мы имеем возможность четко разделить их на четыре типа (рис. 48). Во всех орнаментах присутствует треугольник, но различного исполнения, расположенный на поверхности сосуда. Как видим, и здесь наблюдается принцип однообразия, тем не менее, учитывая наличие некоторых мотивов и их исполнения, рассмотрим их типологию.

I тип. Треугольники в виде зигзага, состоящие из ломаных линий, прорисованные тупым инструментом и расположенные горизонтально на плечиках сосуда. В свою очередь эти треугольники отличаются друг от друга по форме, если три из них широкоугольные, приблизительно $70-75^{\circ}$, то последний имеет заостренную вершину в $10-15^{\circ}$. В первом случае насечки проведены с наклоном по одной верхней стороне треугольника, на втором сосуде такими же односторонними насечками заполнены внутренние секции треугольников. При этом линии насечек отходят от горизонтального желобка, расположенного треугольником. Третий вариант этого типа состоит из трех рядов треугольников, входящие один за другой. Как верхние так и нижние линии треугольников ломаные и соединены друг с другом. В последнем варианте зубцы треугольника заполнены также односторонними насечками. Дополнительно к ним под треугольником, горизонтально расположены U-образные линии.

Из этих типов орнаментов один имеет себе аналогию среди орнаментов керамики селения Маханкуль (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI, 1) и близкой по территории керамики Кайрак-Кума (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 107: 1). Конечно, хотелось бы видеть параллели двух первых орнаментов керамики Дашти Козы с орнаментами стоянки Гуджайли, но фрагментарность последних не дает к этому оснований (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. XXXVI: 7).

II тип. Этот тип орнамента встречается на одном сосуде. Орнамент представляет собой трехступенчатый треугольник, состоящий из цепочек углублений, расположенных друг к другу. Исследователи первобытной культуры низовья Зарафшана и Кайрак-Кума в бассейне реки Сырдарьи считают, что такие орнаменты оттискивались гребенчатыми (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 198) и мелко и редкочаеистыми штампами (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 219). Нам кажется, что эти точечные углубления были нанесены от руки, так как они весьма не однотипны. Это

прежде всего, прослеживается в форме треугольников и в интервалах между ямочками. Исследователь памятников тазабагыбской культуры М.А. Итина отмечает, что с появлением новых типов кокчинской керамики гребенчатый штамп почти исчезает (Итина, 1959, с. 49).

III тип. Этот орнамент состоит из разнообразных треугольников, нанесенных гребенчатым штампом на шейке, плечикам и верхней части тулова сосуда. Этот же орнамент на сосуде с четырьмя отверстиями расположен под венчиком, шейкой и плечиками. Прослеживается и различие штампов. Из всех орнаментов узоры этого типа находят больше всего аналогий. Они встречаются среди керамики навеса Ак-Танги (Литвинский, Ранов, 1961, рис. 8: 1), на стоянке Кантарь (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1963, табл. XXXVI: 13) и даже среди керамики погребения андроновской культуры Верхней Оби (Грязнов, 1956, рис. 3: 2).

IV тип. Фактически этот тип является неизменным вариантом орнамента III типа. Но он отличается от него тем, что зигзаги или остроконечные треугольники по всему тулову и венчику сосуда расположены парами на расстоянии друг от друга. Кроме того, этот орнамент не находит аналога среди орнаментов керамики памятников степной бронзы среднеазиатского региона. Отличается и техника нанесения орнамента – линии разделены насечками. Нам кажется, что это длинные, к тому же и неровные линии треугольников, наносились гребенчатым штампом, путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампа найден С.С. Черниковым (Черников, 1962, рис. 12: 1а, б, в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен и техника нанесения орнамента – линии разделены насечками. Нам кажется, что эти длинные, к тому же и неровные линии треугольников, наносились гребенчатым штампом, путем прикладывания его на одну линию несколько раз. Тип такого штампа найден С.С. Черниковым (Черников, 1962, рис. 12. 1а, б, в).

Орнамент двух фрагментов полностью не восстановлен. Сохранившиеся мотивы указывают на то, что эти орнаменты входят в круг узоров IV.

Орнаментированными выглядят еще два сосуда. В отличие от традиционных узоров, они украшены желобками, разнящимися по ширине и глубине. Желобки первого сосуда несколькими рядами перехватывают вытянутую горловину сосуда. На втором сосуде относительно широкие и глубокие желобки, также несколькими горизонтальными рядами расположены на плечиках и под венчиком сосуда, которые считаются уникальными.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что они могли появиться у скотоводов Дашти Козы под влиянием керамики земледельческих культур. У скотоводов Кайрак-Кума и низовья Зарафшана они практически не встречаются. Таким образом, подводя итоги интерпретации керамики могильника Дашти Козы отметим, что эта керамика, несомненно, представляет среднеазиатский тип керамики андроновской культуры.

Форма сосудов с орнаментом и без орнамента находит себе широкие аналоги среди керамики памятников позднеалакульского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана и Южного Зауралья, аналогичные формы керамики и типы орнаментов можно встретить и в зоне обитания Средней Азии. (Итина, 1961, рис. 4: 6; 10, 6). Керамика Дашти Козы находит себе аналогии среди керамики кайракумской культуры (Литвинский, Окладников, Ранов) и в могильнике Муминабад (Аскаров, 1969, рис. 2: 1).

Предметы украшения. Эта категория находок по количеству немного превосходит керамику. Коротко охарактеризуем их разновидность. Прежде чем охарактеризовать предметы украшения, напомним, что ни в одном из 15 погребений, где были найдены бронзовые и пастовые предметы, не найдено орудий труда и быта. Все находки, кроме керамики, являются предметами украшения (рис. 49). Этот случай выделяет исследование могильника, как локальный вариант культуры. В этой связи возникает вопрос: в чем причина полного отсутствия орудий и предметов быта в погребениях? Возможно, отсутствие производительных и бытовых предметов связано с отсутствием ремесленного производства и существованием дефицита на эти товары. Однако это версия не имеет веского основания. Поэтому конкретные выводы можно будет сделать только по результатам раскопок поселения жителей этого могильника, а его мы еще не обнаружили.

Сейчас мы имеем значительное количество украшений 13 разновидностей. По материалам они делятся на бронзовые, пастовые и золотые; украшения из бронзы встречаются средние и крупные; бусы, бисер, кольца и серьги с раструбом, височные серьги, браслеты и зеркала, гривны.

Пастовые бусы представлены четырьмя типами: дисковидные трубочки с валиками и бисер. Золотые украшения представлены серьгами с раструбом.

Украшения из бронзы. Бисер. Этот тип находок самый распространенный и многочисленный. В 10 погребениях (погр. 1-3, 5-3, 15, 21-1, 25) найдено более 1000 экз. бисера, представленного пятью видами. Наиболее распространенными являются бусины шаровидной и ребристой формы. Наибольшее количество бисера было найдено в погребениях 3 (220 штук), 5 (140) 6, 7, 8, (71, 71 и 31), 15 (209), 250-1 (300) и 26 (26). В основном эти бусины найдены в области шеи, под лопатками и грудной клеткой, а в некоторых случаях в районе берцовых костей. По месту их нахождения можно предположить, что ими были украшены волосы, головной убор, часть одежды и обувь. Это свидетельствует о том, что усопших хоронили в одежде.

Крупные бусы. Они встречены в 12 погребениях (погр. 1-9, 15, 21, 25-1), но в количественном отношении они уступают бисеру. Тем не менее, мы располагаем 285 бусинами этого типа. Основное количество этих бус было найдено в погребениях 2 (33 штуки), 3 (49), 7 (23), 9 (21) и 15 (46). Судя по тому, что подавляющее их большинство лежало в районе берцовых костей

усопших, где также был обнаружен телен от следов кожи, то по всей видимости эти крупные бусы являлись застежками обуви. В погребении эти бусы в виде колец окружают берцовые кости скелета, ближе к ступням. Это указывает на то, что в ряде случаев ими расшивали шаровары.

Бисер и крупные бусы встречаются в памятниках андроновской культуры Зарафшанской долины Гуджайли, (Гулямов, Исламов, Аскарлов. 1966, табл. XIII: 2, 7), Муминабад (Аскарлов, 1969. рис. 2: 11 и 12), в бассейне Сырдарьи, пос. Ходжа-Ягона и пос. 12, 16, 54 в Кайрак-Кумах (Литвинский, Окладников, Ранов, 1982. с. 224, табл. IX). аналогичный интерес представляют бусы из Ваудильского могильника. Они изготовлены из толстой проволоки треугольного сечения. В результате чего по центру с наружной стороны образовалось перехватывающее бусину ребро (Гамбург, Горбунов, 1956, с. 90, рис. 40: 1). Этот тип бисерин мы квалифицируем как чечевидный. Некоторые виды среднеазиатских бус имеют аналогию с бронзовыми бусинами из могильника Балкыдык I, в районе Тальды-Нури Карагандийской области (Шаргулен, Акишев, Кадрбаев, Оразбаев, 1966, табл. I). Но ни в одном из вышеуказанных памятников ни бисер, ни крупные бусы не были найдены в столь большом количестве в разнообразии.

Кольцо. К настоящему моменту мы нашли 10 отличающихся по форме колец. Они происходят из погребений 3, 6, 8 по одной штуке, из погребений 21, 25-1 по две штуки, из погребения 9-3 штуки. Среди Кайрак-Кумского комплекса одно бронзовое кольцо было найдено в могильнике Ходжи-Ягона (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55, 1, с. 227). Кольцо из Ваудильского могильника имеет несомкнутые заостренные концы (Гамбург, Горбунова, 1956, с. 90. рис. 49: 2).

Серьги с раструбом. В 5 погребениях Дашти Козы было найдено 6 серег. В погребении 3 (в могиле богатой женщины) было обнаружено 2 серьги, представляющие одну пару, изготовленные из тонкого пластичного листа золота. Они довольно крупного размера, с так называемым замочком. Тонкие проволочные концы крючкообразные, они вставлялись, в отверстия, расположенные в углу спиралевидного конуса. По определению Н.А. Аванесовой, золотые серьги из могильника Дашты-Казы с петлевидной дужкой относятся к типу А 2 (Аванесова. 1991, с. 52). Аналогичные серьги встречаются на Теш-Тюбе II, Тош-Башот (Кожемяко, 1960, с. 89, р. 9-2), Тегермансай (Абетеков, 1963, с. 94, р. 36-1), Дахана (Литвинский и др., 1962, с. 162), в Муминабаде (Лев Д.Н., 1966, с. 103, р. 38), Тандыр-йуле (Виноградова, Пьянкова, 1978, с. 554-556; Пьянкова, 1981, вып. 4, с. 33-34), Кокче 3 (Итина, 1961, МХЭ, вып. 5, с. 78, рис. 25, с. 87, рис. 28).

Остальные 4 экземпляра серег бронзовые. В большинстве случаев они встречались в сильно поврежденном или поломанном виде. Сохранившиеся серьги с раструбом относятся по классификации Н.А. Аванесовой к типу А1.

Они имеют дисковидные спирали в конце, без замка (Аванесова, 1991, с. 51). Любопытен тот факт, что эти два типа серег из памятников Среднеазиатского междуречья встречаются только в могильниках Муминабада (Аскаров, 1979, рис. 2) и в Дашти Козы. Отсутствие их в других памятниках низовья Зарафшана и бассейна Сырдарьи, жителей которых мы считаем соплеменниками даштиказынцев, требует глубокого научного анализа.

Височные серьги. Их всего 3 экземпляра. Найдены в двух погребениях: в 3 погребении – 2, в погребении 15 – 1. В отличие от серег с раструбом, эти бронзовые простые. Найдено 3 типа. Первый – кольцообразный, с раздавленным кольцом и закрученным в полтора оборота. Они были изготовлены из тонкой плоской и треугольной в сечении полоски бронзы. Отметим, что плохая сохранность и хрупкость изделий затрудняет точное их определение. Височные серьги по форме близки к серьгам типа В2 восмеркообразных подвесок андроновской формы (Аванесова, 1991). Аналогичный вариант характерен для скотоводческих памятников Зарафшанской долины, Гуджайли (Гулямов и др., 1966, с. 187-208, р. 47-2), Кызыл-Кыра (Аскаров, 1962, р. 2, 4), Сиабского погребения (Аванесова, 1982, р. 47-1).

Вторая височная серьга по форме крючкообразная и относится к уникальному типу находок из этой категории.

Восмеркообразные височные серьги были найдены в могильниках Гардуш (Кузьмина, 1966, табл. XV: 13-15), Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл. XV, 17-20), Кызыл-Кыр (Гулямов, 1966, Аскаров, 1962), что говорит об их распространенности в Средней Азии – от низовья Арала до Зарафшанской долины.

Зеркала найдены в 4 экз., в погребениях 3, 8, 25-1. В последнем погребении при одном погребенном оказалось 2 зеркала. Диаметр от 4 до 5 см. представляют собой диск с ровными и слегка выпуклыми плоскостями и петелькой на обратной стороне.

Два зеркала круглой формы, по размеру больше даштиказинских (8 см), были найдены в могильнике Заманбаба (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 159). Кроме размера, последние отличаются от наших и отсутствием петель. Даштиказинские зеркала имеют прямую аналогию с зеркалом Муминабадского могильника (Аскаров, 1969, рис. 2: 7).

Малочисленность в Среднеазиатском регионе, их разнообразие и многочисленность в Западной Сибири памятников андроновской эпохи (Косарев, 1987, рис. 107: 7, 6, 15, 17) указывает на исходный пласт этой категории находок.

Браслеты. Найдено 26 экз., которые можно разделить на три типа.

I тип. Широкие браслеты с заходящим кольцами и ребром по середине а также треугольного сечения (22 экз.). Эти браслеты найдены в погребениях I (3 экз), 3 (8), 5 (4), 8 (1), 15 (6). Количественное соотношение указывает на их традиционность в погребениях Муминабада (Аскаров, 1969, рис. 2: 11-12). Браслеты схожие с нашими, были найдены и в других памятниках реги-

она, больше всего в могильнике Кокча 3 (Кузьмина, 1966, табл. XVI, 31, 41-44, 46, 49-52, 54-56). Но на кокчинских браслетах отсутствуют наружные ребра.

За пределами Среднеазиатского региона этот тип браслета встречался в памятниках Борисоглебское 2, поздняя культура лесной полосы Западной Сибири (Бедер, Попова, 1987, с. 134, рис. 66: 11-12). Первый тип браслета Дашти Козы классифицируется как тип АЗ по Н.А. Аванесовой. Они появились в алакульское время и до эпохи поздней бронзы (Аванесова, 1979, с. 18).

II тип. Широкие браслеты с ребром наружу и желобком изнутри, несомкнутыми концами 3 экз. были найдены в погребениях 19 (1) и 21 (2 штуки). Такие же браслеты найдены на могильнике Ходжа-Ягона Кайрак-Кумской культуры (92 экз.). (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, табл. 55: 6. 6). Отсутствие этого типа в классификации Н.А. Аванесовой, которая была составлена по 21 экз. браслетов свидетельствуют о редкости этого типа. Браслеты второго типа Н.О. Бадер и Т.П. Попова характеризуют так типично поздняяковские (Бадер, Попова, 1967, с. 134).

III тип. Круглый в сечении браслет из бронзовой проволоки, толщиной в 3-4 мм, с несомкнутыми концами. Он был обнаружен в поломанном виде, и поэтому судить о его окончательной форме трудно. Тем не менее, этот браслет находит некоторые аналогии среди браслетов земледельческой культуры Южного Туркменистана, Карадепе, Ашхабада, Учиндепе (Кузьмина, 1966, табл. XIV: 61, 63, 66, 69) Этот тип браслетов в виду его редкости пока не квалифицирован.

Гривна в единственном экземпляре найдена в богатом погребении 15. Это уникальное украшение находит аналогии среди находок степной культуры среднеазиатского региона. Она изготовлена литым способом. Несомкнутые закругленные концы имеют сквозные отверстия. Наличие гривны говорит об особом социальном статусе погребенного.

Украшения из пасты малочисленны, встречены только в пяти погребениях (2, 15, 19, 24, 25-1). Они 5 форм: 1) бисерины округлой формы, размером не больше чечевицы, в количестве 50 штук были найдены в погребении 2; 2) трубчатые бусы с валиком, 13 таких бус с тремя и четырьмя валиками были найдены в погребениях 2 (95 шт.), 19 (2), 24 (4), 25-1 (2); 3) таблетковидные бусины со сквозным отверстием по центру и по плоскости диска встречены лишь в двух погребениях. В погребении 2 их было 3, в погребении 24-2 штуки. 4) квадратная трехрядная бусина с тремя отверстиями по каждому ряду. Эта бусина в единственном экземпляре была найдена в могильнике в погребении 15; 5) две квадратные подвески, украшавшие волосы. Они сделаны из массы белого цвета со сквозным отверстием. Эти украшения встречены только в одном погребении (погр. 24).

Представленные украшения из пасты, из-за отсутствия прямых аналогий, относятся к категории уникальных находок в Среднеазиатском регионе.

Правда, из этих украшений лишь таблетковидные бусы встречались в могильнике поселения Заманбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, табл. VIII, 5, XX, 11). По утверждению специалистов, дисковидные цилиндрические бусы изготовлялись только из каолина или искусственные бусы не имеют спиралевидных кружочков, как бусы из Дашти Козы. Нам кажется, эти бусы изготовлены из тонкой костяной пластинки.

Анализируя археологический комплекс могильника по погребальным, обрядам, керамике, предметам украшения, мы получили необходимые факты, дающие основание для датировки памятника. Близость, а в некоторых случаях однотипность форм керамики, и предметов украшения в целом, их орнаменты, сходные с орнаментами исследованных памятников скотоводческой культуры Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак-Танга, Кайрак-Кум указывают на то, что археологический комплекс могильника Дашти Козы находит прямые аналогии с археологическими комплексами памятников скотоводческой культуры южных областей Средней Азии (Муминабад, Гуджайли, Ак-Танга, Кайрак-Кум), низовья Арала (Кокча 3) и даже степей Казахстана. Все памятники упомянутых регионов исследованы полностью во всех аспектах. По археологическим фактам установлены их хронология и происхождение. Исследователи этих памятников Б.А. Литвинский, В.А. Ранов, Д.Н. Лев, Я.Г. Гулямов, А.А. Аскарлов, У.И. Исламов, С.П. Толстов, М.А. Итина датировали их в пределах II тыс. до н.э. Этот период мы разделяем на три этапа: ранний, средний и поздний. Некоторые исследователи выделяют здесь два этапа. Так, памятники скотоводов С.П. Толстов и М.А. Итина относят соответственно к андроновскому или тазабагьябскому периоду культуры, что вполне соответствует трем указанным нами периодам. По характеристике исследователей Приаралья, формирование тазабагьябской культуры происходило в середине II тыс. до н.э. (второй период), продвижение носителей этой культуры в культуры южных районов Средней Азии началось во второй половине II тыс. до н.э.

Исследователи Кайрак-Кума и грота Ак-Танга Б.А. Литвинский и В.А. Ранов датируют эти памятники серединой II - началом I тыс. до н.э. (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 282), что соответствует тазабагьябскому периоду.

Исходя из вышеперечисленных аналогий по погребальным обрядам, керамике, предметам украшения, мы относим могильник Дашти Козы к кругу памятников степной бронзы и датируем его периодом позднего этапа XIV- XII до н.э. (Исаков, Потемкина, 1988, с. 514, 1989, с. 164).

4. ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ УКЛАД И КУЛЬТОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Археологический комплекс могильника Дашти Козы является определяющим фактором степени развития хозяйства, общественного уклада и культовых воззрений людей, населяющих эту территорию. Однако, отсутствие поселения на этом памятнике затрудняет исследование вышеуказанных аспектов.

Поиски поселения в годы исследований могильника (1983-1991 гг.) были безрезультатными. Если оно было расположено как у скотоводов – степняков низовья Зарафшана (Гуджайли, Мозандарьи, Малый и Большой Тузкан) поблизости рек, озер, то даштиказинцы могли поселиться на правом берегу р. Зарафшан, на равнинной части массива Дашти Козы. В свою очередь, эта равнина тысячелетиями представляет собой посевные поля обитателей этой местности. Здесь использовалась современная землеройная техника, бугры и холмики были сnivelированы, в течение последних 50 лет. Здесь сеяли зерно, выращивали другие культуры. Поэтому о наличии поселения на берегу Зарафшана говорить не приходится. Вместе с тем отметим, что по рассказам местных жителей, на высоте более 300 м от могильника, на одной из террас Туркистанского хребта, находится около 3 га площади со следами каких-то застроек. К сожалению, они пока нами не исследованы.

Таким образом, для определения хозяйственной и производственной культуры людей, здесь обитавших, мы располагаем довольно незначительными фактами.

Тем не менее, анализируя вопросы хозяйственной деятельности скотоводов низовья Зарафшана эпохи поздней бронзы мы видим, что здесь существовало полукочевое яйлачное хозяйство, по утверждению исследователей, пришедшие на смену «пастушескому» (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966, с. 228).

В Кайрак-Кумских памятниках явно определяется многоотраслевое направление. Племена занимались скотоводством, земледелием, металлургией. Из существующих промыслов исследователи отмечают наличие прядения и ткачества (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 262-276). Кроме этого, в Кайрак-Куме высокого уровня достигли обработка камней и металлургия, о чем свидетельствуют находки каменных форм и предметов украшения.

Однако по количеству бронзовых украшений кайракумцы явно отстают от племен верховья Зарафшана. Правда, в могильнике Дашти Козы не найдено ни одного предмета труда и оружия, которые могли бы охарактеризовать производственный аспект исследуемых племен. В нашем распоряжении имеются керамика и предметы украшения. Последние по количеству, разнообразию и даже по качеству превосходят аналогичные находки, сделанные в Кайрак-Кумах и на памятниках низовья Зарафшана.

Наряду с ними следует отметить также две случайные находки в верховье Зарафшана. Первая находка это бронзовый сосуд с тремя ножками, вытянутым длинным носиком и петлевидной ручкой. Этот сосуд был найден в кишлаке в Айнинском районе в 1966 г. (рис. 50). Он был исследован В.Г. Лукониным и датирован IX в. до н.э. (Луконин, 1977, с. 40). Вторая находка – это кельт. Он был найден в кишлаке Бедак, в 15 км к юго-востоку от городища Древнего Пенджикента (рис. 51). Кельт втульчатый, прямоугольной формы, с двумя петлевидными ушками для крепления и острым тешеобразным лезвием. Длина кельта 9 см. Среди найденных на территории Средней Азии кельтов – аналогичных нет. Лишь один из двух кельтов, найденных в Ташкентском оазисе, по предположению Е.Е. Кузьминой, имеет некоторое сходство с нашим (Кузьмина, 1966, табл. IV. 10). Таким образом, имеющиеся факты указывают на то, что в основе хозяйства племен верховья Зарафшана лежало айлачное хозяйство. Племена занимались скотоводством, добычей руды и обработкой металла. Наличие золотой серьги свидетельствует о том, что даштиказинцы добывали золото из песчаных карьеров р. Зарафшан.

Эти два вида хозяйственной деятельности вполне могли обеспечить не только потребности верхнезарафшанских общин, но и благодаря им, общины имели средства обмена. Наличие значительного количества бронзовых изделий в погребениях Дашти Козы являются свидетельством того, что племена со скотоводческим укладом не были кочевниками, а вели оседлый образ жизни. Веским основанием для сказанного являются металлические изделия, требующие для своего изготовления сложной организации труда по добыче, транспортировке и обработке металлоносных руд и металла.

О развитии земледелия в хозяйстве даштиказинцев мы имеем минимальные факты. Зернотерки и 3 терочника, встреченные в погребение 12, являются лишь намеком на этот вид хозяйства. В комплексе полностью отсутствуют предметы земледельческой культуры. Поэтому, в настоящий момент, нам остается пока признать, что даштиказинцы занимались скотоводством и металлургией, присущей степной культуре. Говоря об этом, мы сохраняем за собой право корректировки этого заключения, так как мы еще не располагаем данными о поселении, где жили носители этой культуры. Без наличия керамических и металлоплавильных мастерских и состава костей животных, невозможно охарактеризовать производственные моменты исследуемых племен. Поэтому надеемся, что аспекты производства будут уточнены по выявлению поселения. Поскольку неизвестно найдем ли мы поселения даштиказинцев, предварительно, в порядке гипотезы укажем на то, что продукты земледелия они могли получать от своих близких соседей, не выходя за пределы верховья Зарафшана. Поэтому, в экономике скотоводов Дашти Козы обмен и торговля продуктами скотоводства (мясом, шерстью, кожей) и металлическими украшениями, могли играть не последнюю роль.

Общественный уклад и социальный уровень даштиказинцев определяется по фактам погребений. Как известно, в могильнике найдены три богатых погребения (погр. 3, 15, 26-1). В погребении 3, наряду с 7 видами находок, найдена пара золотых серег. В погребении 15 встречены также 7 видов украшений, среди которых единственная в могильнике гривна, а в погребении 25-1 с пятью видами бронзовых украшений найдено 2 зеркала с петельками. Эти и другие многочисленные предметы украшений являются фактами, определяющими общественное положение усопших в богатых погребениях, тогда как во многих других погребениях члены общества были захоронены с одним сосудом или с незначительным количеством вещей.

Относительно процессов социального расслоения общества скотоводов отметим, что в пору эпохи бронзы, когда земледельческая культура находилась на примитивном мотыжном уровне, скотоводство считалось наиболее рентабельным типом хозяйства. По мнению Е.Е. Кузьминой «скотоводство создавало условия для распада первобытно-общественных отношений, развития меновой торговли и привело к накоплению у отдельных семей скота и сокровищ» (Кузьмина, 1966, с. 98).

Анализируя скотоводческие общины эпохи поздней бронзы, по материалам памятников низовья Зарафшана, А.А. Аскарлов заключает, что «они находились в конце переходного этапа от матриархата к патриархату» (Аскарлов, 1962, с. 13). По И.Н. Хлопину этот процесс у племен земледельческой культуры Южного Туркменистана происходил во второй половине II тыс. до н.э. Исследователь отмечает, что «коллективное погребение южной земледельческой зоны Средней Азии надо рассматривать как свидетельство к патриархальным отношениям» (Хлопин, 1984, с. 16).

Представленные характеристики и полученные материалы даштиказинского могильника дают нам основание говорить о том, что в финальном этапе эпохи бронзы общины верховья Зарафшана находились в стадии переходного периода – от матриархата к патриархату. Положение женщин в обществе еще было высоким. О чем свидетельствуют их богатые погребения с огромным количеством инвентаря.

Следующий вопрос – это характер культовых воззрений. В этом плане интерес представляют встреченные фактически во всех погребениях и ритуальных ямах или кенотафах кострища, думается, что костры, как элементы культа огня, выполняли роль очищения тела погибших от злых духов. Поэтому, после совершения погребального процесса, частичной засыпки землей тела усопшего, над ним зажигался костер, который в свою очередь засыпался красной охрой. Причем охра встречалась не только в кострищах, но и на полу могильных ям под погребенными. Это явление скорее всего следует рассматривать как символ кровавого жертвоприношения. Подобное встречается в погребениях и культовых застройках ранних земледельцев.

Традиция возжигания огня в небольших ямах у даштиказинцев имеет аналогию в погребальных сооружениях Восточного Приаралья (Толстой и др. 1963, с. 39-510), (Вишневецкая, Итина, 1971, с. 198), Рапопорт, 1971, с. 54) и в могилах Вахшской культуры в Тигрвой балке (Пьянкова, 1989, с. 119-120) и в раннем Тулхаре (Мандельштам, 1968, с. 125).

Историк Б.Г. Гафуров, изучая идеологию Заратуштры, отметил, что «огонь рассматривается, как выражение или символ божественной справедливости, арты (правды). Культовые храмы огня позже стали одной из основных характерных особенностей зороастризма» (Гафуров, 1972, с. 62).

Более интересным фактом является то, что даштказинцы верили в существование загробной жизни. Погребение в одежде со всеми принадлежащими покойному вещами и даже с трапезой определяли статус усопшего в новом загробном мире.

Большой интерес представляют ориентировки могильных ям и голов погребенных. Как было и отмечено, те и другие в основном имеют северную ориентировку с уклоном на северо-запад или северо-восток. Аналогичные явления были зафиксированы в могильнике Заманбаба, где в обоих секторах могильные ямы ориентированы по линии север-юг, с северо-востока на юго-запад (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с123). Три камеры Джаханинского могильника также имеют северную ориентировку могильных ям и скелетов, что на наш взгляд, является указателем направлений природы предков.

5. ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

Вопросы происхождения и взаимосвязи скотоводческой культуры Средней Азии были разработаны еще в 50-60 годы нашего столетия. Открытие очагов так называемой степной культуры в эти годы в Маргиане, низовьях Зарафшана и в Фергане исследователями этих оазисов было воспринято с большим интересом.

Изучение археологических памятников указанных оазисов показало, что равнинные просторы Средней Азии во II тыс. до н.э. были заселены скотоводческими, пастушескими племенами, прародители которых ранее обитали далеко от Средней Азии в низовьях Урала и в степях Казахстана. Для Средней Азии наиболее близкими регионами культуры степной бронзы были: на северо-западе – Аральское побережье; а на северо-востоке – казахские просторы.

Более ранние этапы культуры степной бронзы были обнаружены в низовьях Зарафшана, на поселении Заманбаба. По утверждению исследователей, «этот регион до сложения заманбабиснской культуры был заселен неолитическими племенами кельтиминарского типа» (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 167). Здесь в 50-е годы XX века были открыты неолитические стоянки, где были обнаружены археологические комплексы кельтиминарской культуры (Исламов, 1963, с. 31). По этим фактам исследователи, касаясь вопроса сложения культуры, сделали вывод, что обитатели являются пришельцами иноплеменной группы древнеземледельческого юга или северной ямнокатакомбной афанасьевской культуры (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 167).

В заключении: характеризуя заманбабинскую культуру, они пишут, что «открыты группы памятников, материалы которых не только указывают на генетическую связь между племенами культур кельтиминарского неолита и заманбабинской бронзы, но и выступают как новый археологический этап в развитии культуры древних племен в степной зоне Средней Азии» (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 167-168).

В плане сложения кельтиминарского типа культуры на территории Средней Азии и в частности, в Зарафшанской долине, определенное значение имеет поселение Саразм и найденная здесь керамика кельтиминарского типа, датированная второй половиной II тыс. до н.э. (Исаков, Лионе, 1988, с. 31). Обнаруженные в третьем горизонте этого поселения остродонный цилиндрический сосуд со штамповидным орнаментом, полусферический котел также с острым дном и фрагмент венчика другого котла имеют прямые аналоги с керамикой из Кават 7 неолитического Кельтиминара (Виноградов, 1968, табл. 72-74, с. 14-141). По этим новым фактам мы можем заключить, что взаимосвязи племен степной бронзы севера с земледельцами южных об-

ластей Средней Азии были установлены до появления заманбабинской культуры. Поэтому уместно признать, что исходным центром исследуемой культуры, несомненно, являются зоны, расположенные на северных широтах Средней Азии. Появление носителей в Зарафшанской долине является результатом культурной и торгово-экономической связи. Это можно видеть на примере формирования позднеэнеолитической культуры Саразма, для которой исходным центром является культура расписной керамики Геокюрского оазиса Южного Туркменистана.

Так что, рассматривая становление культуры Заманбабы, не видим веских обоснований в заключениях исследователей отметивших, что заманбабинцы определенных групп племен степного типа являются потомками местных неолитических племен (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.169).

Начиная со II тыс. до н.э., племена культуры степной бронзы на территории Средней Азии встречаются почти повсеместно. Они полностью занимают степные и части равнинных районов, экологически пригодные для пастушеского скотоводства. В первую очередь к этим районам относятся Маргиана, Ферганская долина. Характерной чертой этих племен был тазабагьябский вариант андроновской культуры, формировавшихся в низовьях ареала.

Как было указано, в середине 50-х годов в пустынях Кайрак-Кума были открыты остатки поселений культуры степной бронзы. Археологический комплекс этих населений и погребений входит в ареал андроновской культуры.

Что касается вопроса происхождения культуры степной бронзы Кайрак-Кума, то исследователь этого памятника Б.А. Литвинский считает, что «наряду с тазабагьябской в Средней Азии существовала другая культура бронзового века» (Литвинский, 1959, с. 196). Он же предлагает назвать ее Кайрак-Кумской. Определяя зону распространения Кайрак-Кумской культуры, исследователи отмечают, что достаточно уверенно можно говорить о наличии, наряду с тазабагьябской (территории Хорезма) и прилегающих районах особой кайраккумской культуры (Ташкентская, Ходженская области и районы Узбекской и Киргизской части Ферганской долины и, возможно, в Южного Таджикистана и Узбекистана) (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 288). Таким образом, по их мнению, «племена кайраккумской культуры занимали всю восточную половину Средней Азии» (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 288).

Вопросы происхождения культуры скотоводов из территории Средней Азии были рассмотрены и В.М. Массоном. В частности, он опровергает мнение Б.А. Литвинского о том, что кайраккумская культура является самостоятельной культурой, формировавшейся на местной неолитической и раннебронзовой основе. В.М. Массон пишет: «Несомненно, что в дальнейшем на территории Средней Азии удастся выделить ряд локальных вариантов культуры степных племен. Сейчас более явно вырисовываются лишь груп-

пы племен, живших в Хорезме, где оставленная ими культура была названа С.П. Толстовым тазабагыбской. Менее ясны конкретные особенности Ферганской группы, и выделение ее в особую кайраккумскую культуру, возможно, является преждевременным» (Массон, 1959, с. 118).

Как бы там ни было, появление в науке могильника Дашти Козы с превосходным металлическим и керамическим археологическим комплексом имеет принципиальное значение для общей характеристики степной культуры юга. Отдельные типы украшений (гривна) не имеют аналогий среди находок памятников Средней Азии.

Не меньшей интерес представляет местность памятника. Это пока на территории Средней Азии единственный памятник скотоводческой культуры, обнаруженный в горных районах. Поэтому применение к даштиказинскому могильнику термина «степная культура» является относительным.

Теперь, в свете открытия ряда памятников в горных и долинных районах Средней Азии, особенно на юге Таджикистана, в Гиссарской долине, в Зар Камаре, Тандыр-юле, Кара-капчаке, в Хатлонской области в Тегузаке (Пьянкова, 1981, с. 89-93), в Кангурт-туте (Виноградова, 1987б, с. 126-137, 1988, с. 513) и в Карим-Берды, мы можем говорить о более широком ареале культуры степной бронзы.

В этом аспекте, считаем необходимым остановиться на вопросах происхождения среднеазиатских вариантов андроновской культуры. Для решения этого немаловажного исторического фактора обратимся к этапам распространения андроновско-тазабагыбской культуры в южные регионы Средней Азии. Наши исследования показали, что процессы формирования скотоводческой культуры на территории Средней Азии делятся на три этапа, первый связан с миграциями неолитических кельтиминарцев в первой половине III тыс. до н.э. При этом хорезмские группы обосновываются в низовьях Зарафшана, а южно-казахстанские – в Кайрак-Куме и прилегающих к нему районах. Видимо, именно этими обстоятельствами объясняется однотипность кайраккумской культуры, объединяющей в себе культуру степной бронзы от Ташкентского оазиса до восточных границ Ферганской долины.

На фоне этих фактов интерес представляет появление на обширной территории Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. тазабагыбского типа культуры степной бронзы. По мнению С.Н. Толстого, носителями этой культуры являются тазабагыбцы Приаралья, проникшие на территорию Средней Азии. Этот процесс он же связывает с первой значительной волной проникновения индоарийских племен в Хорезм с северо-запада в середине II тыс. до н.э. (Толстов, 1957, с. 42).

Ссылаясь на однородность типа андроновской культуры, отмеченную во всех памятниках Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э., Гулямов, Исламов, Аскарлов, пишут, что «перед нами еще один вариант (средне-

азиатский – С.Б.) памятников андроновской культуры» и предлагают называть тазабагьябскими племенами срубной культуры степного Поволжья» (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. с. 219).

Факты дальнейшего развития тазабагьябской культуры на территории Средней Азии неоспоримы, так как это культура в пору поздней бронзы, особенно в XIII-X вв. до н.э., небольшими группами встречалась во всех областях этого региона. Могильники этой культуры были обнаружены преимущественно в пустынях и равнинных оазисах, экологическая среда которых соответствовала пастушескому образцу скотоводства, охоты и рыболовства. Однако, как видно из открытий последних лет, эти племена проникли в глубь горных районов. Некоторые племена этой культуры добрались до верховья Зарафшана и даже до Памира и Бадахшана. Поэтому могильник верховья Зарафшана, ряд погребений Гиссарской, Вахшской долин и высокогорного Памира заставляют нас пересмотреть некоторые выводы касательно распространения культуры степной бронзы в южных областях Средней Азии.

Исходя из вышеуказанного, мы считаем, что все это связано с внутриобщинным расколом, происходившим социально-экономическим расслоением общества. Причиной раскола, видимо, являются демографические и экологические факторы, связанные с увеличением численности людей и скота. Эти факторы вынудили «непримиримые», большесемейные общины отклониться от племен и поселиться на новых местах. Этот факт мы считаем началом третьего этапа миграции скотоводов в горные районы южных областей Средней Азии.

Правда, к каким именно племенам принадлежит даштиказинский могильник, мы сказать затрудняемся. Археологический комплекс могильника Дашти Козы, как было сказано, находит аналогии среди находок тазабагьябской культуры низовья Зарафшана, так и в комплексах Кайрак-Кума и Ак-Танги. Приоритет последних состоит в том, что в Кайрак-Куме металлообрабатывающее производство было поставлено на ремесленную основу, которой не было у племен низовья Зарафшана. Единичные металлические находки из могильника Лавлякана и могильника Гуджайли не дают оснований говорить о наличии здесь высокого уровня развития производства. Поэтому мы считаем, что даштиказинцы являются частью общины, отделившиеся от кайраккумских племен на юг подтверждают находки грота Ак-Танга, расположенного в 50 км к северо-востоку от могильника Дашти Козы.

Считаем необходимым обратиться еще к некоторым фактам. Как было упомянуто, кроме могильника Дашти Козы, в верховьях Зарафшана найдены единичные погребения у селения Чорбог и в окрестностях Пенджикента. Внушительным памятником этого региона является Муминабадский могильник. Исследователи определили археологические находки этих памятников как среднеазиатский вариант андроновской культуры. К упомянутому

следует добавить и находки кельта из кишлака Бедак, расположенного между Пенджикентом и Чорбогом. Находки указывают на то, что верховья Зарафшана в XIII- XI вв. до н.э. были заселены племенами, входящими в круг культуры степной бронзы.

В связи с этим, интерес приобретает следующий вопрос: Каково взаимоотношение племен верховья Зарафшана с племенами более южных областей Средней Азии? Исследователи степной культуры южных областей Таджикистана (Пьянкова, 1974, с. 78; Литвинский, Соловьев, 1970, с. 41-47) отмечают, что скотоводы Южного Таджикистана появились в результате переселения племен из южных областей Узбекистана (Виноградова, 1987, с. 76). Отметим, что если исключить единичные находки (литейная форма в Кангурт-туте, серьги с раструбом из погребения Тандыр-юла, кельт на поселении Карим-Берды и керамика Зар Камара), то эти поселения и могильники можно отнести к земледельческой культуре. В этом плане основанная масса керамики: вазы, чайники, конусовидные сосуды и наряду с ними другие виды материальной культуры больше характерны для земледельческой культуры, нежели для степной. Поэтому обмен культур последней фазы бронзы является неоспоримым фактом, позволяющим говорить о том, что между скотоводами и земледельцами Средней Азии никаких непроходимых стен не существовало.

Таким образом, вопросы о взаимоотношении племен, носителей культуры степной бронзы, между собой, с одной стороны, и земледельцами, с другой, в конце бронзового века (XIV-X вв. до н.э.) имеют принципиальные значения. Эти контакты во многом способствовали дальнейшему развитию общечеловеческой цивилизации при переходе от первобытной к классовой экономической и общественной формации.

ГЛАВА IV

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКотоводческой КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В историческом субстрате племен и народов Центральной Азии взаимодействие земледельческо-скотоводческих культур было и остается одним из спорных вопросов древней истории этого региона. Спорность этого глобального вопроса заключается в том, что носители этих культур, начиная с раннего этапа развития человеческой общины, жили в двух, четко разделенных регионах: земледельцы к югу от Сырдарьи до берегов Индийского океана, а скотоводы – к северу от Сырдарьи до Урала. Последним также принадлежали лесостепные и лесные массивы западно-сибирских просторов.

В процессе формирования двух обособленных культур: земледелия на юге и скотоводства – на севере, которое происходило в эпоху неолита и энеолита, трудно говорить что-либо о существовании культурно-экономической взаимосвязи между ними. По нашему мнению, этим периодам характерны собственные пути развития культур земледельческих и скотоводческих общин.

Как бы там ни было, на последующих этапах истории, как земледельцы, так и скотоводы, в силу развития материальной культуры, прежде всего в связи с увеличением экономических потребностей, начали активно сотрудничать между собой в области культуры и экономики.

Чтобы разобраться в том, что происходило, мы должны определить, какие из этих племенных общин больше были заинтересованы в сближении друг с другом. Земледельцы, начиная с эпохи неолита, довольно хорошо ориентировались в местности и обосновались там, где можно было развивать не только земледельческую культуру, но и домашнее скотоводство, учиться строительному делу, различным ремеслам и даже добыче и обработке металла. В результате, в эпоху энеолита, древнейшие земледельцы Средней Азии в северных предгорьях Копетдага, долины Сумбара, Тенджена, Мургаба, Зарафшана достигли высоких для своего времени вершин цивилизации и имели достаточно развитый производственный экономический потенциал.

Эти факты позволяют говорить о том, что вряд ли земледельцы юга искали каких-либо связей со скотоводами в упомянутом периоде. Правда, археологические комплексы поселений Южного Туркменистана (Намазга, Каратепе, Алтынтепе, Ингинлы, Геоксюр и др.) и единственного пока в Зарафшанской долине поселения Саразм, свидетельствуют о том, что в пору энеолита и ранней бронзы имели культурные связи с древнеземледельче-

скими памятниками Месопотамии, Ирана, Афганистана, Пакистанского Белуджистана, Индии (Массон, 1989, с. 177; Исков, 1991а, табл. XI-XV; Исков, 1991б, с. 31).

Рассмотрим взаимодействие этих общин с другой стороны, а именно со стороны скотоводческих племен. Эти племена также, как и земледельческие, располагались в благоприятных для жизни местностях; на берегу рек, озер, в лесостепных зонах богатыми флорой и фауной. На ранних этапах своего развития (неолит и энеолит) они занимались скотоводством, рыболовством и охотой. В последующем, с ростом населения и соответственно количеством скота перед скотоводами одновременно возникает две проблемы: Первая – экономическая, т.е. обеспечение собственного населения продуктами питания, прежде всего зерновыми. Вторая проблема – постоянное увеличение количество скота у многочисленных племен степняков, вынуждавших их искать новые пастбища, а это означало или захват земель, принадлежащих другим общинам, или поиск земель, еще никем не занятых. Возможно, такие необжитые места имелись в Среднеазиатском Междуречье. Появление в пустынных и полупустынных оазисах Средней Азии скотоводческих племен с различным этнокультурным происхождением составили миграционную основу, но с экспансионистским уклоном. В связи с этим, возникает такой вопрос: можно ли появление скотоводческих племен на просторах Средней Азии на рубеже III-II тыс. до н.э. объяснить тем, что между двумя разнокультурными населенными – земледельцами и скотоводами – возникли равноправные экономические и культурные связи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, представим в хронологическом порядке основные этапы продвижения скотоводов к среднеазиатским просторам.

Археологические исследования памятников Средней Азии говорят о том, что автохтонная культура этого региона в эпоху энеолита и ранней бронзы была земледельческо-скотоводческой и отчасти, в зависимости от географической среды, здесь занимались рыболовством и охотой. Отметим, что племенные общины всегда предпочитают оседлую жизнь, при которой в последствии зародилась и строительная культура. В свою очередь, земледельческо-скотоводческая культура появилась не везде. Древние земледельцы жили в отдельных оазисах. Не исключено, что земледельческие общины жили в дельтах Амударьи и Сырдарьи, в Каракалпакии и Хорезме. Эти факты указывают на то, что огромные пустынные горные и предгорные районы Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы были еще необжитыми. Именно на этих просторах поселились позже скотоводы, с присущей им степной культурой, отличающейся от земледельческой.

Четкое разделение этих двух культур на территории Средней Азии прослеживается до II тыс. до н.э. Однако археологические открытия последних лет говорят о том, что степные племена проникли в земледельческие

районы гораздо раньше – в середине III тыс. до н.э. Отдельные элементы культуры степных племен, в частности, керамика петровского типа с гребенкой были найдены в Саразме в III слое. Характер же взаимоотношений пришельцев и саразмийцев скорее всего был мирным, так как факты, свидетельствующие об обратном, полностью отсутствуют.

Как было указано выше, на поселении Саразм найдено всего 9 фрагментов сосудов, характерных для керамики степной культуры. Что касается бронзовых предметов, то их также немного. Из этих групп находок мы имеем 3 ножа-кинжала. Как видим, набор находок, характерных для степной культуры на поселении Саразма пока не велик. Но эти находки подтверждают факты о том, что население степной культуры впервые дошло до центральных долин Средней Азии, т.е. Зарафшана. Этот аргумент подкрепляет многочисленные и разнообразные находки поселения и могильника Заманбаба, расположенного в пограничной полупустынной и пустынной зонах Средней Азии (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966). Недавно в равнинной части Зарафшанской долины, в 18 км от Самарканда в сторону Саразма, было обнаружено поселение Тугайное, где выявлен новый археологический комплекс двух культур – раннеземледельческой (Саразмийской – С.Б.) и раннеандроновской (Аванесова, 1995, с. 85).

Таким образом, следует констатировать, что проникновение степных племен на территорию Средней Азии, в частности, в Зарафшанскую долину, произошло в начале II тыс. до н.э. и носило мирный характер (первый этап).

На рубеже III-II тыс. до н.э. от просторов низовья Волги до Алтая происходила концентрация степных племен, пришедших с низовьев Урала, из степей и лесостепей Западной Сибири. Жившие в степных просторах Южного Казахстана племена, в частности, скотоводческие племена Приаралья, дельты Акча-дарьи, Хорезма весьма интенсивно ассимилировались с пришельцами, что стало началом взаимопроникновения культур. Носители тазабагыбской культуры были вынуждены покинуть свои обжитые места, прежде всего пастбища. Но до этого в этих областях происходило взаимодействие культурных комплексов, в составе которых были носители срубной, федоровской, алакульской и андроновской культур. Влияние федоровской и андроновской культур в значительной мере прослеживается в Тянь-Шане и юго-восточных просторах Казахстана и Киргизии (Арпа, Исыккуль, Тегермен-сай, Джази-Кечу).

Исследователи Н.Я. Мепперт, В.В. Острощенко и Е. Кузьмина относительно миграции степных культур во второй четверти II тыс. до н.э. отмечали, что она носила корпоративный характер, в результате ассимиляции и интеграции происходило формирование срубной культурной общности (Кузьмина, 1988, с. 26). Аналогичные явления происходили в XVII- XVI вв. до н.э. с носителями андроновского культурного ареала, где в результате

миграции с запада и в результате ассимиляции с автохтонным населением сформировались памятники петровского типа (Кузьмина, 1988, с. 26).

В итоге при слиянии нескольких родственных друг другу культур степных племен (срубной, алакульской, федоровской, петровской) в середине II тыс. до н.э., т.е. в XV- XIII вв. до н.э. на огромных просторах северных окраин Средней Азии сформировалась единая археологическая культура, известная в науке как культура «андроновской общности».

Тем не менее, проблемы андроновской культуры и ее ареалы более полувека (начиная с 1939 г. – С.Б.) являются дискуссионными среди археологов Сибири: Казахстан и Средней Азии. Дискуссия возникает каждый раз с открытием нового археологического памятника культуры «степной бронзы», например, с выявлением стоянок по берегам протоков Акча Даринской дельты (Толстов, 1960), получившие впоследствии название тазабагьябской культуры, (Толстов, 1939, с. 76-78), было отмечено, что «тазабагьябская культура имеет черты сходства с андроновской культурой степей Казахстана, Южной Сибири и с так называемой культурой Нижнего Поволжья» (Толстов, 1962. с. 47). Далее памятники этой культуры были открыты на стоянках Ангка 5 (1953), Кават 3 (1956). Много фактологического материала, полностью характеризующего сущность тазабагьябской культуры, было обнаружено в погребениях могильника Кокча 3, где начиная с 1956 г. по настоящее время, в южных оазисах Среднеазиатского Междуречья были обнаружены памятники, которые характером культуры практически идентичны тазабагьябской культуре. Первыми из них были археологические комплексы Заманбаба (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966) и Кайрак-Кум (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). В связи с открытием последнего Б.А. Литвинский еще раз обратился к анализу характера андроновской культуры и ее отношения с тазабагьябской культурой. Анализируя эти две родственные друг другу культуры, исследователь пишет, что «постепенное накопление материалов все больше подводит к тому, что следует скорее говорить». Исследователь степной культуры Казахстана С.С. Черникова включает памятники степной культуры Средней Азии в «южную группу» андроновской культуры (Черников, 1962, с. III). Следует отметить, что эти споры касались тех материалов, которые были обнаружены в регионах расположенных от Поволжья до Тянь-Шаня (степная зона Казахстана – С.Б.) и северных областей Средней Азии (Хорезм, Кайрак-Кум).

В настоящее время как было отмечено, на территории центральной части (Зарафшанской долины) и в южных областях Средней Азии (Гиссарской, Вахшской, Тулхарской долинах) были обнаружены десятки памятников, в основном могильники. Каждый из них представляет собой богатейший комплекс материальной культуры, иллюстрирующий в большинстве случаев слияние двух культур – земледельческой и степной. В Зарафшан-

ского и раннебронзового века Саразма. Что касается разделения культур на земледельческую и степную, то это на наш взгляд, результат непрерывного и значительного потока скотоводов с обобщенной, с так называемой «степной культурой», в первую очередь в степные просторы Средней Азии, на северные, побережья Сырдарьи (Кайрак-Кумская часть) и низовья Зарафшана (Западнобухарские и Каршинские просторы).

Позже к пришельцам – степнякам присоединились и остальные сородичи по культуре, другие скотоводческие племена. В результате образовалась единая скотоводческая культура «андроновской общности» с локальными особенностями, которые известны под названиями тазабагьябская культура, срубная, афанасьевская, петровская, алакульская, федоровская культуры слияние этих локальных культур происходило в II тыс. до н.э. Поэтому вся обнаруженная керамика степной культуры долин Ферганы и Зарафшана имеет почти одинаковый облик. Различие лишь в количестве находок, отчасти в наборе металлических и бронзовых предметов, что зависело в свою очередь от характера хозяйственной культуры. Так, скотоводы Кайрак-Кумов имели более развитое металлическое производство. Они изготавливали не только украшения, но и орудия труда, как из металла, так и из камней (Литвинский, Окладников, Ранов, 1966). Только украшения (из золота, бронзы, пасты) изготавливали даштиказинцы (Исаков, Потемкина, 1989), муминабадцы (Аскарров). Изделия создателей локальной, почти самостоятельной «тазабагьябской культуры» (поселение Акча-Даринской дельты), по сравнению с вышеупомянутыми памятниками, выглядели беднее, правда, у тазабагьябцев Хорезма было развито производство орнаментированной керамики (Итина, 1961, с. 3-96).

Таким образом, подводя итоги в вопросе о появлении единой культуры степной бронзы, распространенной по всей территории Средней Азии от Ферганы до берегов Окса, отметим следующее:

– Во II тыс. до н.э. довольно большой поток скотоводческих племен – носителей срубно-алакульской культуры из Поволжья и Припамирья, андроновской культуры из Сибири и Казахстана, распространился на огромных просторах от Волги до Тянь-Шаня, по всей вероятности единой культурной общности – культуры степной бронзы, известной в науке как «срубная андроновская культурная общность» (Кузьмина, 1977, с. 73).

По мнению В.А. Алекшина, передвижение пастушеских племен степной бронзы (катакомбы срубники и андроновцы)... в состав земледельческого населения и вызвало трансформацию его культуры (Алекшин, 1977, с. 56). Этот исследователь с складыванием культуры Намазга – IV с катакомбным образом погребения на поселениях Сапали и Сумбар определяет роль пастушеских племен. Возможно, это так и было, и элементы срубно-андроновской культуры иногда встречаются на более южных просторах

Средней Азии, в частности, в Гиссарской, Вахшской, Бешкентской и других областях Бактрии (Шартугай, Дашлы) (Аскаров, 1977, с. 57).

– Что касается центральной части среднеазиатского региона Зарафшанской долины, то после сложения тазабагьябской культуры и территории южного Приаралья в Акча-Даринской долине, значительное количество тазабагьябцев двинулось на юг к низовьям Зарафшана и смешалось с небольшими племенами земледельческих общин заманбабинцев. Тот факт, что на последнем этапе (Саразм IV) мы обнаружили ряд бронзовых и каменных орудий и остродонные котлы в жилых комнатах Саразма, свидетельствуют о том, что в первой четверти II тыс. до н.э. земледельческие и степные племена жили вместе (Тугай, с. 129) одновременно. Если были у них какие-либо общественно-хозяйственные разногласия, нам пока не известно. Что же касается культово-интеллектуальных воззрений, то, возможно, эти разногласия были. Но и здесь у нас отсутствуют достоверные факты. По материалам из погребения Зардча Халифа и по имеющимся находкам из других памятников Средней Азии (Заманбаба, Джаркутан, Сапаллитепе, могильников Бешкентской и Вахшской долин) вполне определенно можно сказать, что в этот период происходило не только сближение двух культур, но и их ассимиляция. Поэтому права Л.Т. Пьянкова, которая характеризует взаимоотношения пришельцев с местными племенами, скорее всего как мирные. Во всяком случае факты, свидетельствующие об обратном отсутствуют (Пьянкова, 1989, с. 137).

В последующем все исследователи археологии Средней Азии и Казахстана, Низовья Арала и Волги писали о том, что массовые миграции степных племен происходили со II тыс. до н.э. в эпоху развитой бронзы. В это время практически был завершен первый этап урбанизации населения земледельческих культур по отдельным долинам и оазисам – Дашлынский, Сурхандаринский, Бешкентский, Вахшский, Геоксюрский, Мургабский, Зарафшанский. Вместе с тем, основная часть пустынных и полупустынных районов с водными (озерами и мелкими реками) и пастбищными ресурсами еще не были обоснованы земледельческим населением. Как свидетельствуют археологические находки, к середине II тыс. до н.э. большинство скотоводов, степняков двинулись на юг – к степям Кайрак-Кума и низовью Зарафшана (Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966; Аскаров, 1962, с. 35 Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). Теперь после того, как были найдены многочисленные погребения и могильники пришельцев – степняков в зоне земледельцев, включая горные районы (Ак-Танга, Дашти Козы, Сурхоб, Джиргатаь, Кум-Сай, Западный Памир) следует вывод, что упомянутые просторы Средней Азии первоначально были зонами концентрации племен скотоводческой культуры.

Любопытен тот факт, что эти пришельцы имели свою локально развитую материально-духовную культуру. Найденные керамические и металли-

ческие изделия, во-первых, по количеству преобладают над ремесленными изделиями земледельцев; во-вторых, по типологии и характеру изготовления эти изделия полностью отличаются от местных. Из близких друг к другу материалов можем отметить каменные орудия – напершия, булавки, зернотерки, терочки, ступки. Что касается украшений (пронизи, браслеты, серьги, зеркала и др.), то технология их изготовления была такой же, как и на родине. В этом аспекте интересен тот факт, что основная масса металлических предметов изготовлена из оловянистой бронзы, тогда как в Саразме, задолго до прихода степняков, хорошо знали мышьяковую бронзу (Исаков, 1991а, с. 132, табл. II).

Проведенный химический анализ 9 видов украшений, (бусы, браслеты, гривна, серьги, пронизи, бляха, зеркала, кольца, бисер, крюк – всего 107 предметов) говорят о том, что они были оловянистыми. Этот факт еще раз подтверждает нашу гипотезу о том, что степные скотоводы и в местах миграции применяли свою технологию по производству бронзы. Что касается самой продукции, то она имеет общие черты с андроновскими срубными предметами.

В целом 80% бронзовых изделий из Зарафшанской долины, произведенных, начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до I тыс. до н.э. были оловянистыми. Они характерны тазабагьябской культуре, исходный пласт которой принадлежит срубно-андроновским племенам Южного Приаралья (Рузанов, 1982, с.17). Сопоставление этих двух фактов свидетельствует о том, что начиная со второй половины II тыс. до н.э., культура степных племен по трем хозяйственным направлениям окончательно вытесняет культуры оседлых земледельцев. Все исследованные памятники Зарафшанской долины практически дали материалы скотоводческой культуры (Гуджайли, Чакка, Муминабад, Чорбог, Дашти Козы и т.д.). В этом плане пока даштиказинский могильник выступает как основной памятник тазабагьябского типа андроновской культуры. Все 26 археологически целых сосуда были изготовлены вручную, т.е. без использования гончарного круга, с традициями степных культур.

Что касается других бронзовых предметов, то они полностью представляют тип украшений скотоводческих племен. В этой коллекции абсолютно отсутствуют бусы из полудрагоценных камней. Из этого следует вывод, что каменные украшения могли изготовить ремесленники земледельческой культуры. Кроме того, в захоронениях Дашти Козы мы не обнаружили ни одного орудия или хозяйственного предмета. Аналогичные факты были выявлены в погребениях Чорбог и Муминабад, где также отсутствуют орудия производства. В связи с этим возникает мысль о том, что в хозяйстве пришельцев – степняков доминирующую роль играло скотоводство двух типов: в степных зонах – отгонное, а в предгорных и горных – айлачное. Скотоводческие племена верховья Зарафшана занимались айлачным хозяйством. Какова же доля земледельческой культуры в хозяйстве скотоводов верховья Зарафшана пока остается неясным.

Тем не менее, не исключено, что в XIV- XI вв. до н.э. в верховьях Зарафшана земледельцы и скотоводы жили по соседству и вели самостоятельное культурное хозяйство. Они обменивались между собой в основном товарами.

Как свидетельствуют факты, племена степной культуры, тазабагыбские на андроновской основе, полностью эксплоатированы в начале двух оазисов: Западная Фергана (Кайрак-Кум) и низовьях Зарафшана. В течении 150-200 лет в XV-XIII вв. до н.э. они приспособляли свое хозяйство к новым местам, где пускали корни. В результате начался процесс их этнического сближения с земледельцами. После этого степные племена начали расселяться на остальной части Средней Азии, в результате чего происходило вытеснение коренного населения с обжитых мест. Об том говорят факты полученные, прежде всего при исследовании могильника Дашти Козы, где земледельческие элементы практически отсутствуют. В памятниках южных регионов Средней Азии, где сложилась вахшская и бешкентская культура, северная культура едва прослеживается. Тем не менее, исследователь южно-таджикских памятников Л.Т. Пьянкова отмечает, что «по материалам южно-таджикских памятников последней четверти II тыс. до н.э. отчетливо фиксируются следы проникновения с севера значительных групп степного населения» (Пьянкова, 1989, с. 138).

И все же, за исключением Заманбаба, степное население жило самостоятельно без каких-либо отношений с земледельцами. В то же время в Гиссарской, Вахшской долинах, а также в Тулхарском массиве прослеживается совместное обитание племен двух разнокультурных населений «земледельческого типа» (Пьянкова, 1989, с. 139). И прослеживается это не только на этих памятниках. На археологических памятниках Тандыр-юла (Виноградова, Пьянкова, 1977), Сертепе вблизи Денау (Ртвеладзе, 1981, с. 285-286) и даже Дашлы 3 в Афганистане (Сарианиди, 1977, рис. 36) была встречена не только керамика степного типа, но и были найдены отдельные бронзовые предметы – серьги с раструбом на Тандыр-юле, кинжал восточно-казахстанского типа на Сертепе и Дашлы.

Как видим, степное население в южных просторах Средней Азии (в Бактрии – С.Б.) не было изолировано от коренных земледельцев, наоборот, оно вело с ними хозяйство и, очевидно, позже происходило не только культурное сношение, но и этническое взаимопроникновение. По всей вероятности, степное население, хотя и сыграло какую-то роль в трансформации культуры, но как утверждает Л.Т. Пьянкова – эта роль была не значительной (Пьянкова, 1989, с. 140).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты исследования археологических памятников степной культуры Среднеазиатского Междуречья указывают на то, что контакты двух групп населения – автохтонных земледельцев и пришлых скотоводов происходили в степях Кайрак-Кума в центральной части региона в Зарафшанской долине в конце III - начало II тыс. до н.э. – Саразм IV, Тугай, Зардча Халифа, Заманбаба. Начиная со второй половины II тыс. до н.э. и до первой четверти I тыс. до н.э. степная культура полностью доминирует.

Что касается земледельческой культуры, то возрождение началось с первой четверти I тыс. до н.э. сначала в отдельных оазисах (Яздепинская в Маргиане, Бергулюк в Чаче, Чустская культура в Фергане).

Тем не менее, по определению В.А. Алекшина «контакты земледельцев и степняков не только способствовали быстрой трансформации археологических культур Средней Азии, но и ускорили экономическое и социально-политическое развитие обоих миров» (Алекшин, 1977, с. 57).

Таким образом, взаимоотношение двух миров – мира земледельцев и мира скотоводов севера имеет глубокие исторические корни. Сближение их происходило по инициативе скотоводов. Как было отмечено, миграция северного населения (Южного Приаралья, казахстанских степей, Алтая, лесостепных зон Сибири) в Приаралье и бассейне Сырдарьи началась в середине II тыс. до н.э. Это был первый этап миграции.

На втором этапе миграции пришельцы двинулись в пустыне Кайрак-Кума и низовья Зарафшана. Характер культуры этих двух центров говорит о том, что они базировались здесь со второй половины II тыс. до н.э. до XI в. до н.э. Причем, хотя они и вошли в контакт с коренным населением – земледельцами, но тем не менее, они полностью сохранили свою традиционную культуру которая была признана в науке как степная культура.

Третий этап миграции не был столь организованным. Очевидно, в этот период миграция носила племенной – частный характер. На этом этапе XI-IX в. до н.э. небольшие племена из Кайрак-Кумской и долины Зарафшана шли дальше на юг в Гиссарскую долину, до Бактрии, где в последующем на этих территориях произошла ассимиляция двух групп населения, земледельческая культура взяла верх над скотоводческой. Этот факт засвидетельствован археологическими комплексами памятников Южного Узбекистана, Южного Таджикистана и Северного Афганистана.

ЛИТЕРАТУРА

Абетеков А. Погребения эпохи бронзового могильника Тегермен-Сай // КСИА. – Вып. 93. 1963.

Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям) // Автореф. дисс. канд. Ленинграда 1979.

Аванесова Н.А. К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии // Вопросы археологии древней истории и этнографии, Самарканд, 1981.

Алексин В.А. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культуры Средней Азии и Ближнего Востока // Автореф. дисс. канд. наук. – М., 1977. – С. 20.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент, 1991.

Алексин В.А. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур, – Л., 1981, – С. 18-22.

Антоновна Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии – М., Наука, 1977. – С. 150.

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах с окрашенными и скорченными костяками // ПИДО. 1934. – С. 108-125.

Аскарлов А. Низовья Зарафшана в эпоху бронзы // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Л., 1962а.

Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ, – Вып. 8. – 1969. – С. 56-62.

Аскарлов А. Сапаллитепа-Ташкент: Фан, 1973, 172 с.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент, 1977.

Аскарлов А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. – М., – 1979. – С. 34-37.

Аскарлов А. Абдуллаев Б.Н. Джаркутан: К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана. – Ташкент, 1983, 120 с.

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздковская культура // Археология СССР, – М., 1987.

Бабаев А.Д. Могильники Западного Памира поздней бронзы и их связи с религиозными верованиями местных племен // ИБМА-ИКЦА. – Вып. 15. – 1983. – С. 70-84.

Бабаев А.Д. Историко-археологический очерк Западного Памира // Автореф. дисс. д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1989. – С. 45.

- Бернштам А.Н. Археологическая разведка в подгорной части Чуйской долины // МИА, № 14, М-Л., 1950.
- Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М., Наука, 1968. 180 с.
- Виноградов А.А. Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА 1970, № 2. – С. 125-135.
- Виноградова М.Н. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангуртут на юге Таджикистана // АРТ 1987, – Вып. 20. – С. 126-137.
- Виноградова Н. Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане. // СА. 1989.
- Вишневская С.А. Итина М.А. Ранние саки Приаралья // МИА, № 177, 1977.
- Гамбург Б.З. Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК, 1956, Вып. 63. – С. 85-93.
- Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая древняя и средневековая история, М., 1972. 664 с.
- Григорьев Г.В. Находка мустьерского остроконечника в г. Самарканде // КСИИМК, 8, 1940. – С. 89-90.
- Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // по раскопам близ с. Большая Речка, – М.л., АН СССР, 1956, – С. 162 (МИА № 48).
- Грязнов Я.Г. Исламов У, Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент, 1966, – С. 268.
- Джуракулов М.Д. Ходжаев Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. – Самарканд, 1987. – С. 44.
- Джуракулов М.Д. Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент 1991. – С. 113.
- Дмитриев П.А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА, № 21, – М., 1951. – С. 28-93.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура. Фергана // Изво АН СССР, 1962. – С. 328. (МИА 118).
- Зеймаль Е.В. Медный топор из кишлака Аракчин // Сообщение республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР, 1958, – Вып. – С. 19-32.
- Иессен А.А. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. – М-Л., 1937. – С. 91-103.
- Исаков А.И., Саразм: Горизонты древней цивилизации // Наука и жизнь 1986. – С. 78-81.
- Исаков А.И. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА № 1, 1986. – С. 152-167.

Исаков А.И. Взаимодействие культуры ранних земледельцев Зарафшана с кочевниками-скотоводами // Взаимодействие кочевных культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. – С. 65-66.

Исаков А.И. Раскопки могильника Дашти Козы // АО. 1986, (1988). – С. 154.

Исаков А.И. Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА № 1, 1989. – С. 145-149.

Исаков А.И. Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины, раскопки 1977-1983 гг. Душанбе, 1991а.

Исаков А.И. Верховья Зарафшана в эпохе энеолита и бронзы (к проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху). // Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Л., 1991б.

Исаков А.И. Исследования Саразмского отряда в 1984г. // АРТ, – Вып. 24. – Душанбе, 1993. – С. 117-130.

Исаков А.И. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1986г. // АРТ, – Вып. 25. – Душанбе, 1994.

Исламов У. Кельтими́нарская культура на Мажан-царье // Научные работы и сообщения. отд-ний общ. наук АНУЗ СССР, 1961, Кн. 4. – С. 258-271

Исламов У. Многослойная стоянка кельтими́нарской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУЗ, 1963, – Вып. 4. – С. 31-45.

Исламов У. Новые данные о кельтими́нарской культуре на Махандарье // ИМКУЗ: 1965, – Вып.6. – С. 45-52.

Итина М.А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СА, № 3, 1954. – С. 63-68.

Итина М.А. Первобытная керамика Хорезма // ТХА-ЭЭ, – Т. 4. – 1959. – С. 5-62.

Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагъябской культуры в 1957 г. // МХЭ, Вып. 4. – 1960. – С. 82-103.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья: (II-начало I тыс. до н.э.). // ТХАЭЭ, – Т. 10. – М., 1977.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири, М., Изд-во АН СССР, 1951
Кореневский С.Н. комплекс бронзовых орудий майконского погребения у станции Псебайского // КСИА, 1975. – Вып. 142. – С. 68-72.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Сибири и дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М. – 1987. – С. 248-317, (Археология СССР).

Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Кирг. ССР. Т. II. – Вып. 3. Фрунзе, 1960.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. 1951. № 23. – С. 17-74

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // СА, – Вып. 134. 9, табл. XVI, – М., 1966. – С. 150.

- Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ. 1972. № 1. – С. 131-147.
- Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях евразийских степей // КСИА, – Вып. 161. 1980.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь Шаня, – Фрунзе, Илм, 1986. – С. 188.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг // Летний сад, – М., – Санкт-Петербург. 2008.
- Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ, – Вып. 1969. – С. 22-29.
- Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии // Изд-во АН Тадж. ССР. – 1954. – С. 44.
- Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ан-Танги в 1958г. // ТИИАН – Тадж. ССР, 1961, – Т. 31. – С. 30-49.
- Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // ИООН, АН Тадж, 1961, – Вып. 1. – С. 59-66.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) – Душанбе, – 1962. – С. 406.
- Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Акт-Танги в 1961 г. // ТИИАН-Тадж. – 1964. – Т. 42. – С. 3-24.
- Литвинский Б.А. Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА, 1970, Вып. 1. – С. 41-47.
- Лукин В.Г. Искусство древнего Ирана. – М., Наука, 1984, – С. 280
- Мандельштам А.М. памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА № 15, М-Л., – 1968. – С. 121.
- Маргулан А.Х., Анишев К.А., Кадырбаев, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана, – Алма-Ата. – 1966. – С. 435
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // Изд-во АН СССР, 1959. – С. 216. (МИА, № 73).
- Массон В.М. Кара-депе у Артыка // ТЮТАКЭ, – Т. 10. – С. 819-463, 1961.
- Массон В.М. Проблемы культуры степной бронзы на Севере страны // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – 1966.
- Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА, 1967, № 8. – С. 165-190.
- Массон В.М. Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ, – Т. II. – Ашхабад, 1970.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ // В свете данных археологии. – 1976. – С. 192.

Массон В.М. Основные направления культурно-исторического процесса // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы, М., 1986. – С. 38-42.

Массон В.М. Ингинлы-тепе – новый центр энеолитической культуры Южного Туркменистана // Известия АН СССР, ист. общ. наук, 1989, № 6.

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит, СССР, 1962, – С. 9-57 (Археология СССР. – Т. 4).

Махмудов Ф.Р. Мунчаев Р.М. Нариманов И.Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА, 1968, № 4. – С. 16-26.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжского-Уральского междуречья, – М., Наука, – 1974. – С. 152.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века – неолит, энеолит, ранняя бронза, – М., – 1975. – С. 416.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III Глазковское время. // МИА № 43. – 1955.

Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА № 66. – 1958. – С. 11-71

Потемкина Т.М. К вопросу о миграции на юг степных племен эпохи бронзы // Взаимодействие культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. – С. 76-78.

Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ, 1974, (1979), – Вып. 14. – С. 78-92.

Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ, 1986. – Вып. 19. – С. 89-933.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам эпохи бронзы «Тигровая Балка». – Душанбе, 1969.

Пьянкова Л.Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане. В кн: Проблемы истории культуры Таджикского народа. – Душанбе, 1991. – С. 53.

Раззаков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально – трасалогическим данным) // Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 1994.

Раппорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (осуарии) // ТХАЭЭ, – Т. VI, 1971.

Рогачев А.Н., Аниковин В.М. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР, – М., – С. 162-171 (Археология СССР. – Т. I).

Сайко Э.В. Принцип развития в познании культурно-исторического процесса в археологии: К исследованию проблемы производства перво-

бытного общества //Познание исторического процесса в археологии. – М., – 1988. – С. 31-56.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, № 21. – 1951.

Сарианиди В.И. Культовые здания поселения анаусской культуры // СА. – 1962 № 1. – С. 44-56.

Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении – М., Наука, 1965. 56 с.

Сарианиди В.И. Раскопки Тиллятепе в северном Афганистане // Материалы к археологической карте Сев. Афганистана. – Вып. 1. – М., Наука, – 1972. – С. 96.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Изд-во АН СССР. – 1960. – С. 272. (М., № 7, № 88).

Шишкин В.А. Узбекская археологическая экспедиция АН Уз. ССР. (полевые работы 1956-1959гг. // ИМКУ. – Вып. 2. – 1961. – С. 18-50.

Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зарафшана (с древнейших времен до начала XX в.) // Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. наук. – Самарканд, 1989.

Якубов: Работы Верхнезарафшанского отряда // АО 1975 (1976), – С. 572.

Якубов Ю. Работы Зарафшанского отряда в 1975г. // АРТ. – 1975. – Вып. 15. – 1980. – С. 167.

Amiet P. The archaic Egyptian at Shahri – Soichte (Period I). By M. Tosi Prehistorik Sisten I. Is Meo-Rome, 1983.

Amiet P. Loage des échelles interiranians 3500-1700. Paris, 1986.

Besenval R. Découvertes récentes à Sarazm (ASS du Tadjikistan): Attestation des relations au III Millénaire entre centrale Iran du Nord – Est et le Baluchistan, Académie des inscriptions belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année. 1987. Avril-Juin. Paris.

Besenval R., Isakov A. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // Arts asiatiques. Paris, 1989.

Bobomulloev S., Ein bronzezeitliches Grab aus Zardca Chalifa bei Pendzikent (Zeravsan-Tal) // AMIT. Berlin, Band. 29. 1997.

Wooley C.L. // Excavation at UR. The museum journal, Vol. XXIII Number 3. Philadelphia, 1983.

Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938.

Gupta S.P. The late Harappan: A study in Cultural Dynamic. Edited by G. Possehl Oxford India Publishing Co – New Delhi Bombay Calcutta, 1982.

Isakov A., Lyonnet B., Géométries de Sarazm (Tadjikistan, URSS): Problèmes de échanges et de peuplement à la fin du chalcolithique et au début de l'âge du Bronze. Paleorient, vol. 14/1. Paris, 1988.

- Jarriage J., Santoni M., Foulles de Pirak. Vol. 2. Paris, 1979.
- Casal J.M. Foulles de Mundigak. vol. II. Paris, 1961.
- Casal J.M. Foulles de Amri. vol. 2. Paris, 1984.
- Nangsdorff A., McCown D.E. Tall-I – Bakun A. Season of 1932. The University of Chicago oriental Institute Publications vol. LIX. Chicago. Illinois, 1932.
- Mackay E. Further Excavation at Mohenjodaro. New Delhi, 1983.
- Mackay E. Chanhy-Daro Excavation American oriental series vol.20. Editor w. Norman Brown. New York, 1943.
- Petrulla V.M. Primitive peoples of Matto Grosso Brazil // The museum journal, vol. XXII, 2. Philadelphia, 1932.
- Piggott S. Prehistoric India to 1000 B.C. 1952.
- Piggott S. Notes on certain Pins and Macehead from Harappa. Ancient India, 1947-1948, N 4, p. 33-38.
- Sarraf M.R. Die keramik Von Tell –I- Iblis.p.216,fig.67,71, Berlin, 1980.
- Tosi M. Excavation at Shahri Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan-East and West, 1968,v.18,N.1-2.
- Tosi M. Excavation at Shahri Sokhta – East and West, Rome, 1969.
- Tosi M. Excavation at Shahri Sokhta 1969-1970 Prehistoric Sistan; I. ISMEO – Rome, 1983.
- Tosi M. The notion of craft specialization and its representation in the archaeological record of early states in the Turanian Basin. Marxist perspectives in Archaeology. Edited by M. Spriggs. Cambridge, 1984.
- Fairservis W.A.Jr. Excavation in the Ouetta Valley West Pakistan Anthropological Papers of the American Museum of Natural History; 45,3, New York, 1956.
- Archaeological Surveys in the Inoh and Lozalo districts. West Pakistan. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 47, 2. New York, 1959.
- Francfort H-P. The late periods of Shortugai and the problem of the Bishkent Cultural (Middle and late Bronze Age in Bactria). In South Asian Archaeological. 1979. Berlin.
- Khan F.A. The Indus Valley and Early Iran. Karachi. 1964. p. 37.
- Herzfeld E. Iran in Ancient East. London. New York, 1941.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	–	Археологические открытия
АРТ	–	Археологические работы в Таджикистане
ВДИ	–	Вестник древней истории
ДСА	–	Достижение среднеазиатских археологов
ИАН	–	Известия Академии наук
ИМКУ	–	История материальной культуры Узбекистана
КД	–	Кайраккумские древности
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории и материальной культуры
МИА СССР	–	Материалы и исследования археологии СССР
МХЭ	–	Материалы Хорезмской экспедиции
СА	–	Советская археология
САГУ	–	Среднеазиатский государственный университет
САИ	–	Свод археологических исследований
СЭ	–	Советская этнография
ТИИАЭ	–	Труды института истории и археологии
ТИИАЭ	–	Труды института истории, археологии и этнографии
УСА	–	Успехи среднеазиатской археологии
ЮТАКЭ	–	Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция

РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ДАШТИ КОЗЫ

Могильник Дашти Козы, открытый в 1983 году, располагался на правом берегу реки Зарафшан, на плоском плато, в 45 км к востоку от города Пенджикента и к северу от села Дашти Козы (Исаков, 1984). В результате раскопок было обнаружено 27 погребений с 39 захоронениями с сопровождающим инвентарём. Основную часть инвентаря составляла керамика и металлические украшения. Датируется памятник 13-11 в. до н.э. (Исаков, Потемкина, 1986).

В 15 погребениях обнаружены украшения 13 типов (Бобомуллоев 1998, рис. 49). По материалу изготовления они делятся на бронзовые, пастовые и золотые. В категорию бронзовых изделия входят: бисер, бусы, кольца, серьги, браслеты, пронизи, бляха, крючок и гривна¹.

Результаты анализов металлических изделий были проведены в лаборатории естественно-научных методов Института археологии СССР. Химическому анализу подвергались 103 предмета. Анализ сплавов двух бусин N ZGMA O296 И O9299 были сделаны в лаборатории кафедры археометаллургии в Академии горного дела (Фрайберг) доктором Й. Лутцем (табл. II).

---

¹ Распределение по погребениям см. в табл. I.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЛАБОРАТОРИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Номер.	Назв.	Место наход.	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
40350	бусина	погр.15		осн.	3	0,062	0,0024	0,04	0,016	0,3	0,37	0,086	0,0033	0,0015*	0,0006*
40351	-	-	-	-	6,9	0,11	0,0017*	0,027	0,0004*	0,017	0,014	0,063	0,0001	0,0017*	-
40352	-	-	-	-	6,2	0,13	0,47	0,085	0,089	0,32	0,37	0,27	0,0027	0,0043*	-
40353	-	-	-	*20	7,4*	1,1	0,064	1,3	0,2	2,3	3,3	0,35	0,008	0,011	0,0002*
40454	-	15	-	>20	7,4*	1,3	0,09	0,1	0,2	1,7	2,7	0,45	0,0074	0,013	-
40355	-	-	-	>20	4,1*	1,1	0,064	0,61	0,32	1,8	0,2	0,1	0,008	0,0095*	0,0003*
40356	-	-	-	>20	7,4	0,26	0,12	0,7	0,27	0,47	1,5	0,31	0,0051	0,0086*	0,0003*
40357	-	-	-	осн.	3,5*	1,1	0,064	0,44	0,23	0,41	1,3	0,086	0,0039	0,0058*	0,0003*
40358	-	-	-	>20	7,4	0,3	0,1	1,2	0,43	1,1	1,3	0,13	0,013	0,012	0,0002*
40359	-	-	-	осн.	6,9	0,13	0,0014*	0,046	0,0001*	0,015	0,014	0,074	0,0012	0,0036*	-
40360	-	-	-	>20	7,4*	0,37	0,0017	0,1	0,27	2	3,3	0,1	0,0096	0,0086*	0,0002
40361	-	-	-	осн.	2,3	1,2	0,035	1,3	0,78	0,77	1,6	0,054	0,003	0,0048*	-
40362	-	-	-	>20	7,4*	1,1	0,0024	0,1	0,3	0,2	2,9	0,15	0,0051	0,0095*	0,00005*
40363	-	-	->	>20	7,4*	0,3	0,0014*	1,3	0,43	3,9	2,9	0,054	0,013	0,0078*	-
40364	-	-	.-	>20	7,4*	2,7	0,0017*	1,2	0,43	3,9	2,9	0,063	0,029	0,0048	-
40365	-	-	-	>20	7,4*	5,9	0,0024	0,1	0,27	2,1	3,9	0,086	0,02	0,0053	0,0002*
40366	-	-	-	осн.	3,5*	1,4	0,001*	1,4	0,32	2,3	2,9	0,086	0,013	0,0048	-
40367	-	-	-	осн.	3,5*	0,2	0,001*	1,2	0,43	2,7	2,7	0,024	0,013	0,0048	-
40368	-	-	-	осн.	3,0*	1,8	0,0017*	1,2	0,32	2,1	1,8	0,086	0,015	0,0043	-
40469	-	-	-	осн.	1,6	1,1	0,0024	0,7	0,27	0,2	1,4	0,4	0,0073	0,0039	-
40370	-	-	-	осн.	2,3	1,3	0,0024	1,3	0,43	2,3	1,8	0,02	0,008	0,0036	-
40371	-	-	-	осн.	2,0	1,2	0,0029	1,2	0,32	2,5	1,7	0,35	0,008	0,0032	-
40372	-	-	-	осн.	3,0*	1,4	0,0024	1,3	0,43	2,3	1,8	0,086	0,024	0,0039	-

40373	браслет	погр.15	рис.1.1 0a	осн.	5,7	0,096	0,0046	0,085	0,027	0,47	0,37	0,0044	0,0047	0,0024	-
40374	браслет	погр.15	рис.1.1 0b	осн.	7,6	0,11	0,0076	0,077	0,016	0,55	0,42	0,028	0,0067	0,0036	0,0002
40375	браслет	погр.15	рис.1.1 0s	осн.	6,9	0,11	0,0029	0,085	0,0048	0,43	0,37	0,02	0,0051	0,0021	-
40376	браслет	погр.15	рис.1.1 1a	осн.	3,6	0,054	0,0076	0,048	0,0055	0,43	1,6	0,017	0,0039	0,0021	-
40377	браслет	погр.15	рис.1.1 1b	осн.	1,1	0,096	0,09	0,1	0,058	0,64	0,37	0,017	0,0073	0,0053	0,0005*
40378	браслет	погр.15	рис.1.1 1b	осн.	6,2	0,031	0,01	0,052	0,0048	0,4	0,33	0,086	0,0039	0,0032*	0,0003*
40379	гривна	15	рис.2.1 4	осн.	3,6	0,13	0,01	0,04	0,058	0,37	0,33	0,063	0,013	0,0032*	0,0004*
40380	бусина	-	-	осн.	5,7	0,096	0,002	0,094	0,076	0,51	0,47	0,054	0,0043	0,0021*	0,0026
40381	серьга с раструбном	15	рис.2.2	осн.	5,7	0,10*	0,0029	0,038	0,14	0,23	0,3	0,086	0,078	0,012	0,002*
40382	серьга- подвеска	15	рис.2.4	осн.	1,2	0,054	0,0029	0,03	5,5	0,073	0,0031	2,1	0,0051	0,0017*	0,0005*
40383	бусина	1	-	осн.	3,9	0,26	0,3	0,056	0,047	0,15	0,3	0,2	0,0021	0,0021*	-
40384	браслет	погр.1	рис.1.1	осн.	6,2	0,072	0,064	0,042	0,023	0,37	0,21	0,039	0,0067	0,0024*	-
40385	браслет	19	-	осн.	3,0*	1,2	0,0024	0,23	0,94	3,3	0,1	0,063	0,008	0,0036*	-
40386	бусина	19	-	<50	4,9*	1,3	0,0014	0,27	0,94	2,3	0,1	0,063	0,012	0,0048*	-
40387	бусина	19	-	>50	4,1*	1,1	0,0017	0,23	0,94	0,3	0,1	0,13	0,013	0,0043*	-

40388	бусина	19	-	>50	4,3	0,054	0,0014	0,025	0,0001*	0,073	0,035	0,23	0,0016	0,0017	-
40389	браслет	19	-	осн.	4,3	0,062	0,0024	0,045	0,076	0,47	0,47	0,024	0,073	0,0014*	-
40390	браслет	21	рис.1.1 2	осн.	3,6	0,97	0,0014*	0,042	0,65	0,6	0,69	0,02	0,013	0,0014*	0,0053*
40391	бусина	21	-	осн.	5,7	0,062	0,0008*	0,04	0,023	0,4	0,33	0,0007	0,013	0,0058*	0,0005*
40392	бусина	21	-	>20	7,4*	0,18	0,001*	0,38	0,57	0,2	0,1	0,13	0,018	0,0058*	-
40393	бусина	21	-	>50	4,1*	0,083	0,0012*	0,23	0,57	0,2	0,79	0,054	0,0096	0,0036*	-
40394	бусина	21	-	>20	7,4*	0,13	0,0012*	0,38	0,57	1,7	0,79	0,086	0,012	0,0053*	-
40395	браслет	2	рис.2.2	осн.	6,9	1,7	0,0059	0,048	0,14	0,6	0,19	0,35	0,0073	0,015	0,007*
40396	бусина	2	-	осн.	1,2	0,096	0,18	0,042	0,14	0,099	0,12	0,35	0,0019	0,0032*	-
40397	бусина	2	-	осн.	6,2	0,096	0,22	0,056	0,0013*	0,27	0,37	0,18	0,0021	0,0036*	-
40398	бусина	2	-	осн.	3,2	0,21	0,59	0,077	0,047	0,21	0,3	0,18	0,0013	0,0039*	-
40399	бусина	2	-	осн.	2,3	0,15	0,064	0,23	0,43	0,96	0,1	0,2	0,0067	0,0078	-
40400	бусина	2	-	>20	7,4	0,26	0,0046	0,52	0,43	0,2	0,1	0,12	0,013	0,0086	-
40401	бусина	2	-	осн.	3,5	1,1	0,035	0,7	0,43	2,3	1,2	0,086	0,012	0,0058*	-
40402	бусина	2	-	осн.	4,3	0,26	0,0014*	0,032	0,089	0,3	0,15	0,12	0,013	0,0032	0,0064*
40403	бусина	3	-	осн.	7,6	0,26	0,0059	0,038	0,14	0,6	0,69	0,02	0,22	0,025	0,0001*
40404	бусина	3	-	basis	2,3	0,3	0,053	0,17	0,14	1,8	1,2	0,73	0,0047	0,0058*	-
40405	бусина	3	-	<40	5,9*	0,3	0,002	0,52	0,43	2,1	2,7	0,086	0	0,047	0,011
40406	бисер	3	-	>20	7,4*	0,26	0,09	0,52	0,57	0,2	2,3	0,73	0,0073	0,013	-
40407	пронизь	5	-	осн.	1,2	0,036	0,0076	0,025	0,023	0,15	0,11	0,063	0,0043	0,0048	-
40408	бусина	5	-	осн.	5,7	0,036	0,0059	0,038	0,14	1,8	0,69	0,01	0,003	0,0032*	-
40409	бусина	5	-	>20	7,4*	1,3	0,064	0,1	0,5	0,75	2,5	0,45	0,008	0,011	0,0004*
40410	бисер	5	-	>40	5,9*	1,3	0,0046	0,8	0,57	2,1	2,7	0,23	0,013	0,0078*	0,0005*
40411	бисер	5	-	>15	7,4*	1,8	0,002*	0,38	0,57	3,5	2,3	0,18	0,017	0,0086*	-
40412	браслет	6	рис.1.7	осн.	3,6	0,031	0,064	0,038	0,0063	0,15	0,12	0,0053	0,0017	0,0029*	-

40413	брасле т	6	рис.1.8	осн.	7,6	0,047	0,064	0,032	0,066	0,32	0,3	0,039	0,0096	0,0036*	-
40414	бусина	6	-	осн.	3,6	1,5	0,0014*	0,065	0,023	0,47	0,69	0,1	0,0073	0,0032	0,0005*
40415	бисер	25-1	-	>50	4,9*	0,3	0,0014*	0,17	0,14	1,7	2,7	0,93	0,011	0,0029	-
40416	бисер	25-1	-	>20	7,4*	1,3	0,0017	0,61	0,65	3	2,1	0,23	0,015	0,0043*	-
40417	бисер	25-1	-	>20	7,4*	1,1	0,0059	0,8	0,43	0,64	0,2	0,27	0,0043	0,0058*	0,0005*
40418	бисер	25-1	-	осн.	2,3	5,9	0,0014*	0,27	0,94	1,8	3,3	0,31	0,014	0,0032*	-
40419	бисер	25-1	-	>20	7,4*	1,1	0,002	0,38	1,2*	2,5	1,8	0,086	0,013	0,0036*	-
40420	бисер	25-1	-	>15	7,4*	5,9	0,002*	1,3	0,65	3,9	4,2	0,4	0,02	0,0039*	0,0006*
40421	бисер	25-1	-	>15	7,4*	4,6	0,0012	0,32	0,57	3,3	4,2	0,27	0,015	0,0029*	0,0004*
40422	бисер	25-1	-	>15	7,4*	4,6	0,0014*	0,38	0,5	3,9	4,8	0,12	0,008	0,0032*	-
40423	бисер	25-1	-	<50	4,9*	5,4	0,0014*	0,27	0,57	2	2,7	0,18	0,0073	0,0029	-
40424	бисер	25-1	-	>50	49*	5,9	0,002	0,27	0,83	2,3	3,3	0,35	0,012	0,0032*	0,0003*
40425	бисер	погр.3	рис.1.3	осн.	5,7	0,26	0,002	0,27	0,23	0,35	0,69	0,02	0,011	0,0032*	0,0015*
40426	брасле т	3	рис.1.4	осн.	1,0	7,1*	0,053	0,38	0,058	0,64	0,61	0,033	0,003	0,0043	0,0022*
40427	брасле т	3	рис.1.5	осн.	1,0	7,7*	0,09	0,38	0,23	0,6	0,47	0,039	0,0025	0,0058*	0,001*
40428	кольцо	9	-	осн.	2,7	0,3	0,0014*	0,094	0,089	0,32	0,47	0,02	0,014	0,0036*	0,0017*
40429	кольцо	9	-	осн.	0,047	0,11	0,0024	0,045	0,14	0,029	1,8	0,046	0,043	0,0039	0,0013*
40430	брасле т	9	рис.1.9	осн.	2,7	0,083	0,0076	0,032	0,058	0,3	0,61	0,024	0,011	0,0036*	n.o
40431	бусина	9	-	осн.	2,5	0,072	0,0014	0,0038	0,016	0,6	0,79	0,12	0,013	0,0029*	-
40432	серьга с растру бом	26	рис.2.3	осн.	6,2	8,5*	0,002*	0,085	0,14	0,55	0,9	0,054	0,015	0,0029*	0,007*
40433	брасле т	26	-	осн.	8,4	5,9	0,035	0,048	0,43	0,6	0,1	0,2	0,015	0,0039*	-

40434	браслет	26	-	осн.	3,6	3,5	0,01	0,051	0,058	0,51	0,33	2,1	0,011	0,0032*	-
40435	бусина	26	-	осн.	4,3	0,13	0,0059	0,048	0,0035	0,64	0,1	0,028	0,0061	0,0039*	-
40436	серьги с раструбом	7	рис.2.1	осн.	1,2	0,036	0,0014*	0,037	0,019	0,32	0,24	0,15	0,0073	0,0032	0,0016*
40437	бусина	7	-	осн.	1,7	0,13	0,035	0,076	0,0002	0,32	0,3	0,024	0,0033	0,0029*	-
40438	бисер	7	-	осн.	1,6	0,15	0,0024	0,23	0,32	2,7	1,7	0,086	0,011	0,0053*	-
40439	бисер	7	-	>15	7,4*	1,7	0,01	0,23	0,23	2,3	2,1	0,13	0,018	0,0048*	-
40440	бисер	7	-	>20	7,4*	1,8	0,022	0,27	0,32	0,88	2,1	0,13	0,0096	0,0039*	-
40441	бисер	7	-	>15	7,4*	1,7	0,0076	0,52	0,32	3,9	3,6	0,23	0,026	0,0058*	-
40442	бисер	7	-	>20	7,4*	1,4	0,01	1,3	0,32	0,2	0,2	0,45	0,018	0,0078*	-
40443	бусина	25-1	-	осн.	0,067	0,0041	0,001	0,0029	0,023	0,073	0,17	0,82	0,0043	0,0036*	-
40444	Бляха с плетёй	25-1	рис.2.7	осн.	0,3	1,1	0,0012*	0,056	0,023	0,15	0,17	0,35	0,0047	0,0029	0,00017*
40445	Бляха с плетёй	25-1	рис.2.8		0,58	0,45	0,0012*	0,076	0,011	0,027	0,035	0,017	0,0056	0,0036*	0,0011*
40446	бисер	8	-	<50	4,1*	1,3	0,001*	0,7	0,32	0,96	8,8	0,45	0,0073	0,0065	0,0002*
40447	бисер	8	-	>10	7,4*	1,7	0,0012*	0,7	0,43	0,82	7,6	0,82	0,0096	0,0078*	0,0002*
40448	бисер	8	-	>10	7,4*	1,4	0,001*	0,7	0,32	1,1	7,6	0,82	0,011	0,0058*	0,0005*
40449	Бляха с плетёй	3	рис.2.6	осн.	3,6	0,036	0,0012*	0,06	0,14	0,23	0,33	0,054	0,0073	0,0014*	-
40450	крючок	3	рис.2.5	осн.	5,7	0,26	0,0012*	0,03	0,0011*	0,085	0,039	0,4	0,0051	0,0048*	-
40451	браслет	3	рис.1.6	осн.	0,1	0,13	0,0008*	0,03	0,019	0,099	0,12	0,046	0,0025	0,0011*	-
40452	кольцо	3	рис.2.9	осн.	1,6	0,031	0,0017*	0,076	0,016	0,099	0,1	0,13	0,0007	0,0017*	0,0012*

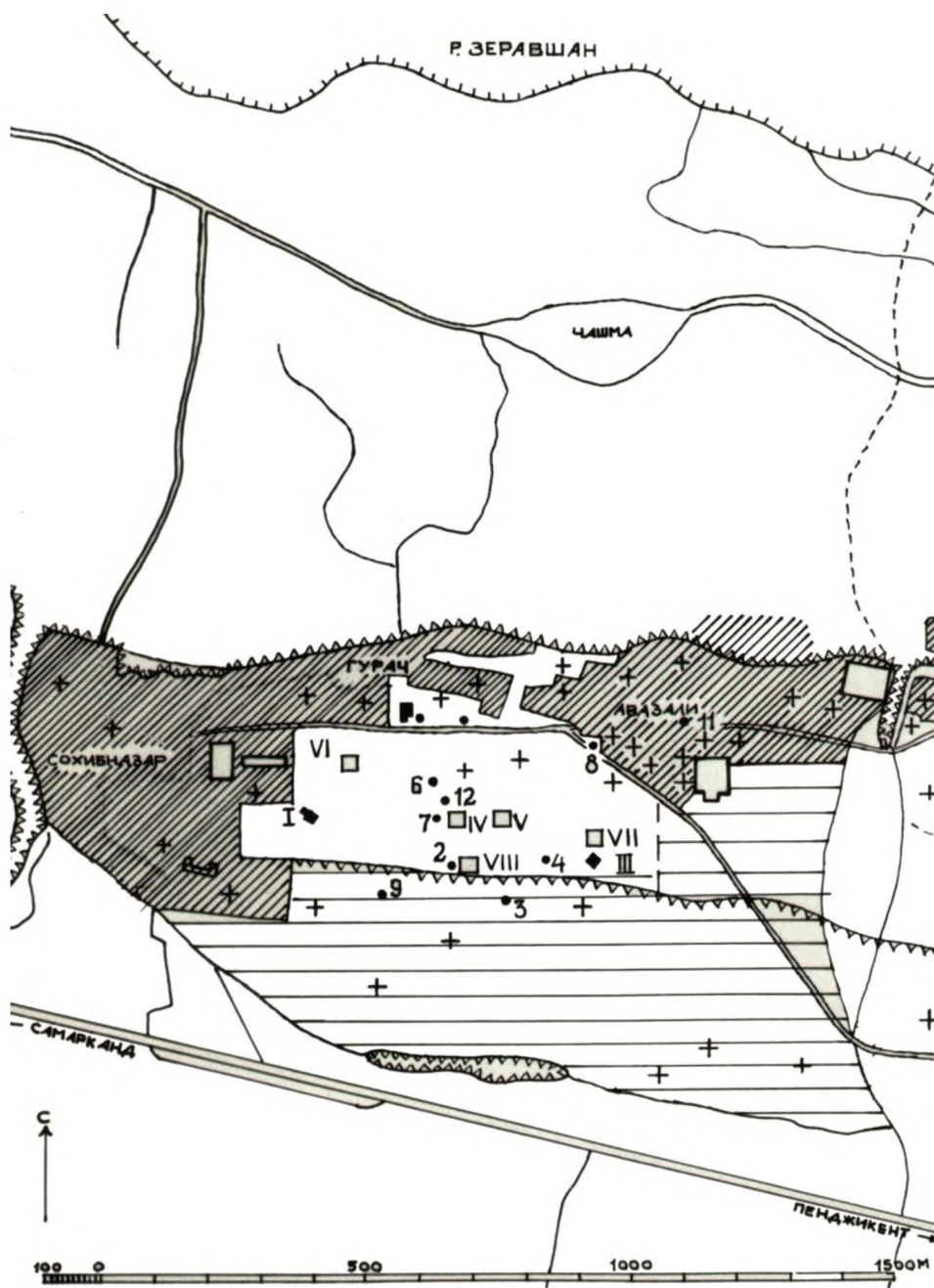

Рис. 1. Саразм. План поселения.

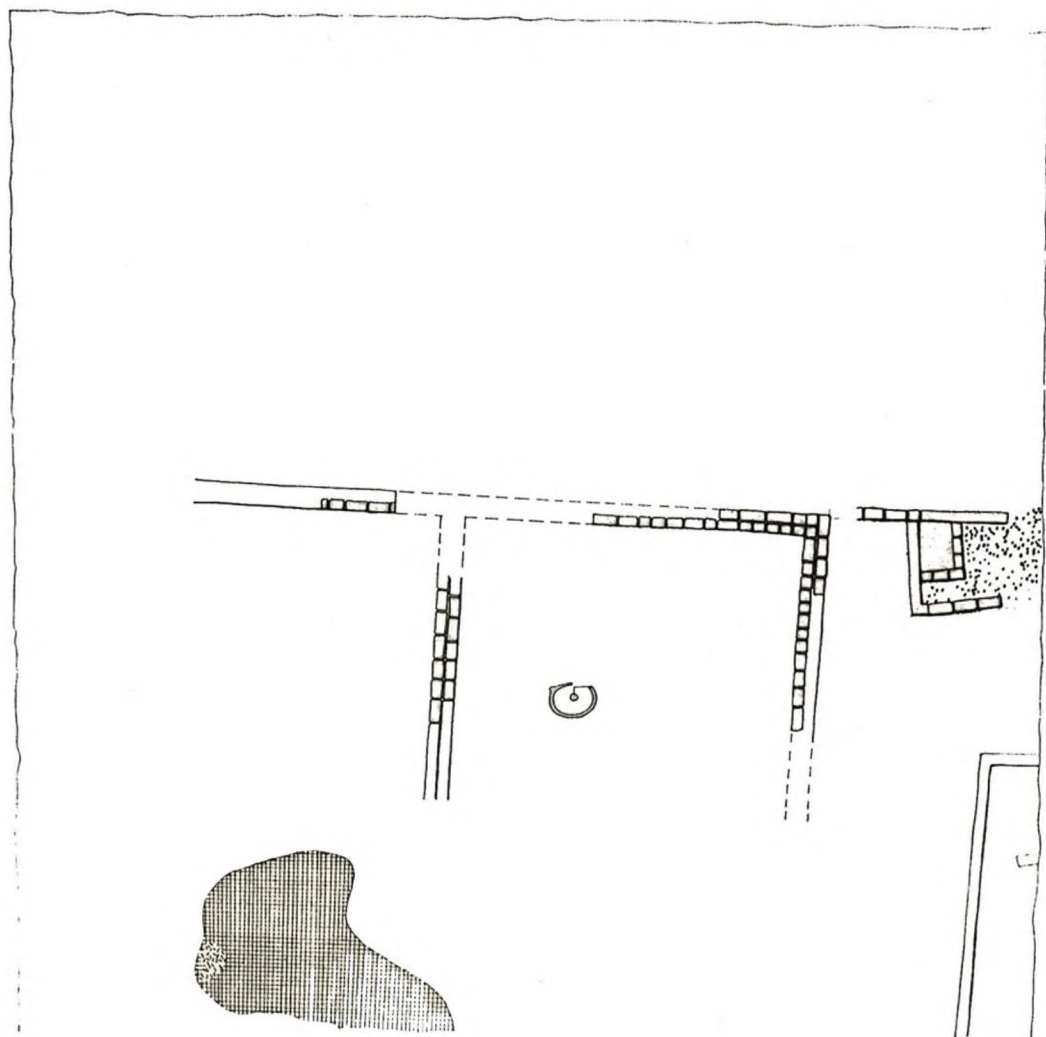
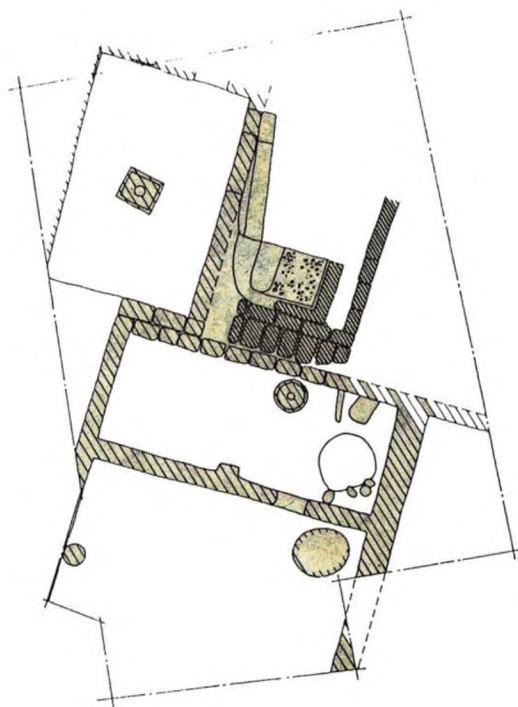

Рис. 2. Саразм. План V раскопа. Горизонт V.

САРАЗМ 1985
РАСКОП VI

п л а н

м 1 0 1 2 3 4 м

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Рис. 3. Саразм. План VI раскопа.

А

Б

Рис. 4. Саразм. План VII раскопа. Верхний горизонт.

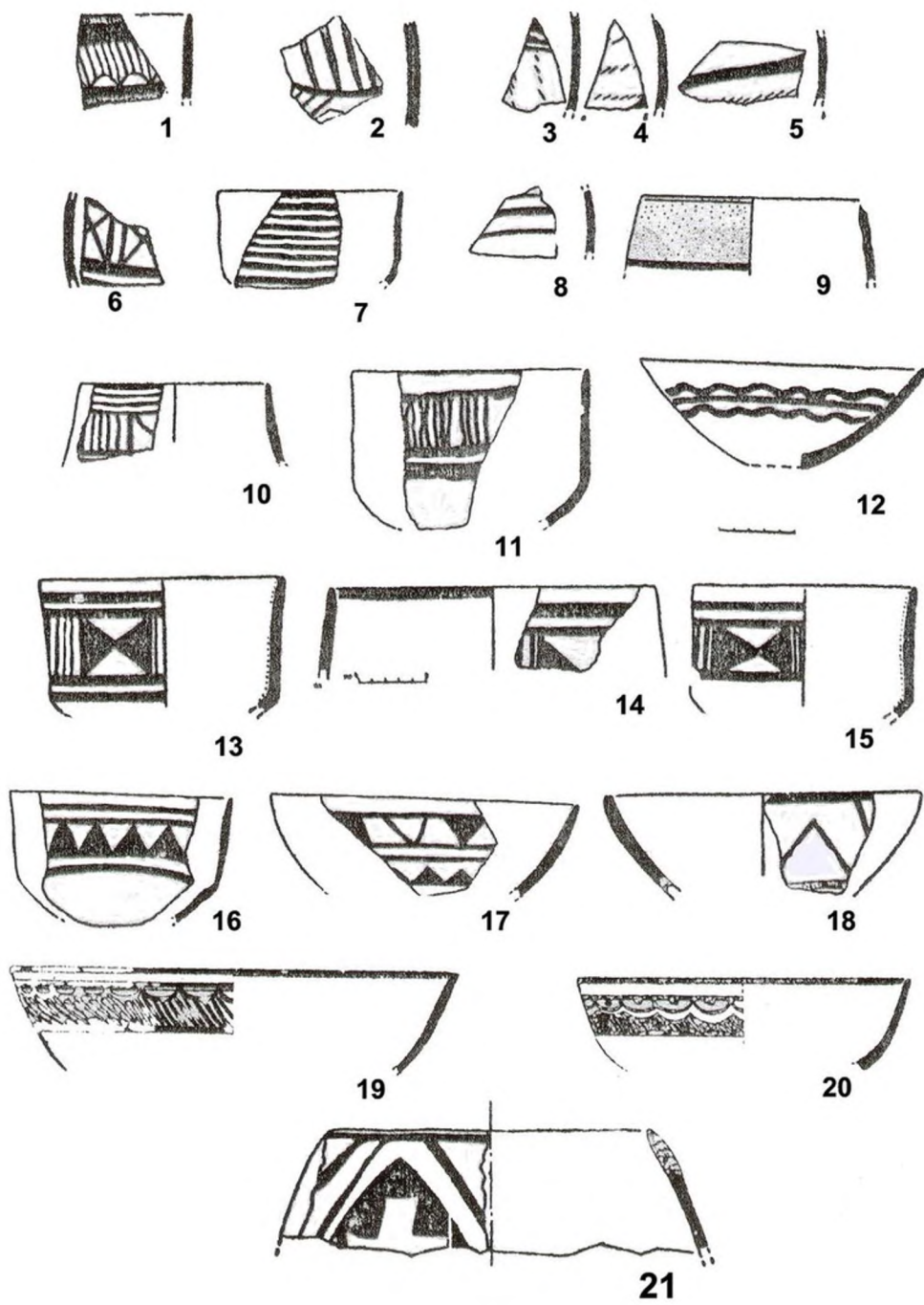

Рис. 5. Саразм. Расписная керамика. Верхний горизонт.

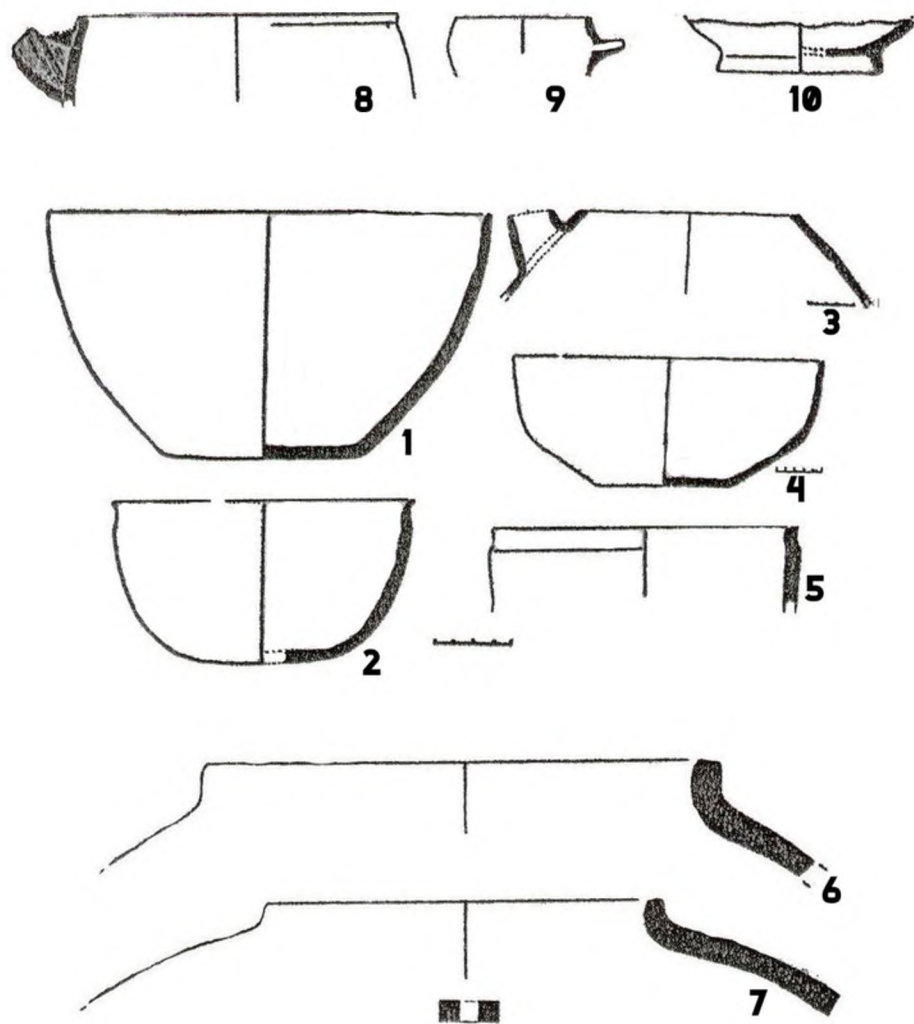

Рис. 6. Саразм. Керамика IV горизонта.

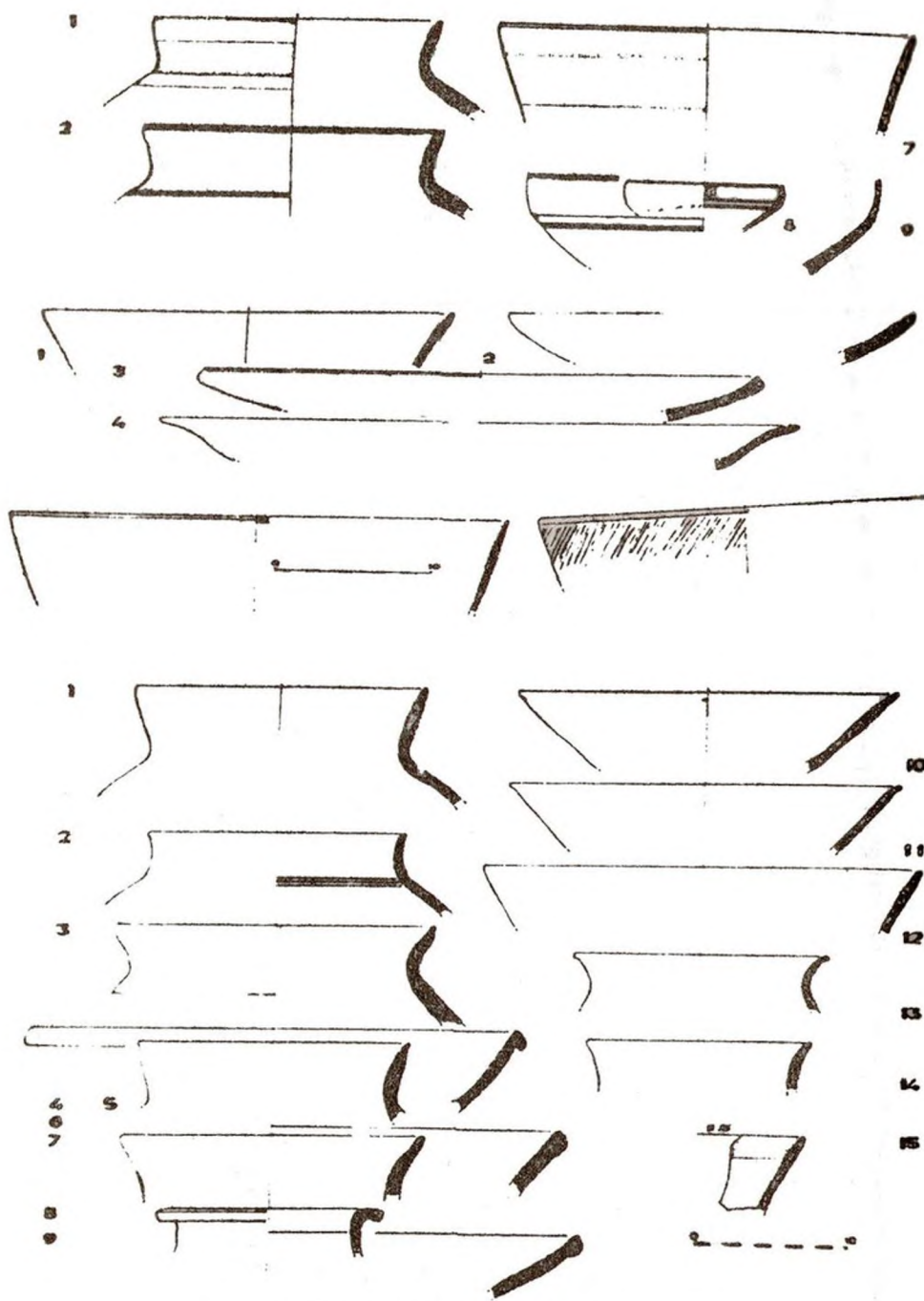

Рис. 7. Саразм. Керамика IV горизонта.

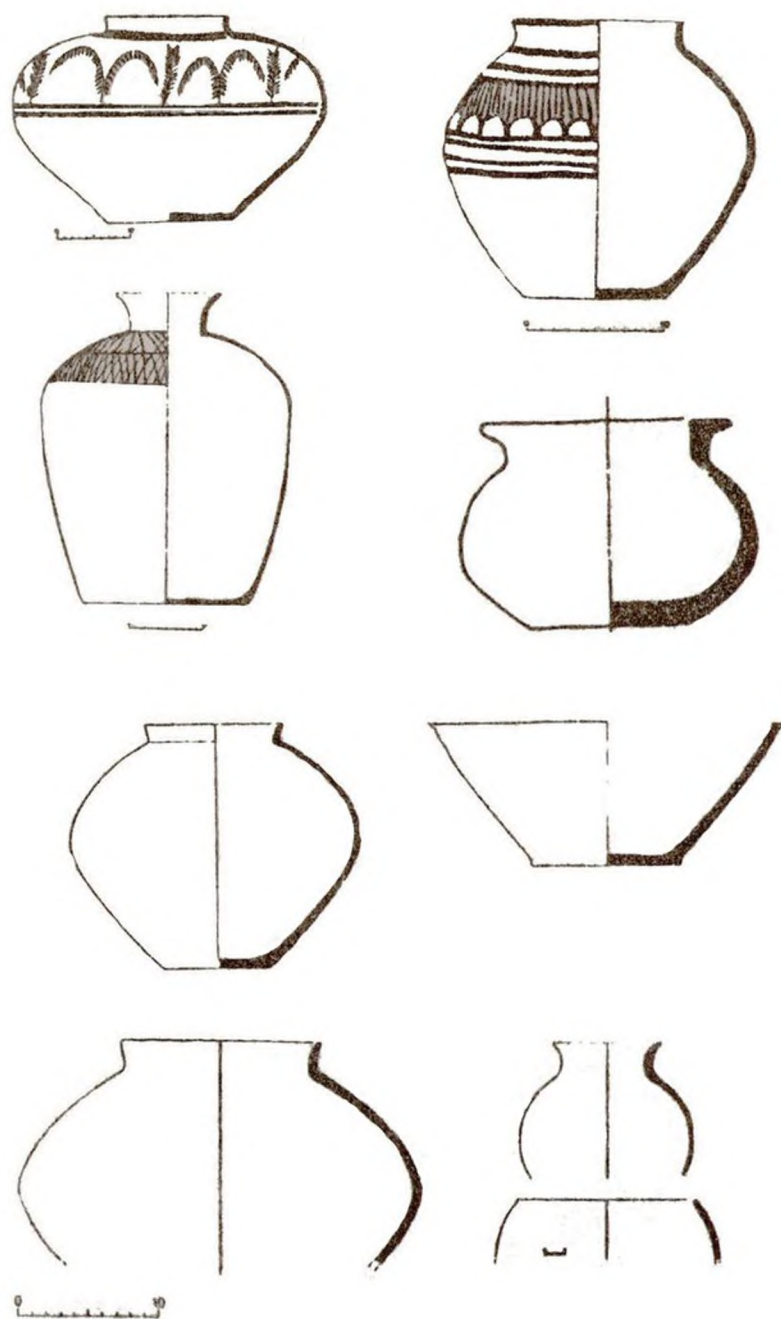

Рис. 8. Саразм. Керамика IV горизонта.

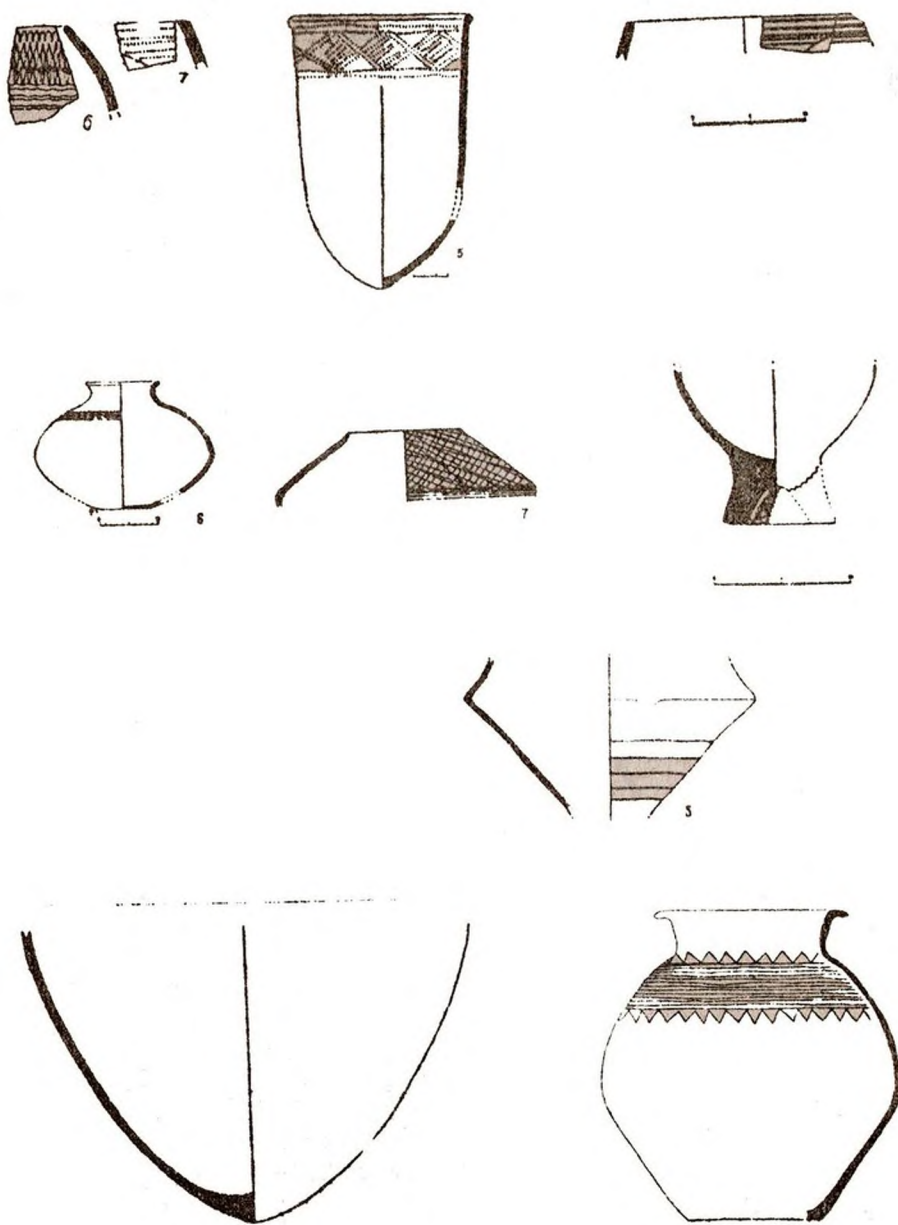

Рис. 9. Саразм. Керамика IV горизонта.

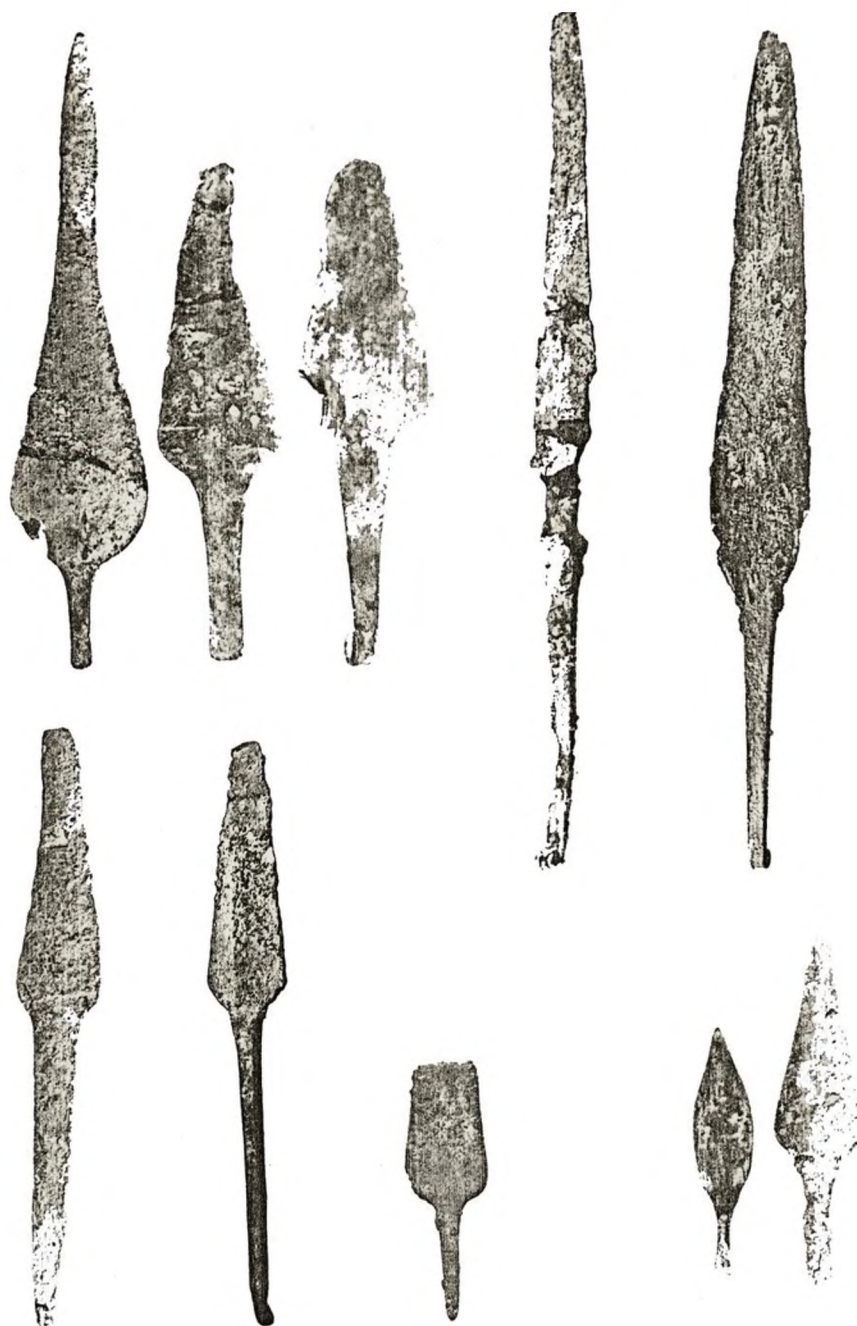

Рис. 10. Саразм. Металлические изделия. Верхний горизонт.

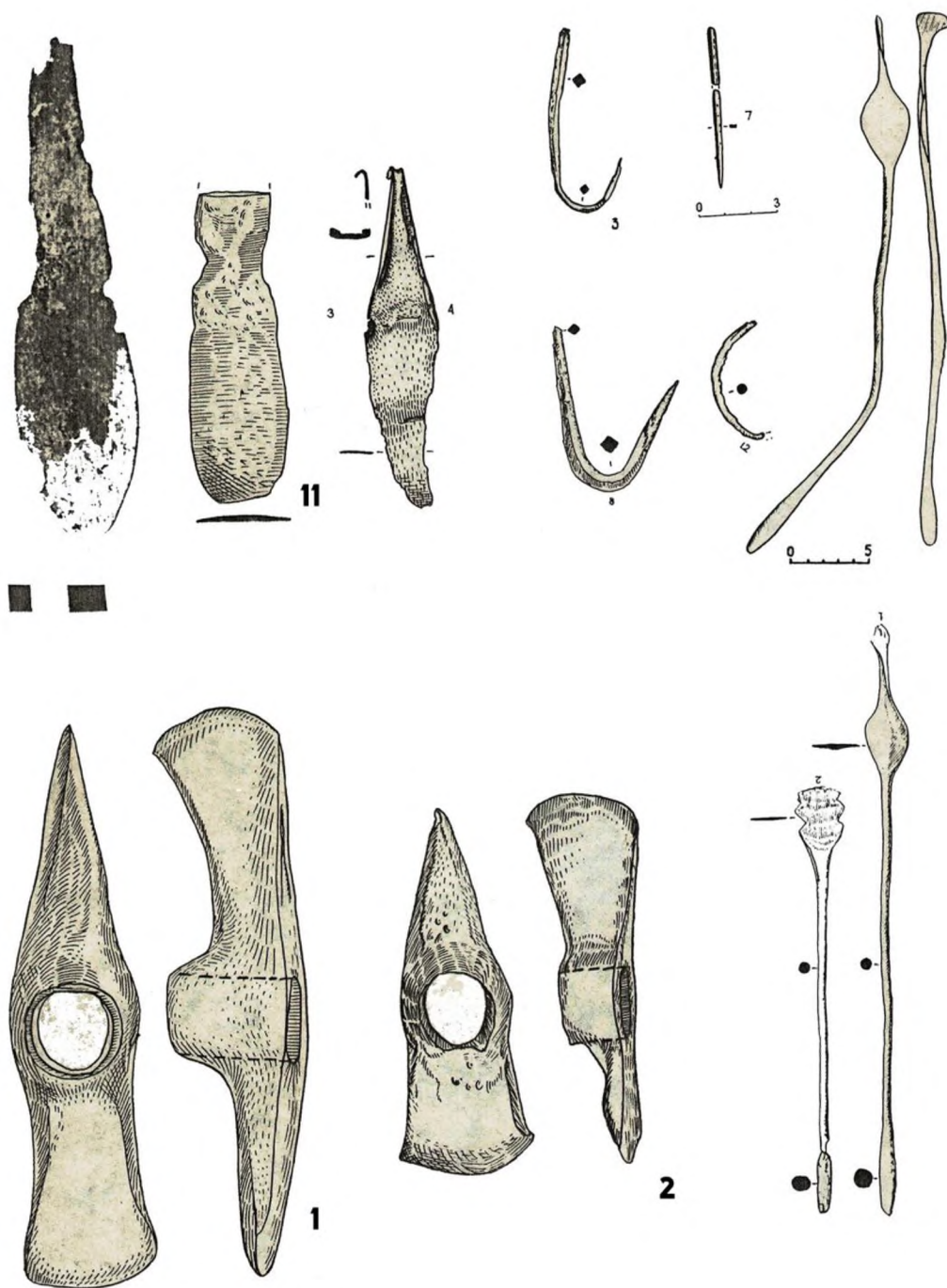

Рис. 11. Саразм. Металлические изделия. Верхний горизонт.

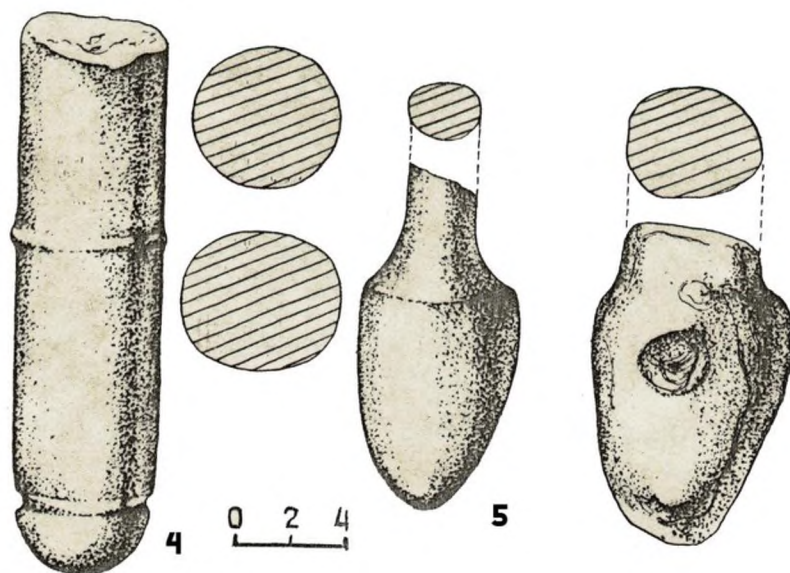
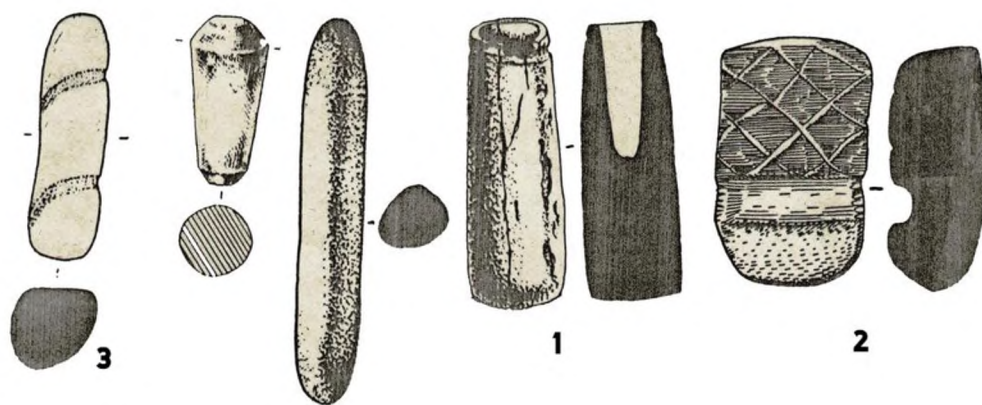

Рис. 12. Саразм. Каменные изделия. Верхний горизонт.

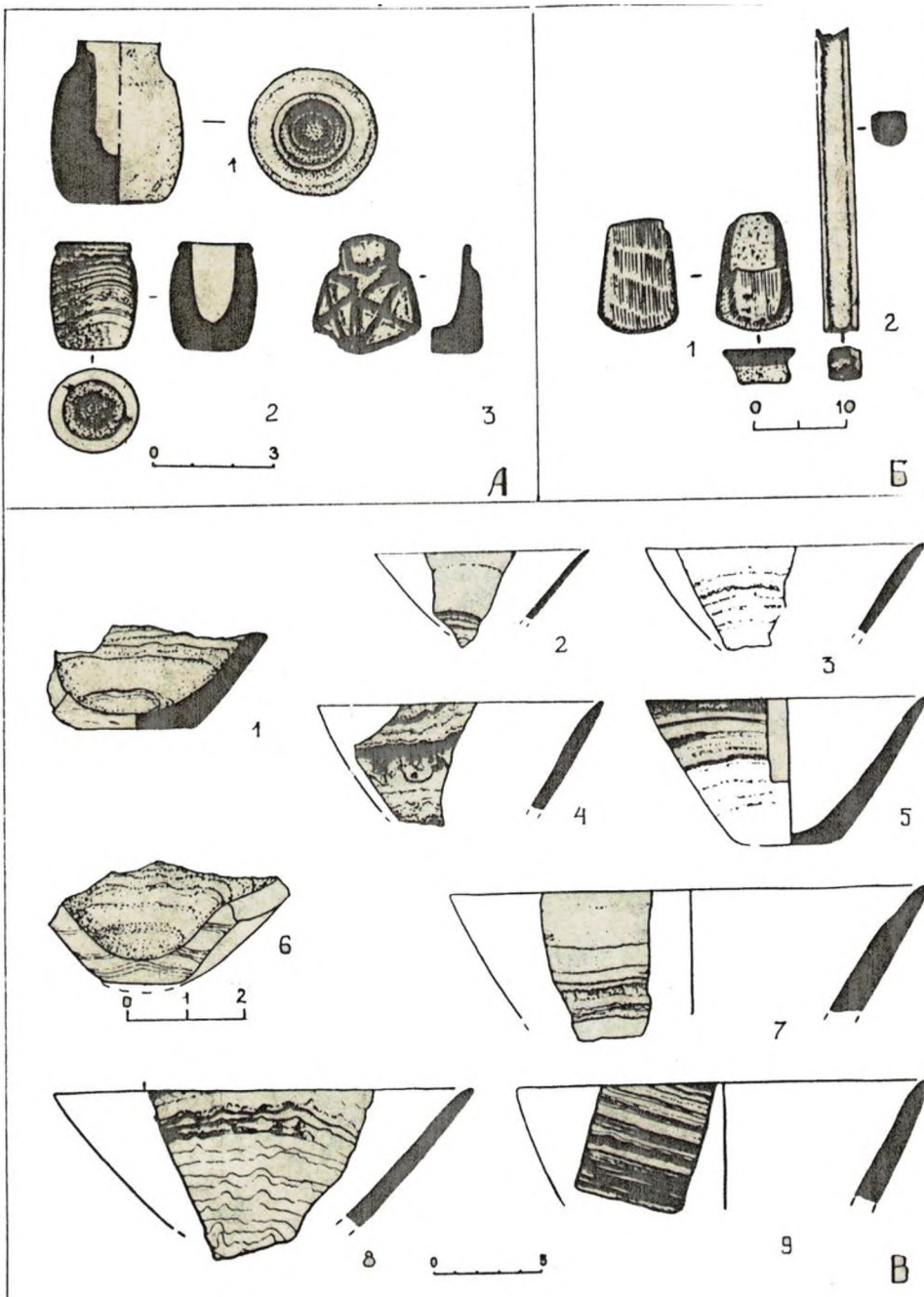

Рис. 13. Саразм. Каменные изделия. Верхний горизонт.

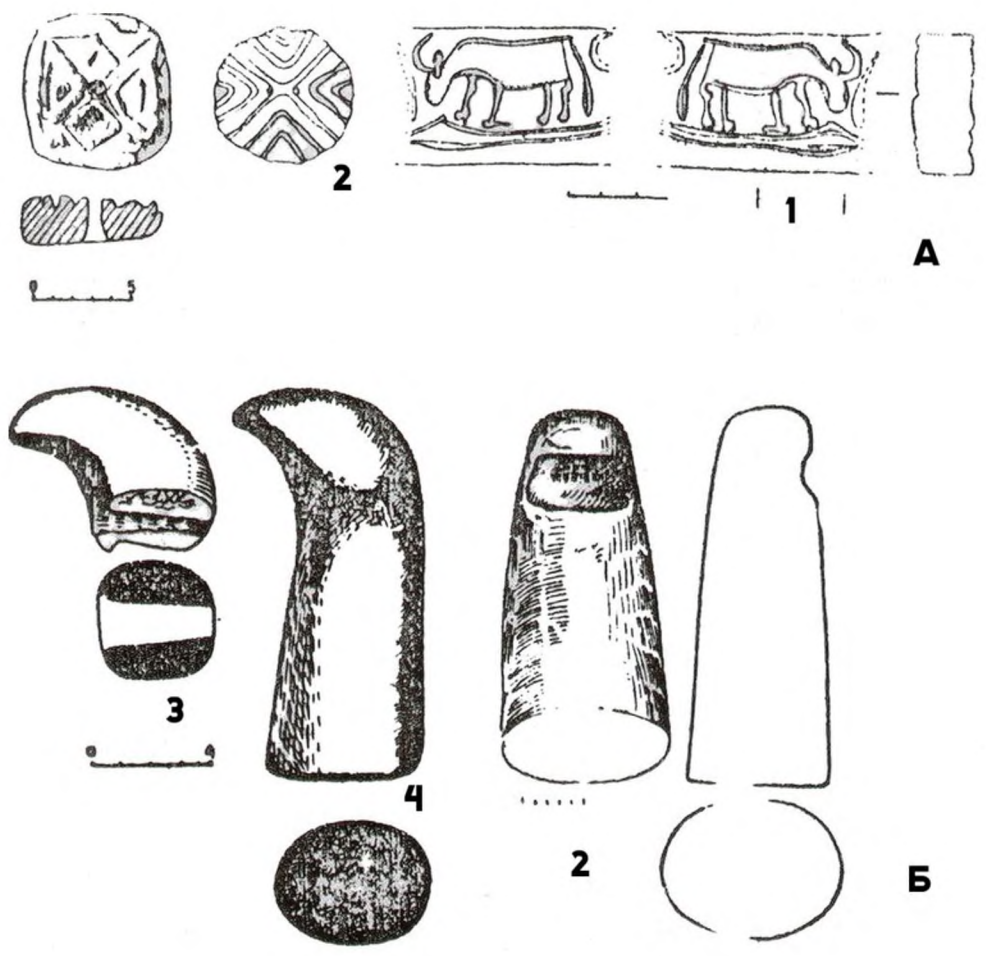

Рис. 14. Саразм. Печати и жезлы.

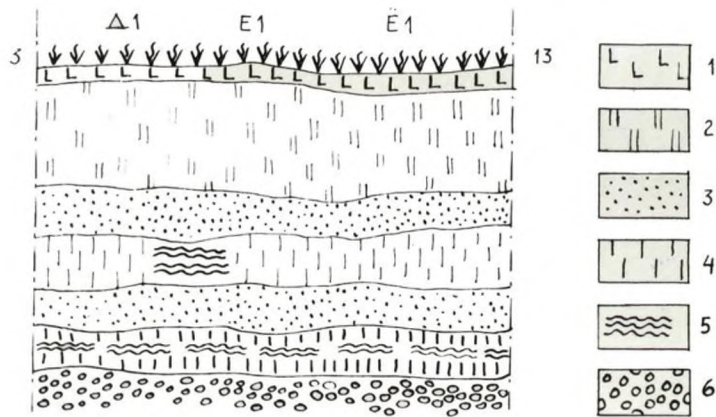
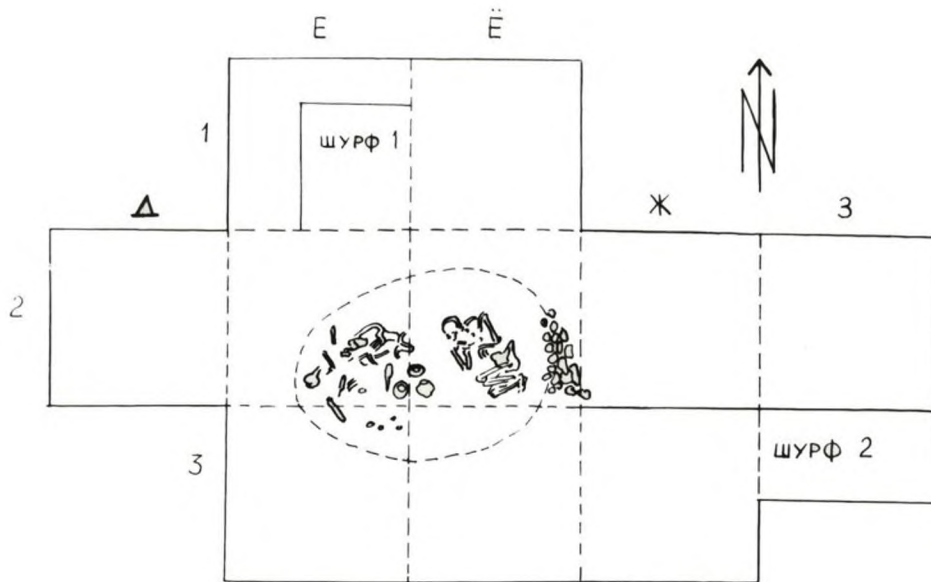

Рис. 15. Зардча Халифа. План и разрез погребения.

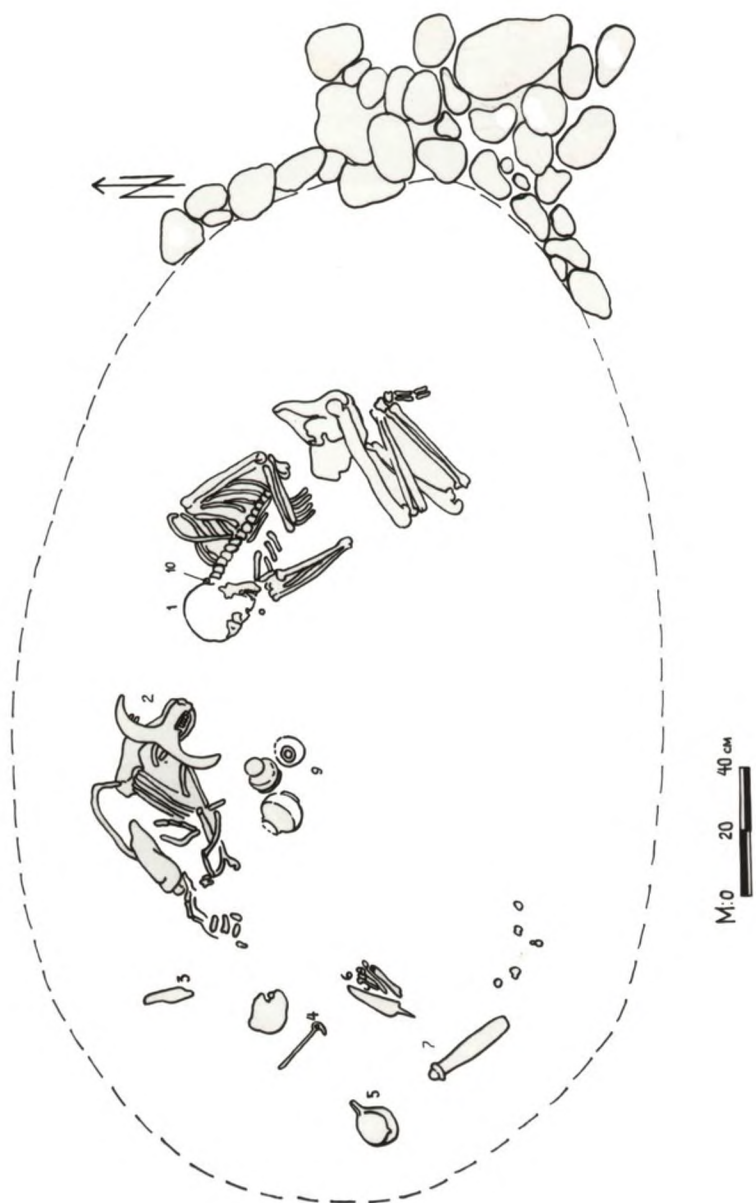

Рис. 16. Зардча Халифа. План погребения.

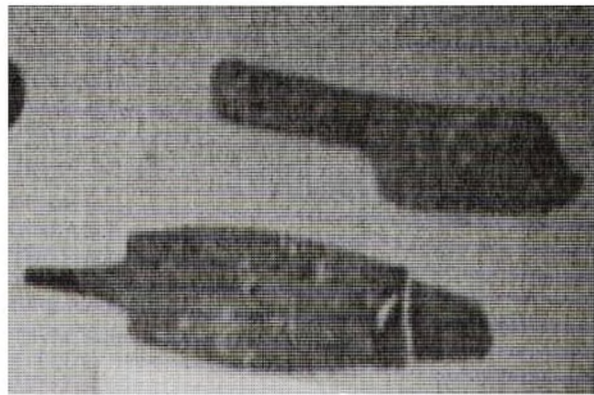
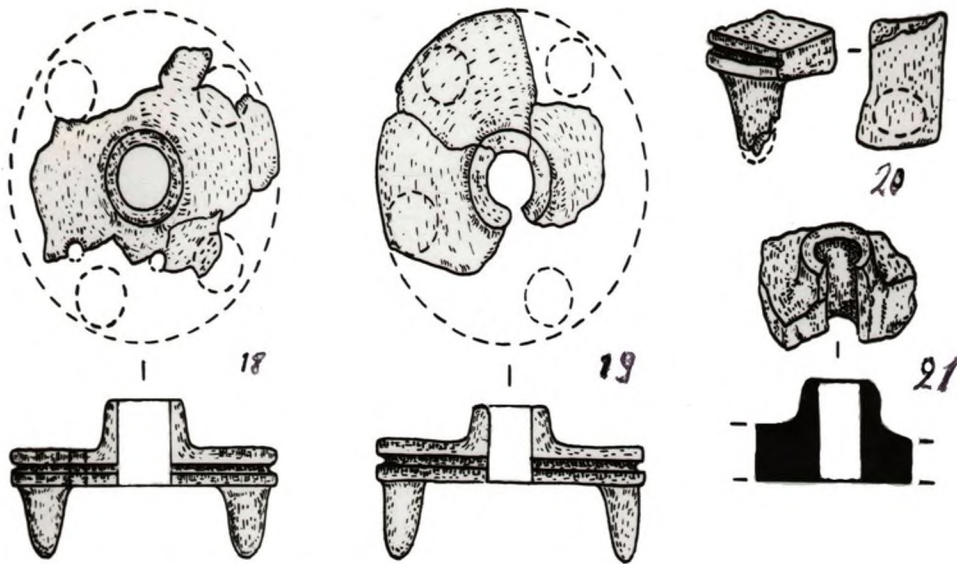

Рис. 17. Зардча Халифа. Костяные писали и ножи.

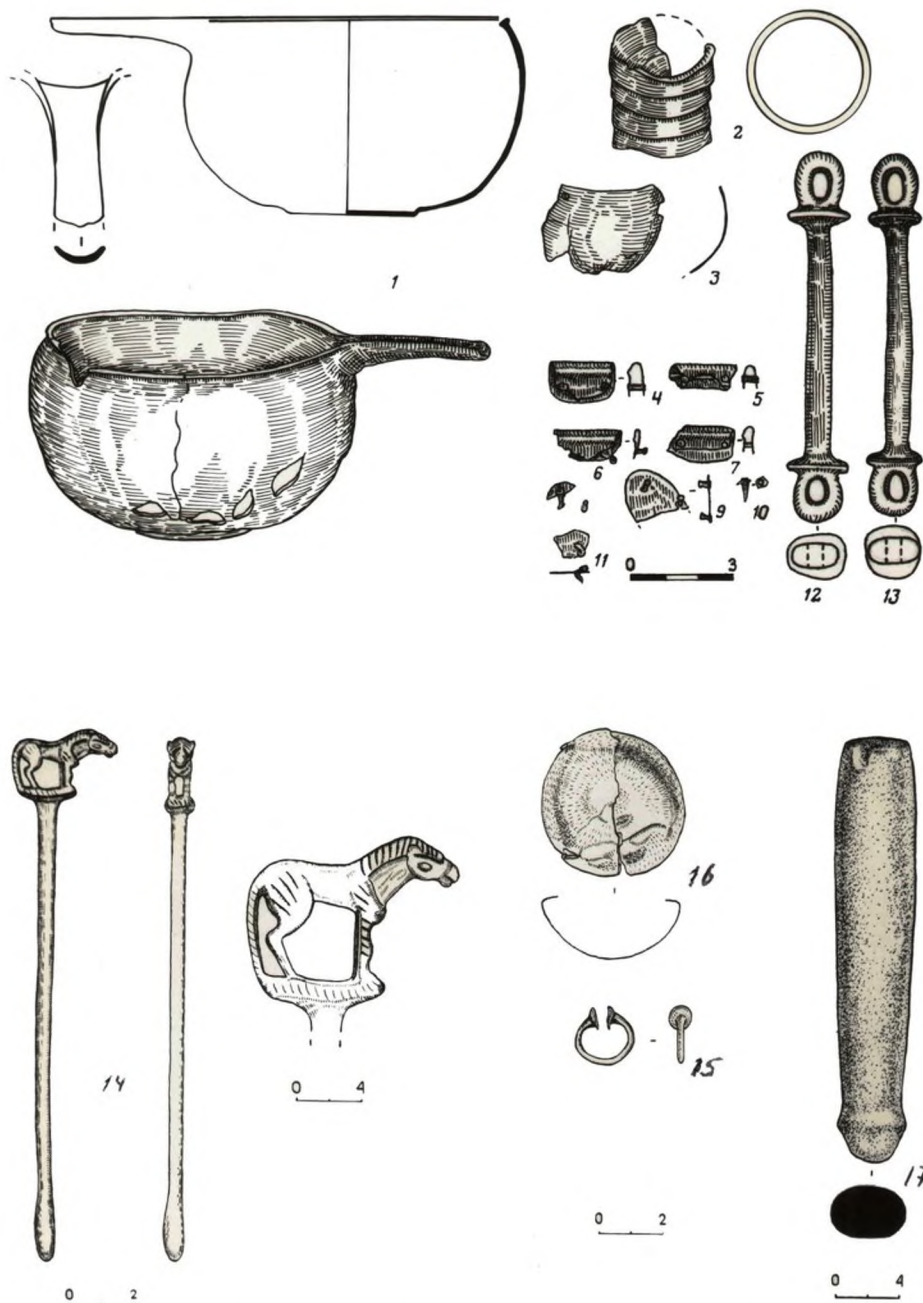

Рис. 18. Зардча Халифа. Металлические изделия, каменные изделия: 1-14 бронза, 15-16 золото, 17-каменный фалис.

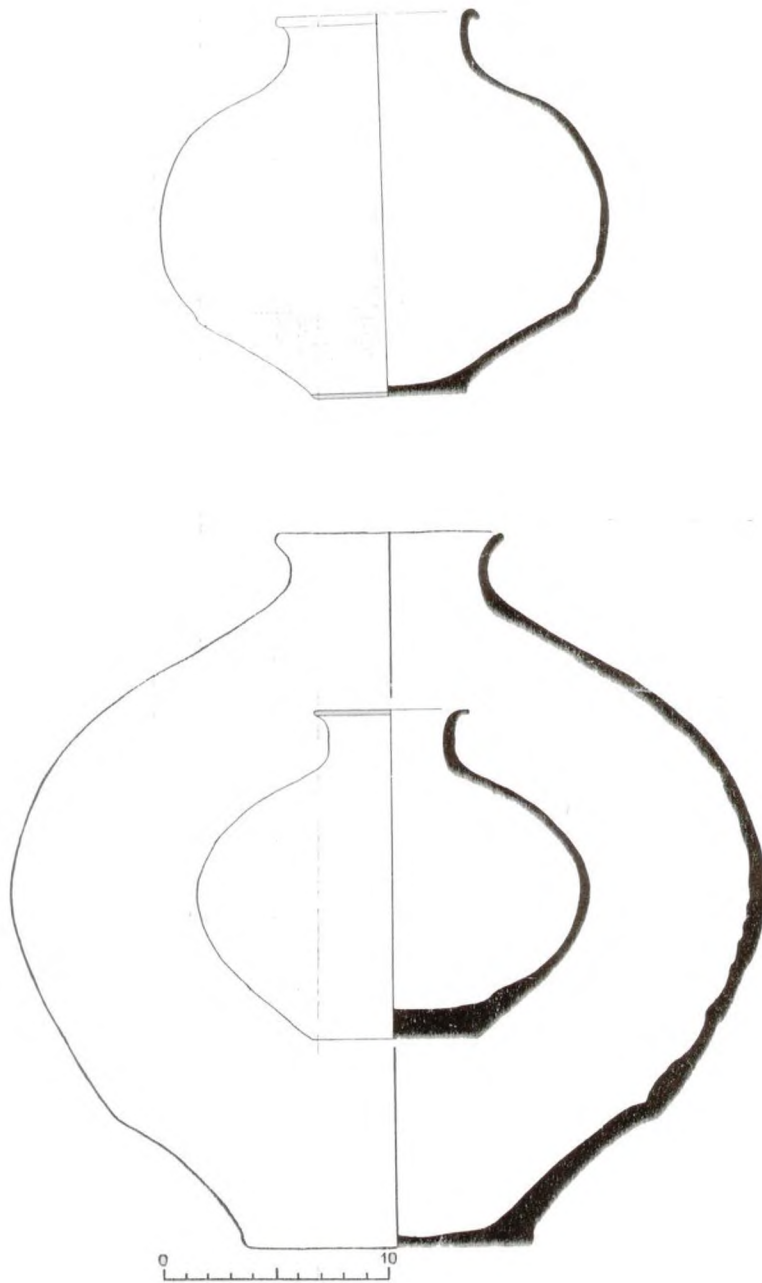

Рис. 19. Зардча Халифа. Керамические сосуды.

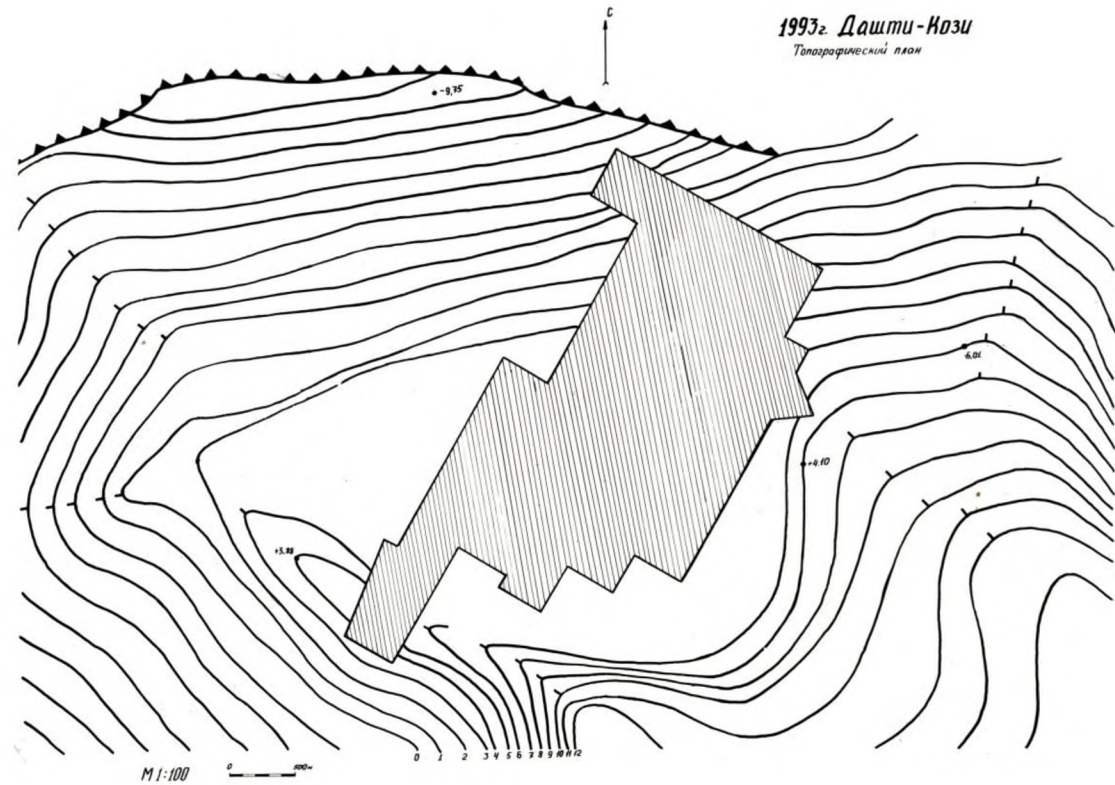

Рис. 20. Дашти Козы. Топографический план.

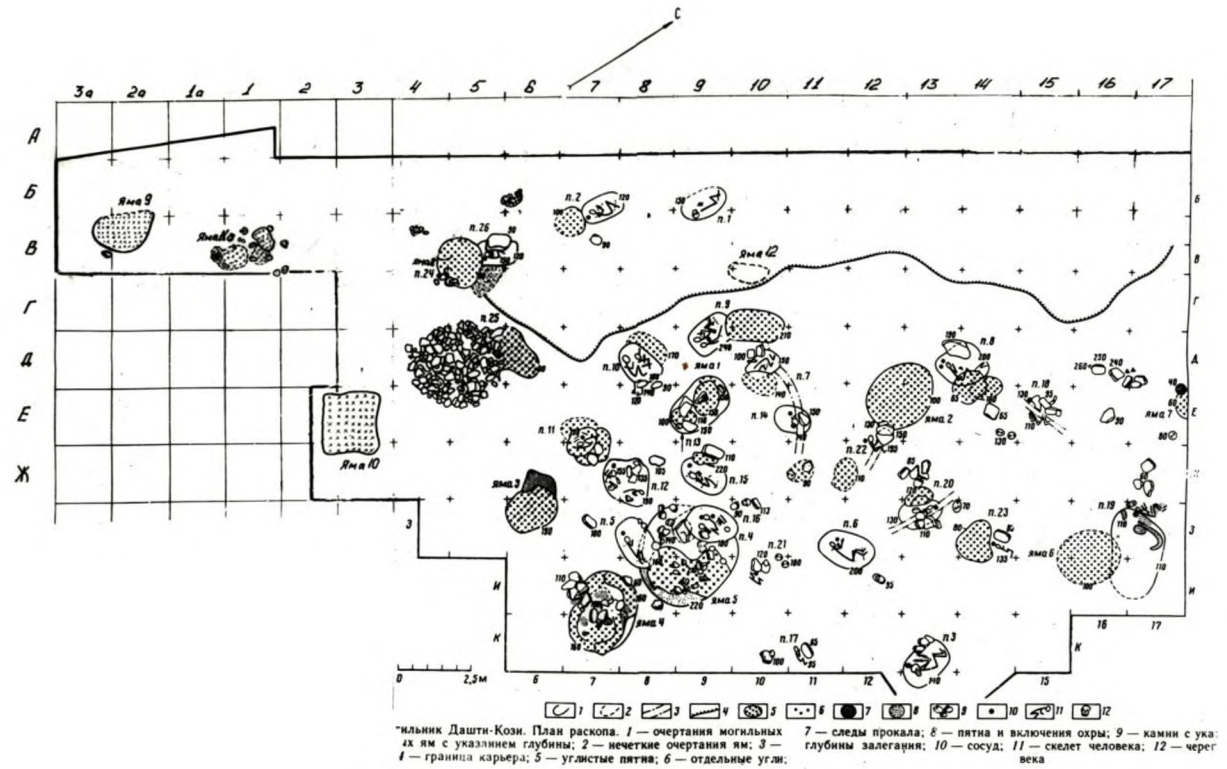
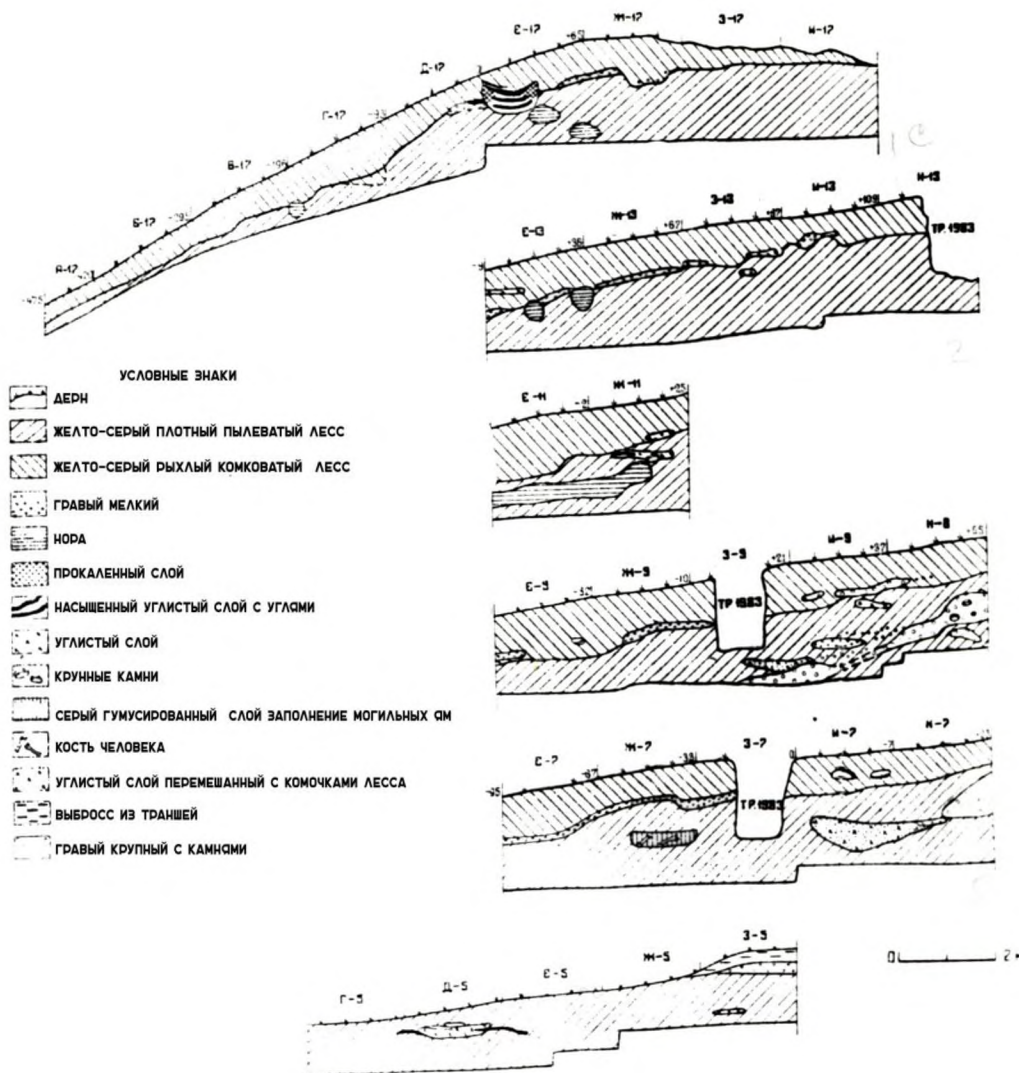

Рис. 21. Дашти Козы. Общий план могильника.

Могильник ДАШТИ-КОЗИ 1983-86 г.г.
 РАЗРЕЗЫ ВОСТОЧНЫХ СТЕНОК

Рис. 22. Дашти Козы. План и разрез.

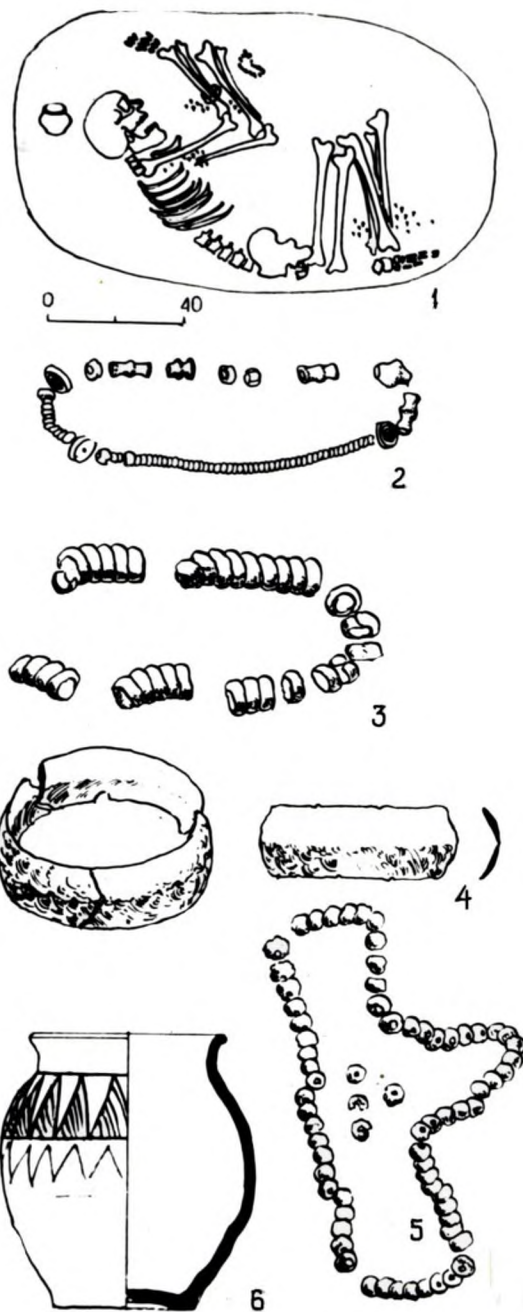

Рис. 23. Дашти Козы. План погребения 1, археологический комплекс.

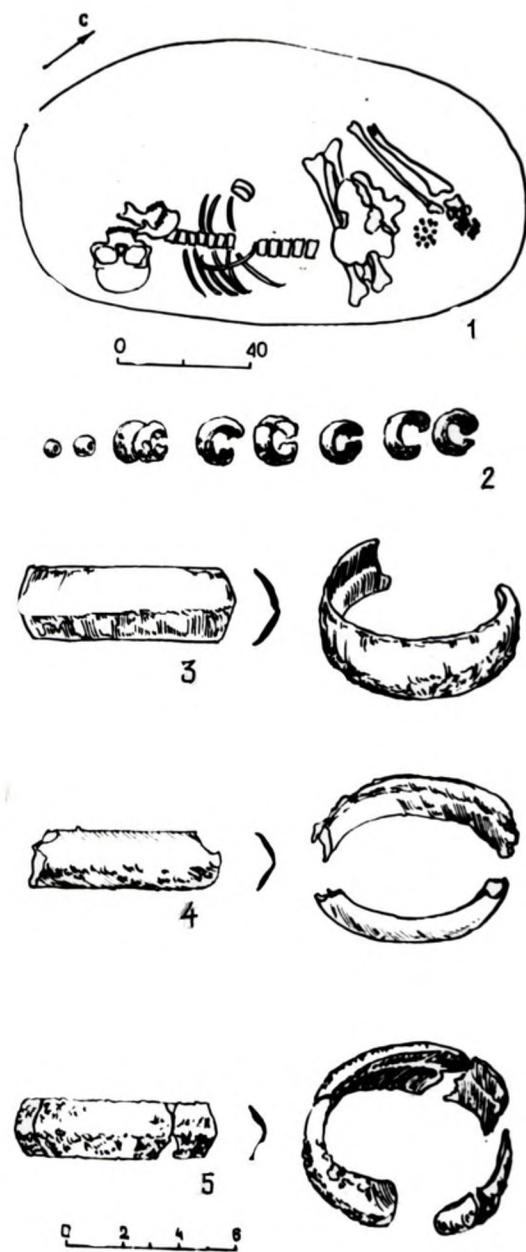

Рис. 24. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 2.

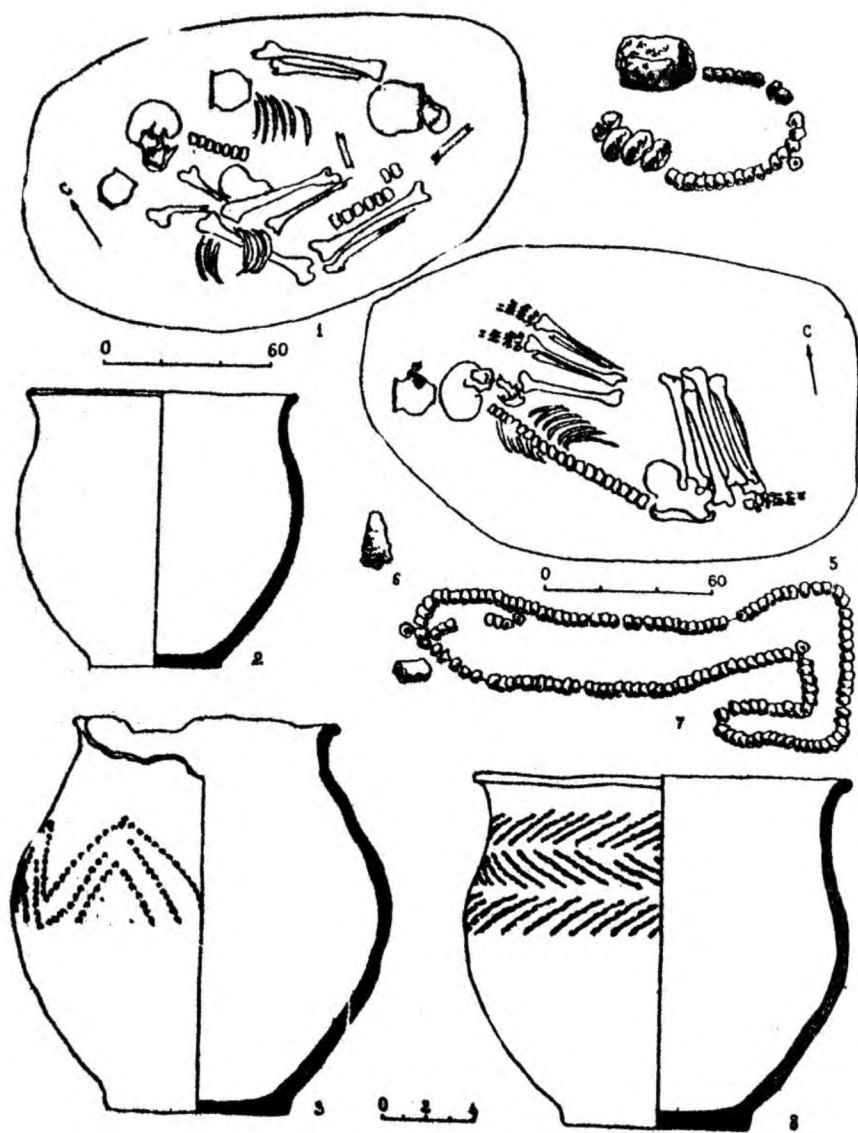

Рис. 25. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 4, 5.

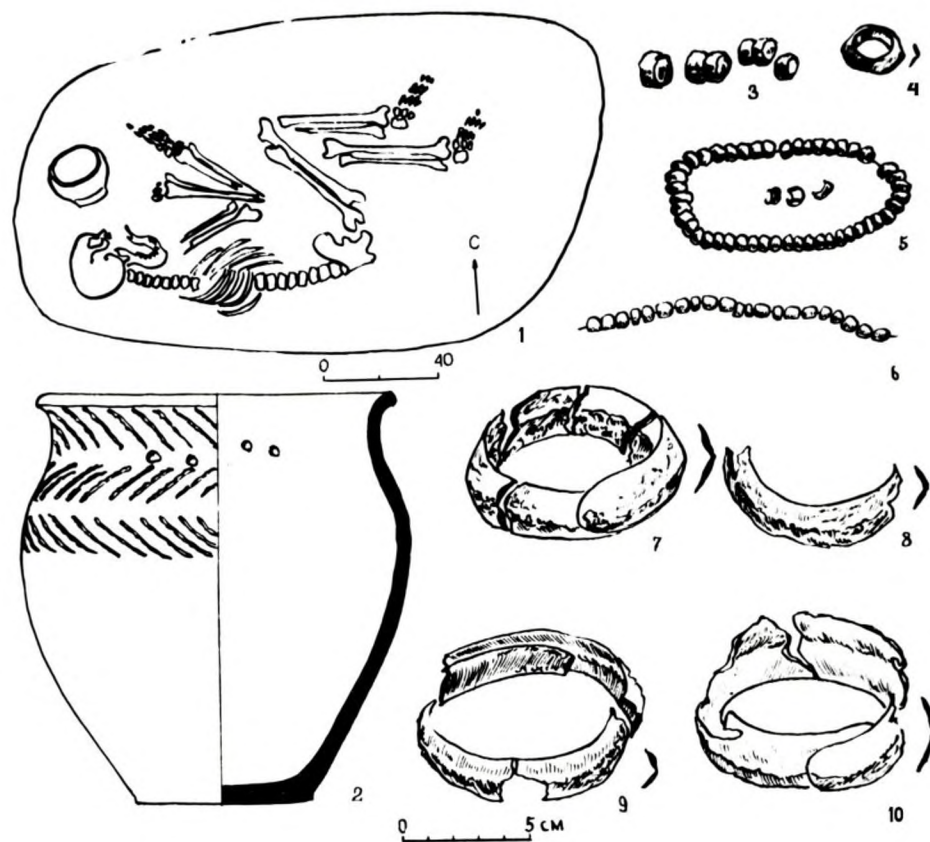

Рис. 26. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 6.

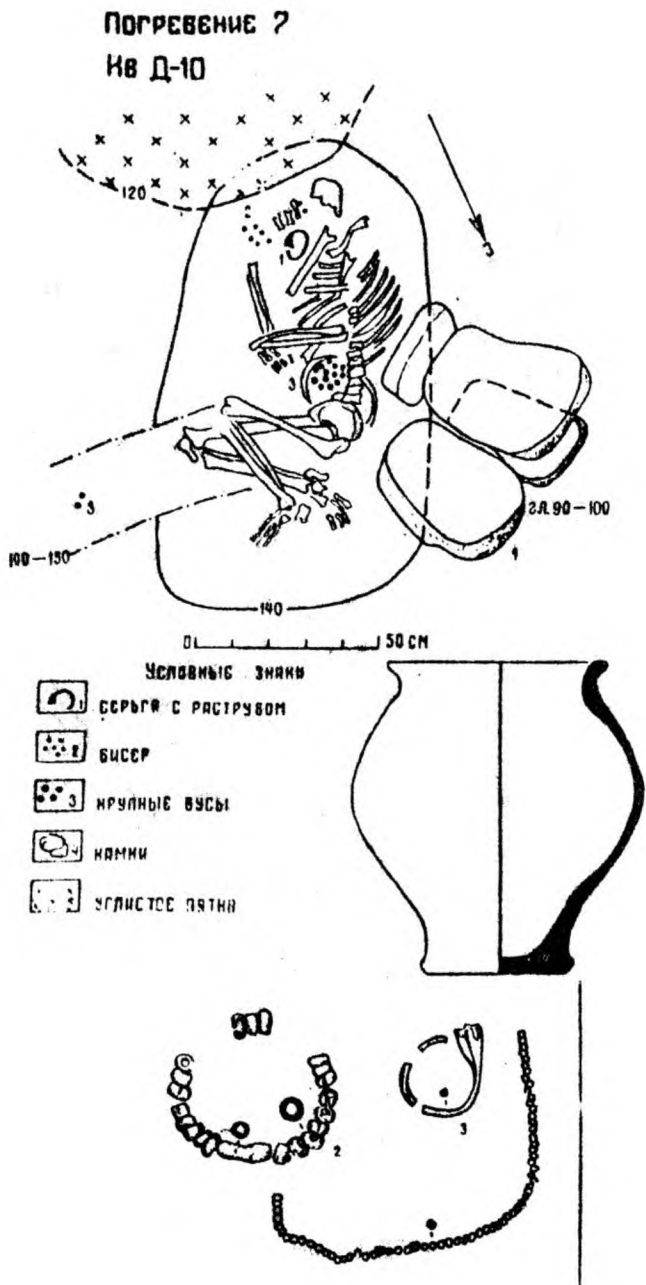

Рис. 27. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 7.

ПОГРЕБЕНИЕ 8

КВ. Д-13, 14

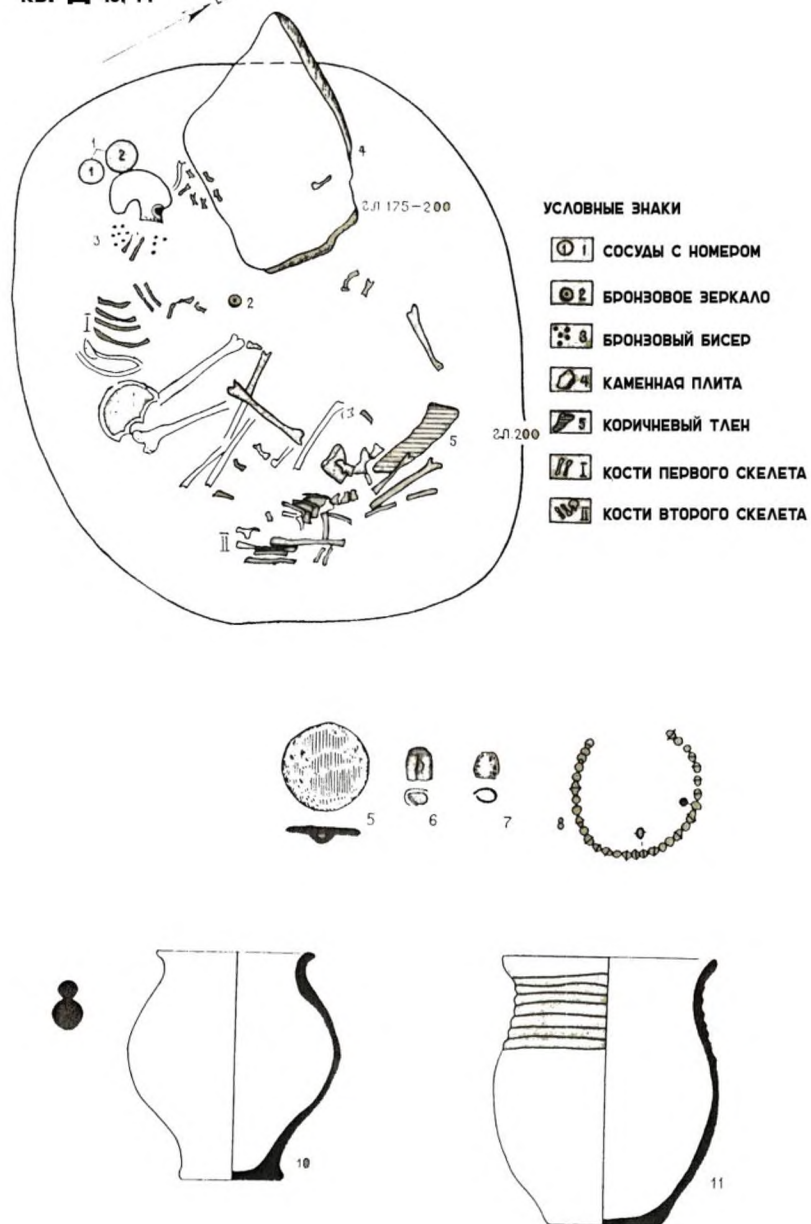

Рис. 28. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 8.

ПОГРЕБЕНИЕ 9

Кв. Г.Д-9

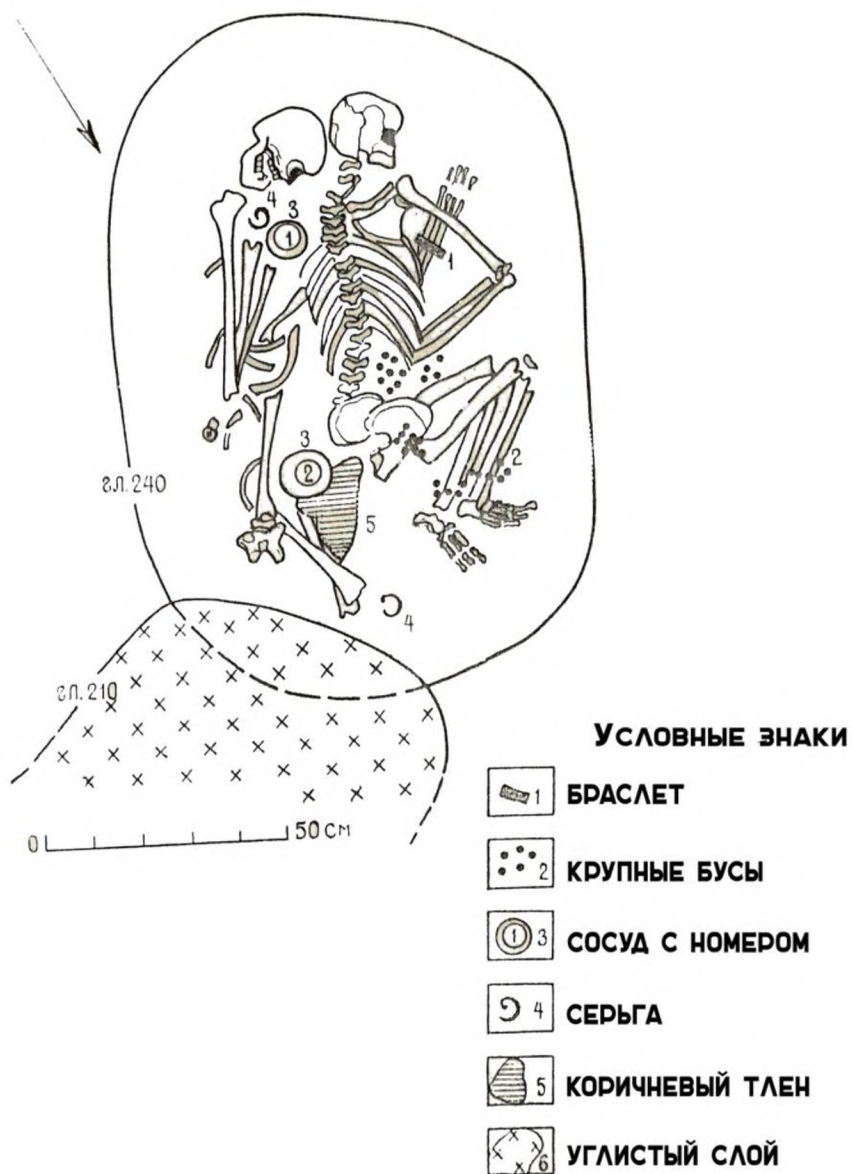

Рис. 29. Дашти Козы. План погребения 9.

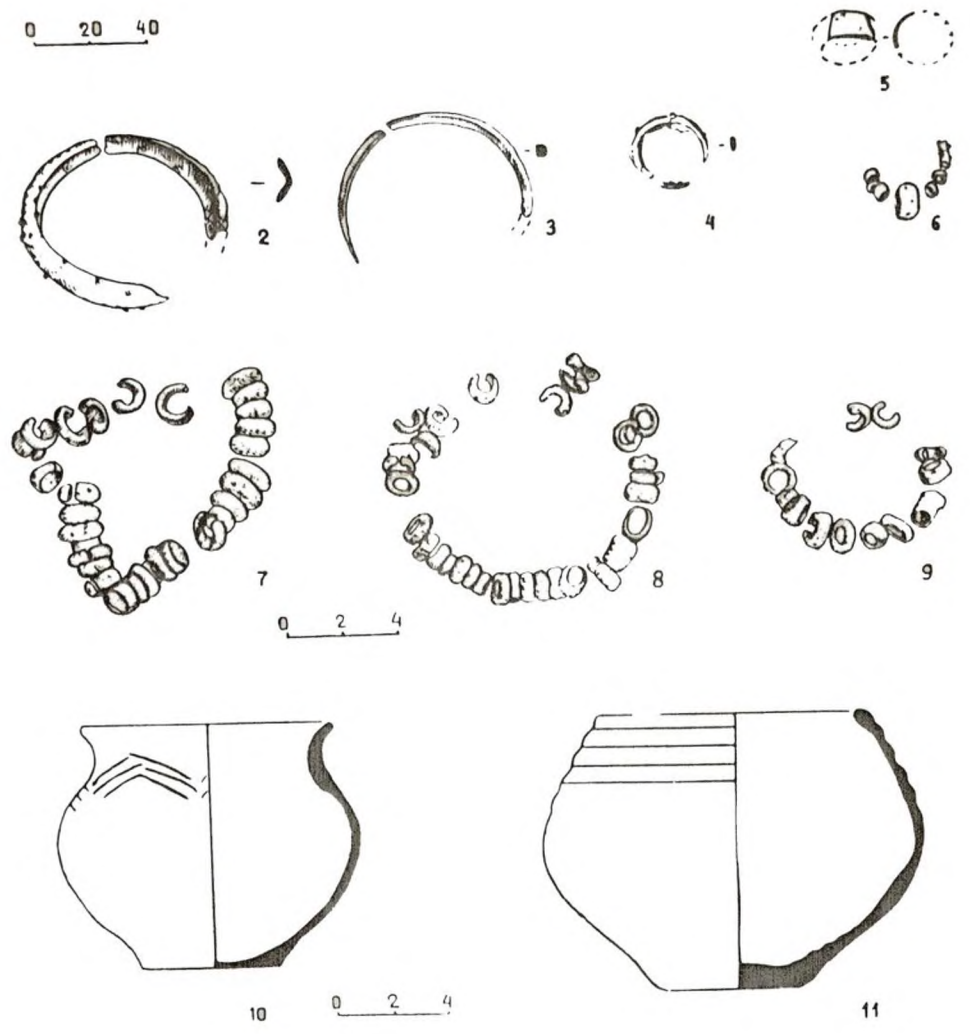

Рис. 30. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 9.

ПОГРЕБЕНИЕ 10
Кв. Д-8

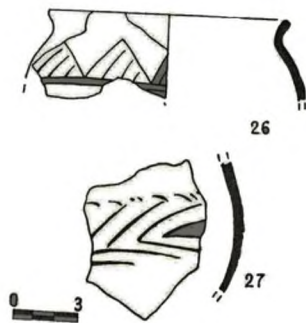
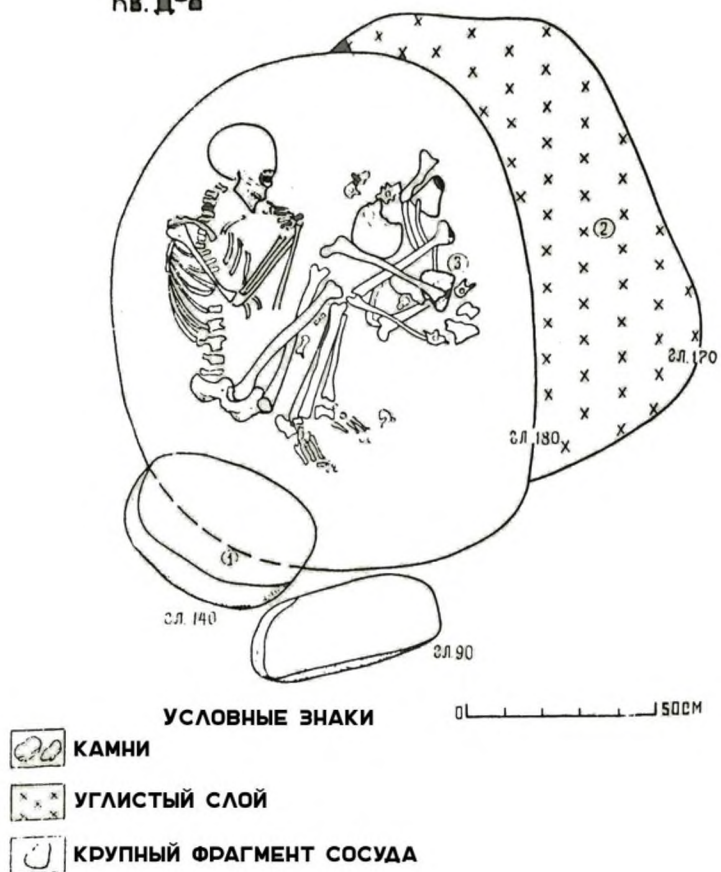

Рис. 31. Дашти Козы. План и археологический комплекс погребения 10.

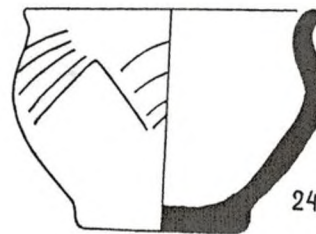
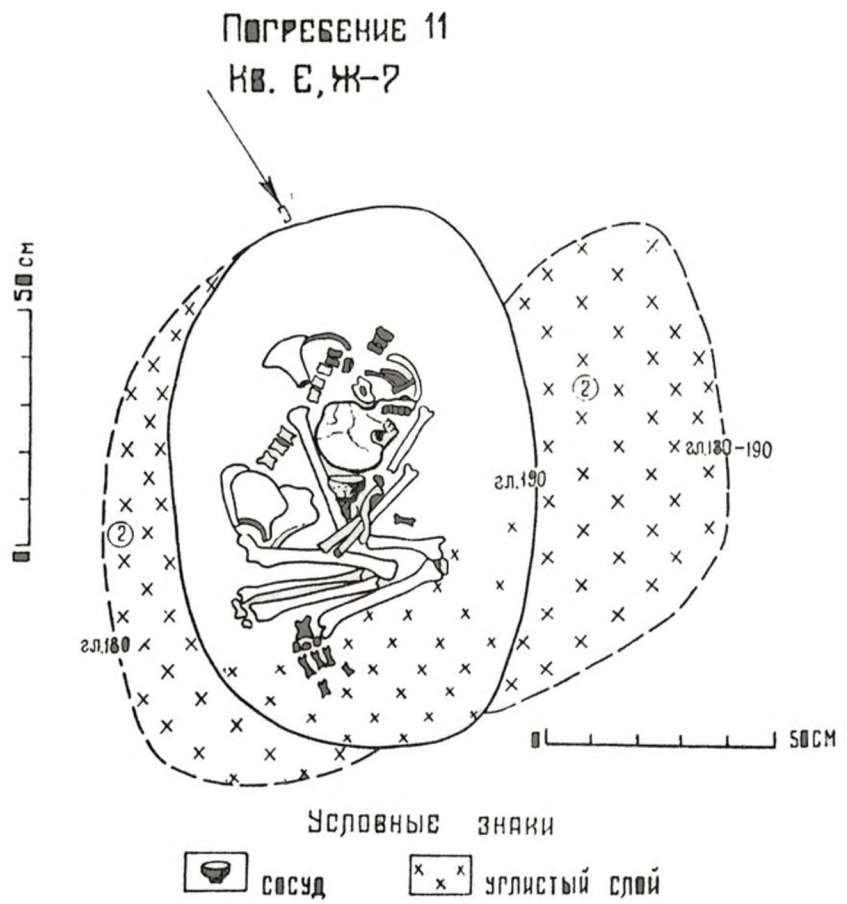

Рис. 32. Дашти Козы. План погребения 11.

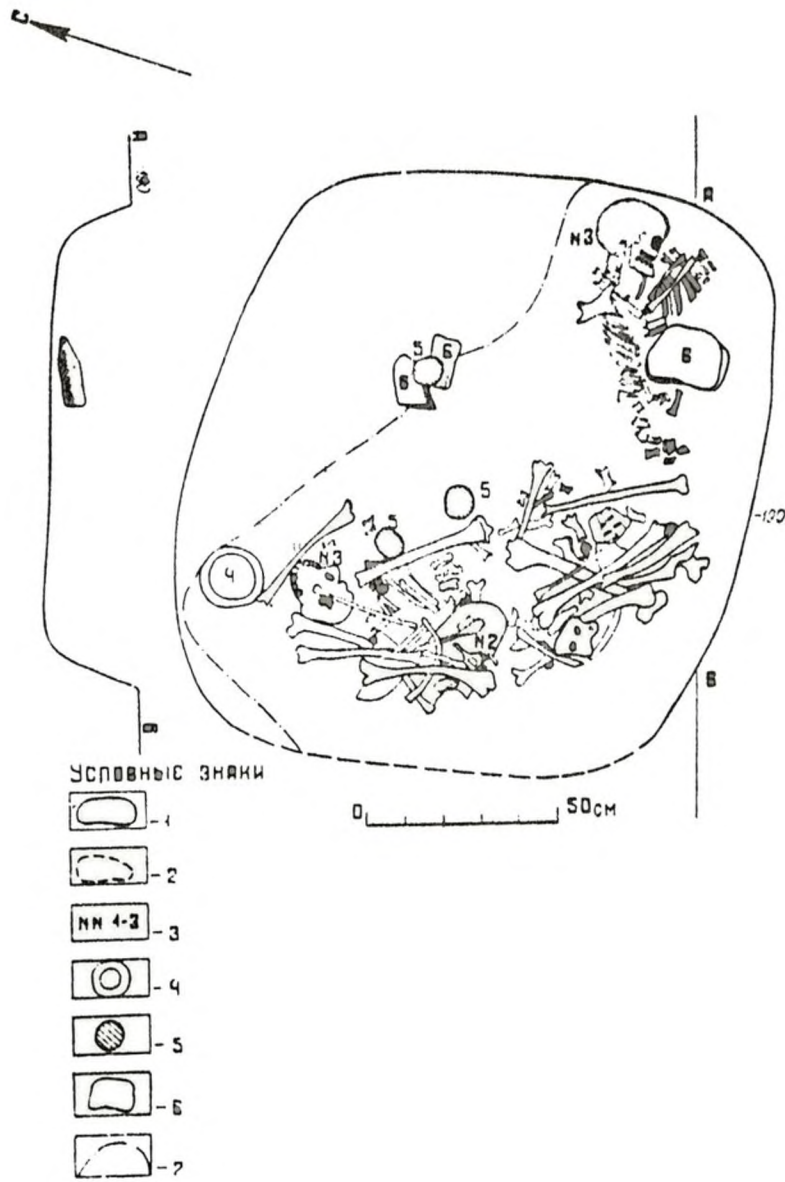

Рис. 33. Дашти Козы. План погребения 12.

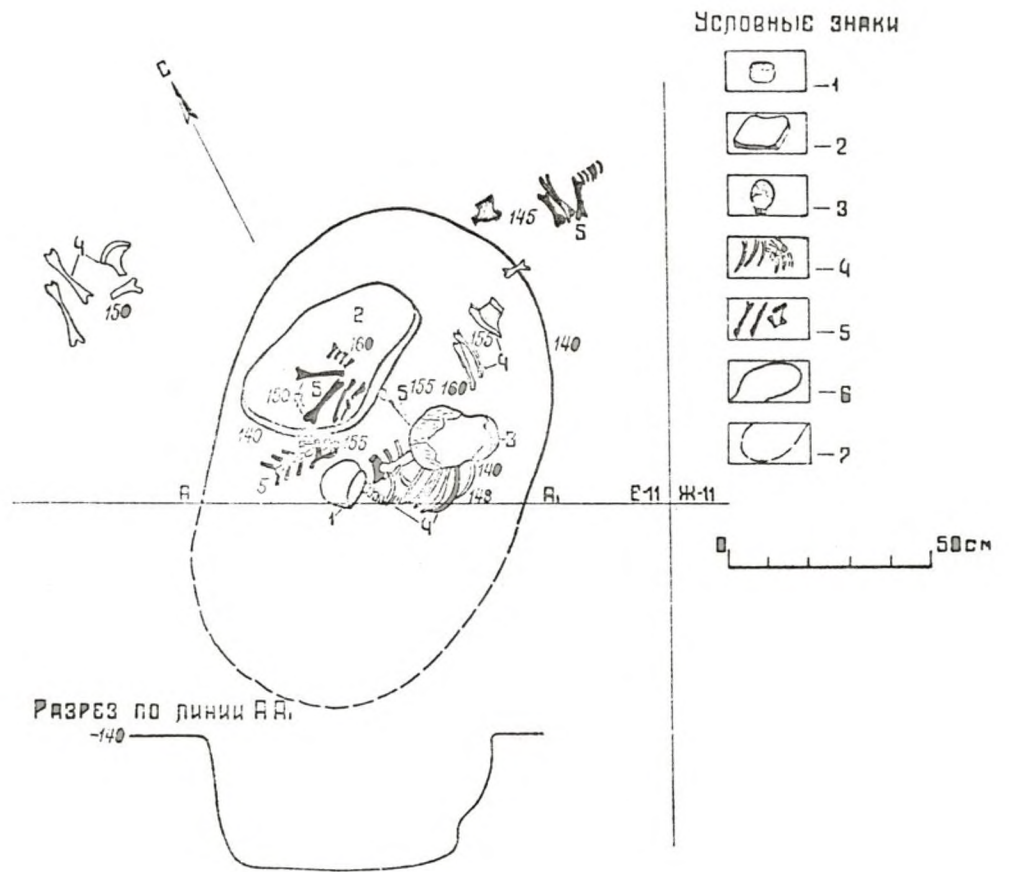
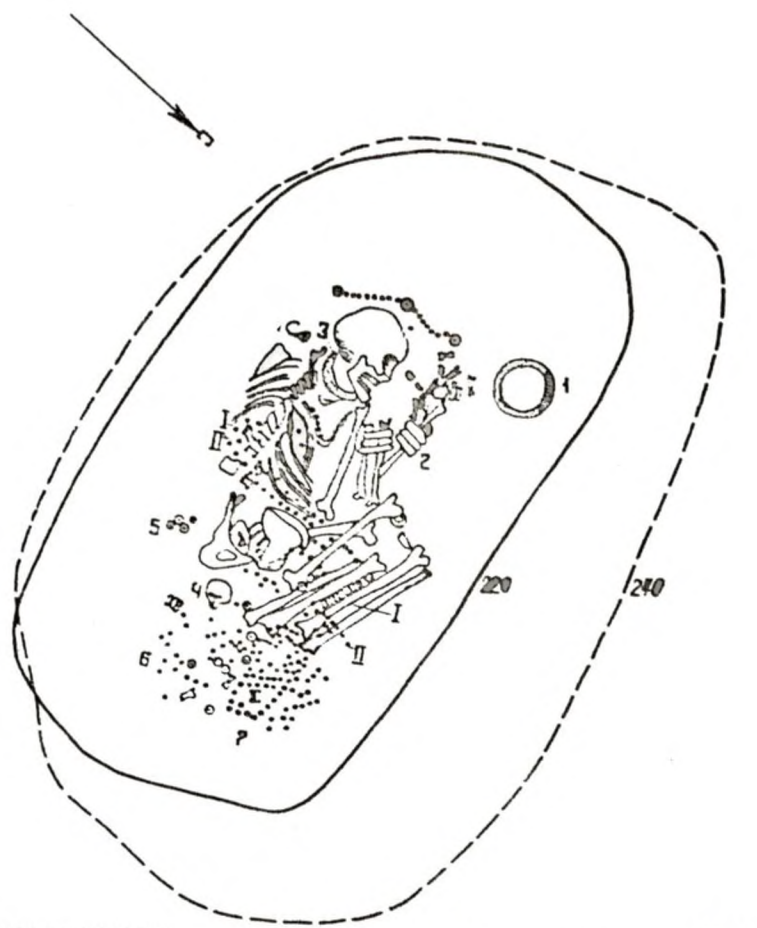

Рис. 34. Дашти Козы. План погребения 14.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

		-5
		-6
		-7
		-8
		-9

0 50 см

Рис. 35. Дашти Козы. План погребения 15.

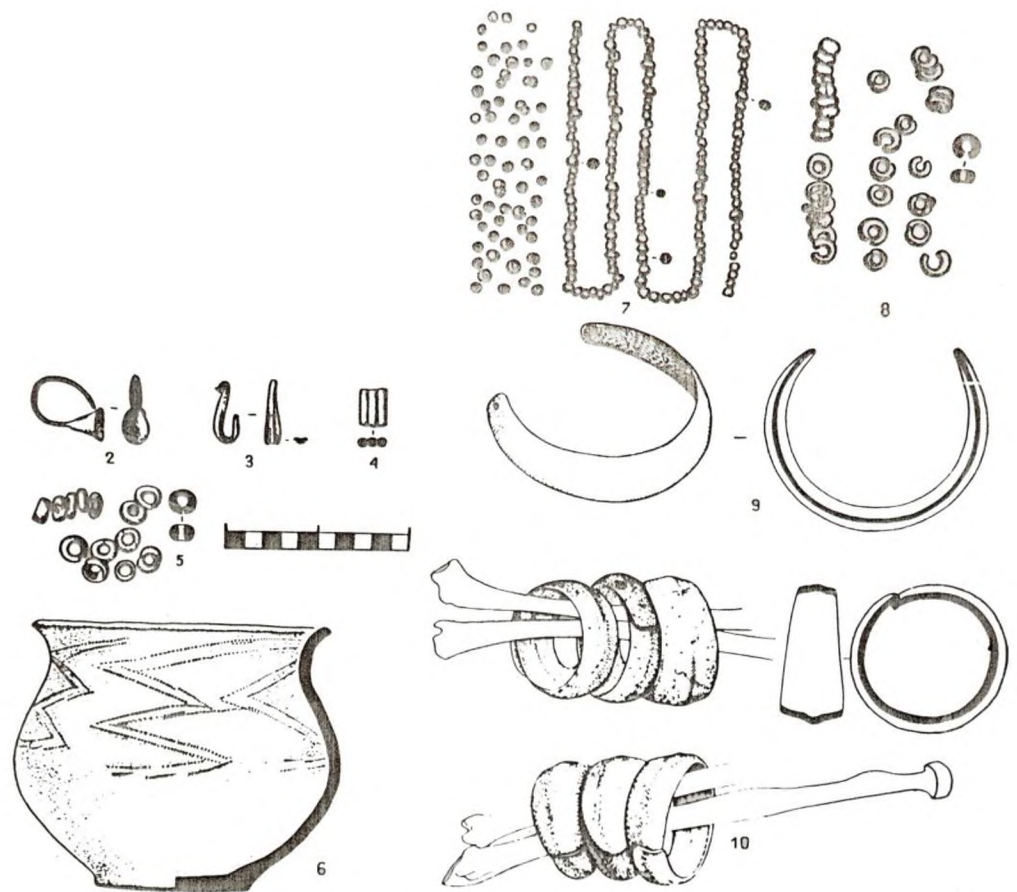

Рис. 36. Дашти Козы. Археологический комплекс погребения 15

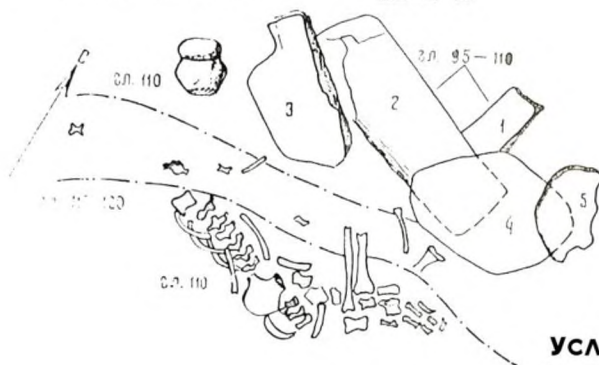
**МОГ - К ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 17
КВ. К-11**

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 50 см

**МОГ-К ДАШТИ- КОЗЫ-86
ПОГРЕБИЯ 18**

КВ Е-15

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

КАМНИ С НОМЕРОМ

СОСУД

НОРА

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 50 см

Рис. 37. Дашти Козы. План погребения 17, 18.

МОГ-К ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 19
КВ. 3-17

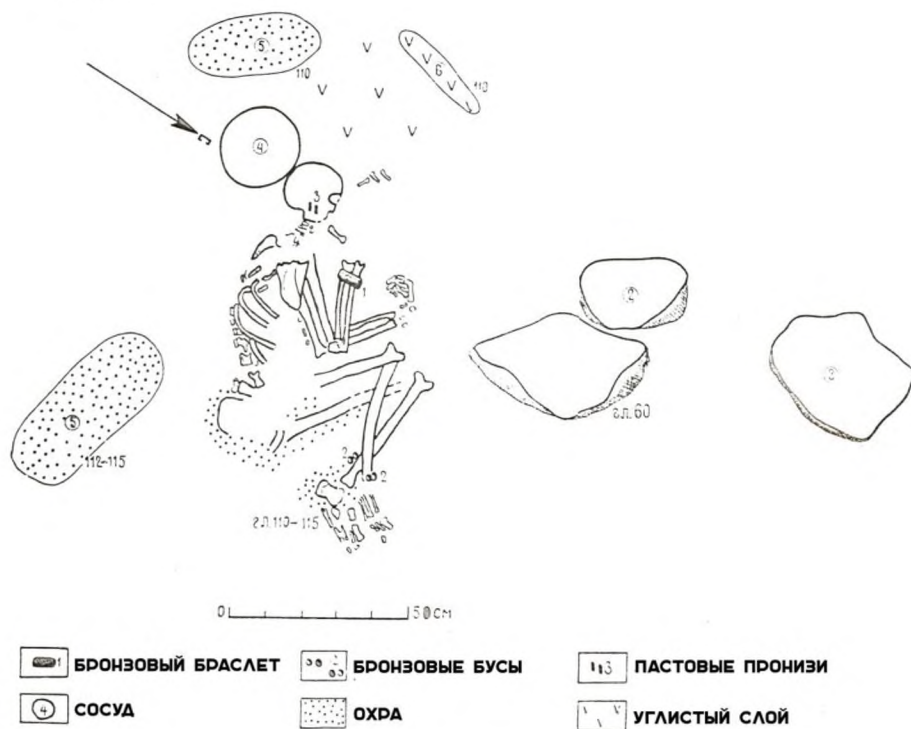

Рис. 38. Дашти Козы. План погребения 19.

М-НИК ДАШТИ-КОЗЫ-86
 ПОГРЕБЕНИЕ 20
 КВ. 3/13

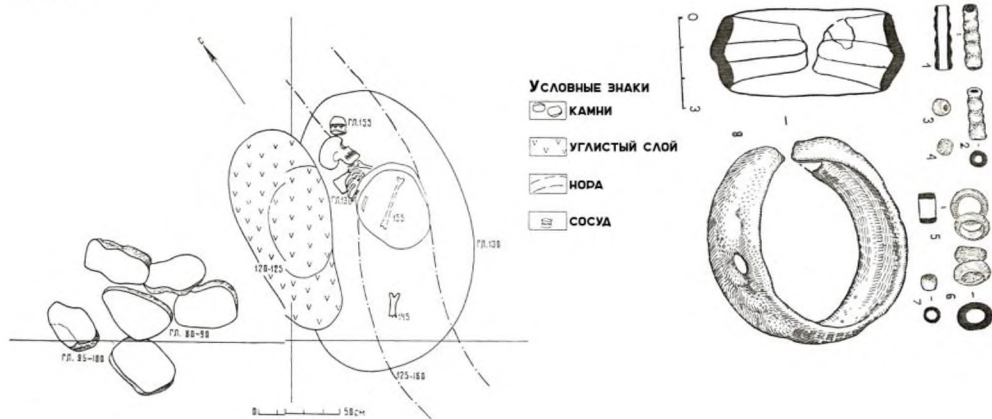

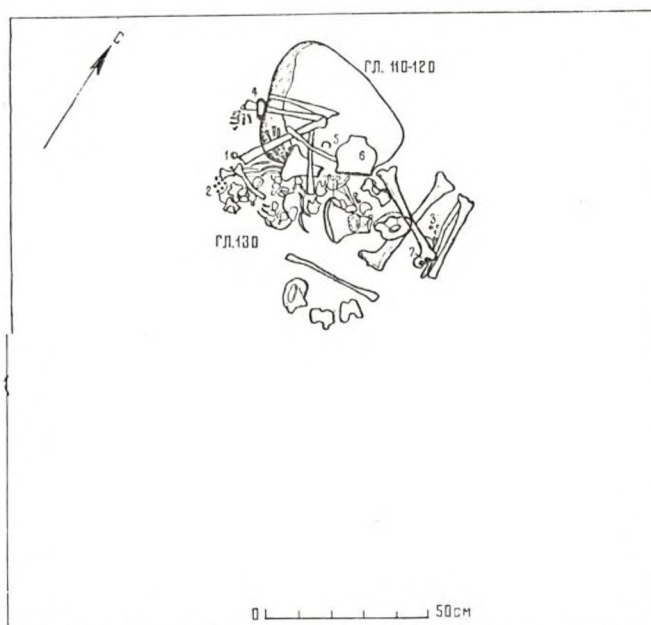
Рис. 39. Дашти Козы. План погребения 20.

МОГ-К ДАШТИ-КОЗЫ-86

ПОГРЕБЕНИЕ 21

КВ. И/10

Условные знаки

1. БУСИНА КРУПНАЯ	5. БРАСЛЕТ
2. БУСЫ 6 ШТ.	6. СОСУД
3. БУСЫ КРУПНЫЕ 4 ШТ.	7. БУСЫ
4. БРАСЛЕТ	

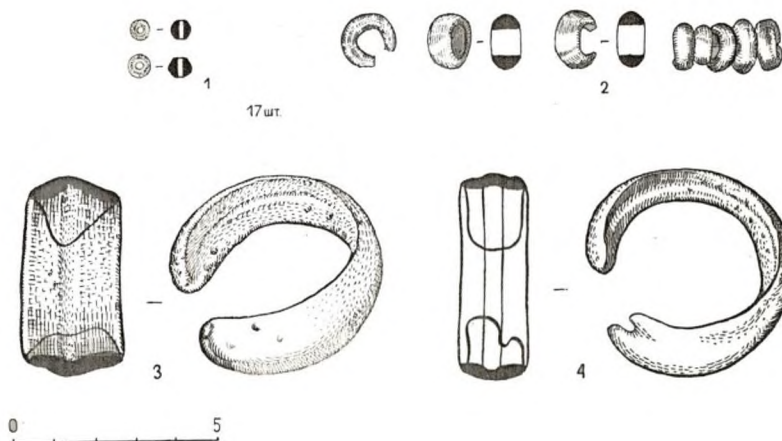

Рис. 40. Дашти Козы. План и археологический комплекс погребения 21.

МОГ-К ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ
КВ. ЕЖ/12

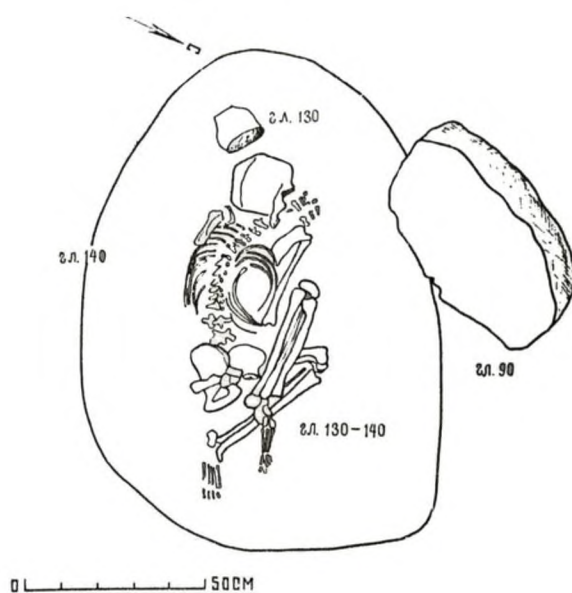
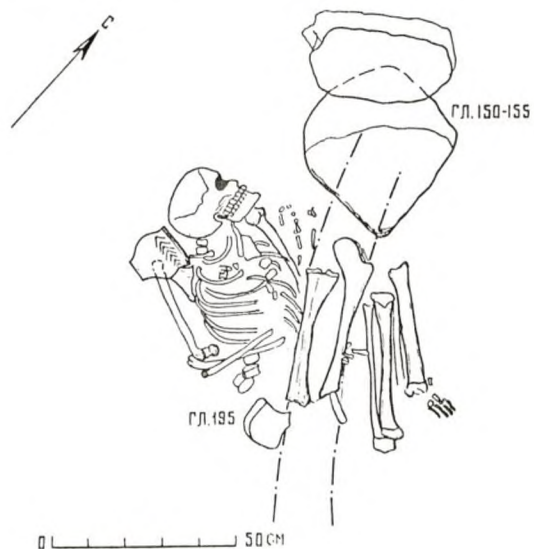
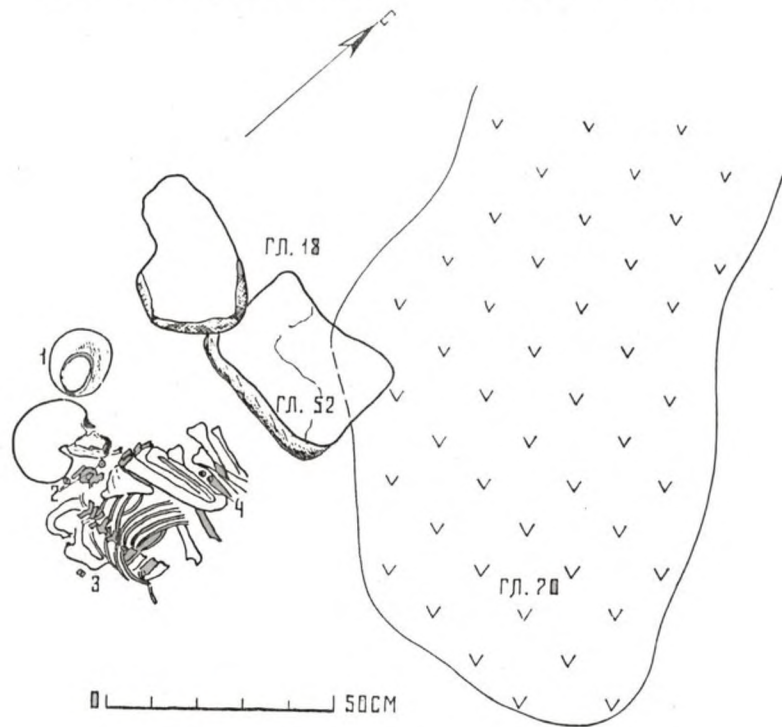

Рис. 41. Дашти Козы. План погребения 22-23.

**МОГ-К. ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 24   КВ. Г/4,5**

- Условные знаки
- 1 сосуд
  - 2. костяные нашивки круглые
  - 3 костяная нашивка квадратная
  - 4 бусы бронзовые
  - ⌋⌋ углистый слой

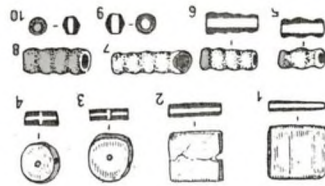

Рис. 42. Дашти Козы. План и археологический комплекс погребения 24.

Рис. 43. Дашти Козы. Вид погребения 25.

МОГИЛЬНИК ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 25   КВ. Д.Е/4,5

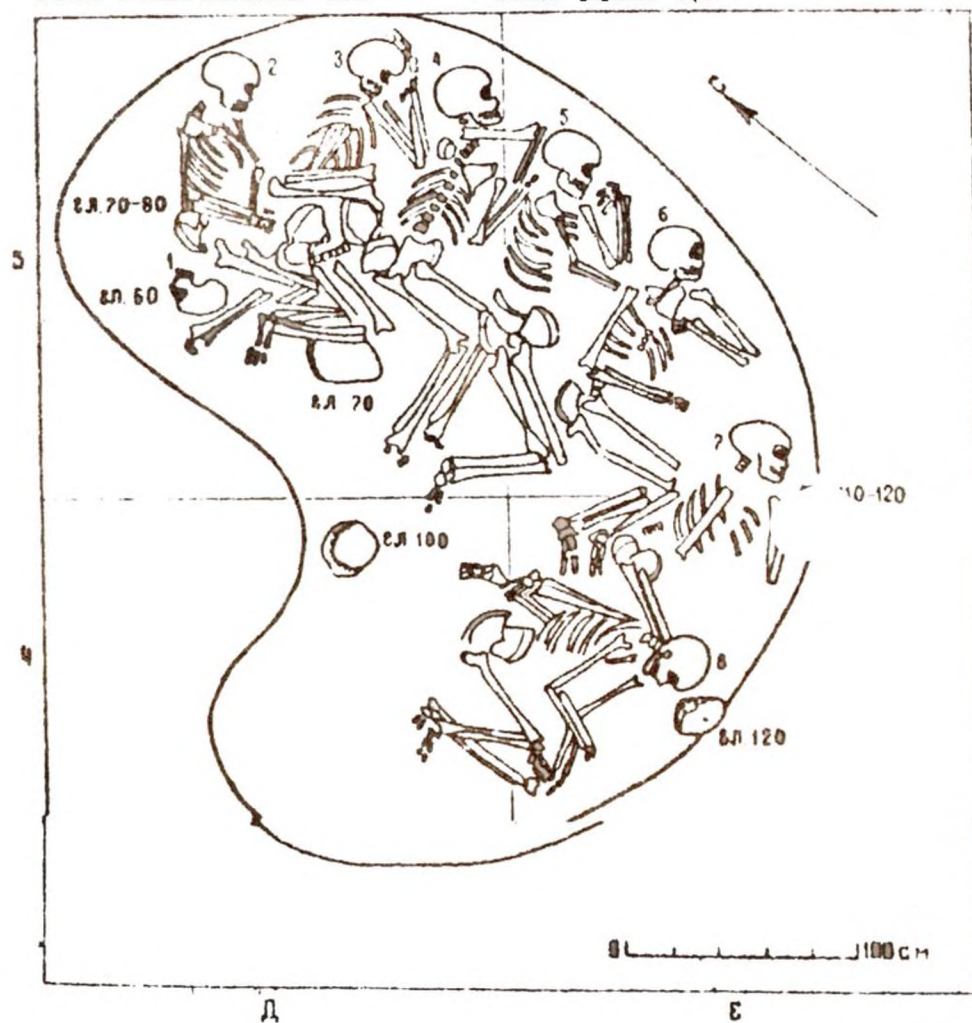
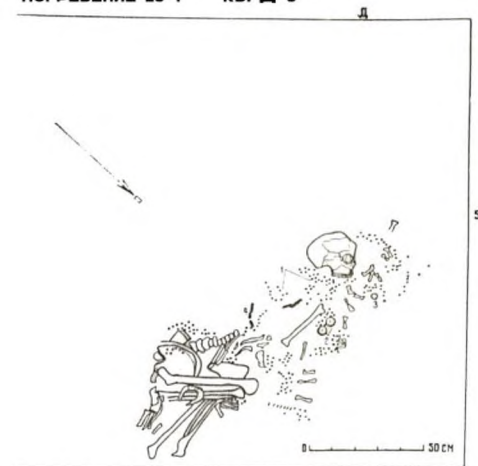

Рис. 44. Дашти Козы. План погребения 25.

МОГИЛЬНИК ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 25-1 КВ. Д-5

Условные знаки

- ⊙ 1 БРОНЗОВЫЙ БИСЕР ⊙ 2 БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО ⊙ 3 БРОНЗОВОЕ КОЛЕСИКО
□ 4 ПАСТОВЫЕ ПРОИЗЫ

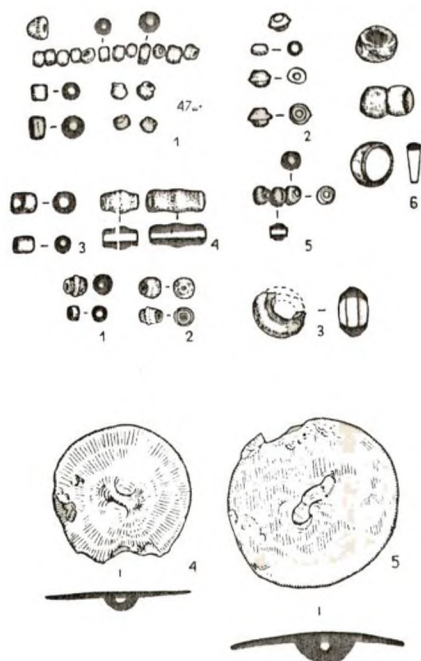
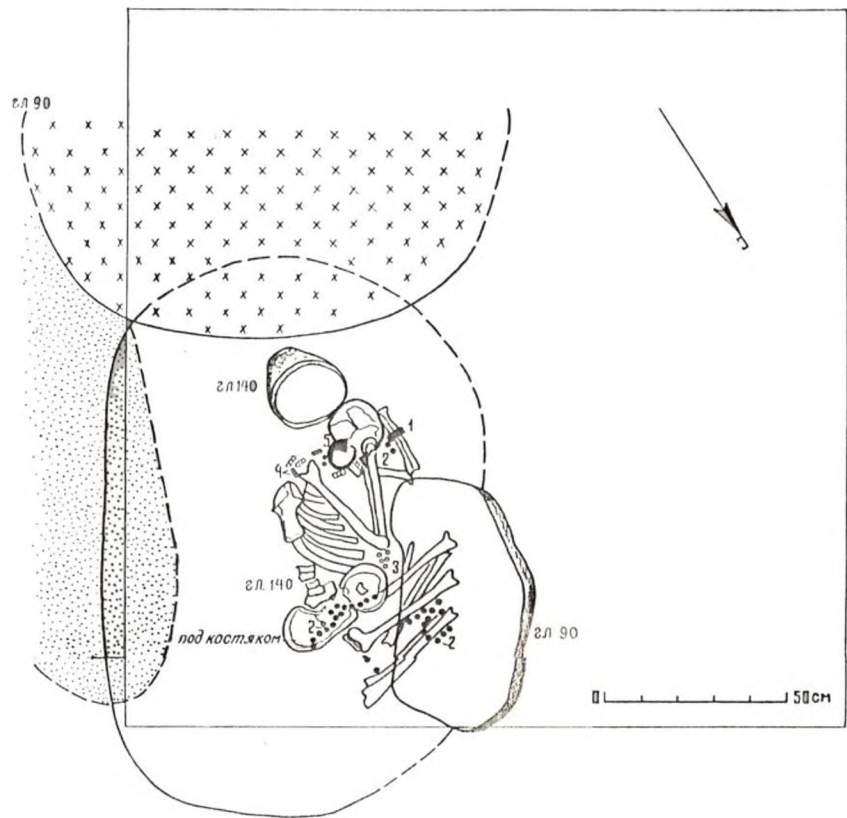

Рис. 45. Дашти Козы. План погребения 25-1.

МОГИЛЬНИК ДАШТИ-КОЗЫ-86
ПОГРЕБЕНИЕ 26 КВ - В/5

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- 1 БРАСЛЕТ БРОНЗОВЫЙ
- 2 КРУПНЫЕ БРОНЗОВЫЕ БУСЫ
- 3 МЕЛКИЙ БРОНЗОВЫЙ БИСЕР
- 4 ПАСТОВЫЕ ПРОНИЗИ
- 5 БРОНЗОВАЯ СЕРЬГА С РАСТРУБОМ
- 6 ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК
- 7 УГЛИСТОЕ ПЯТНО
- 8 ОХРИСТОЕ ПЯТНО

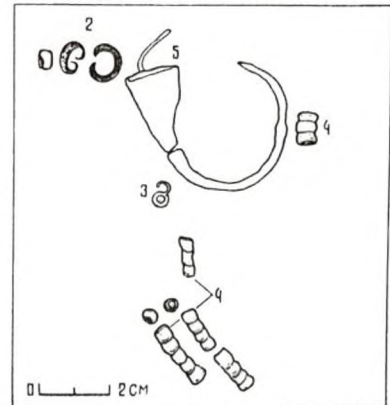
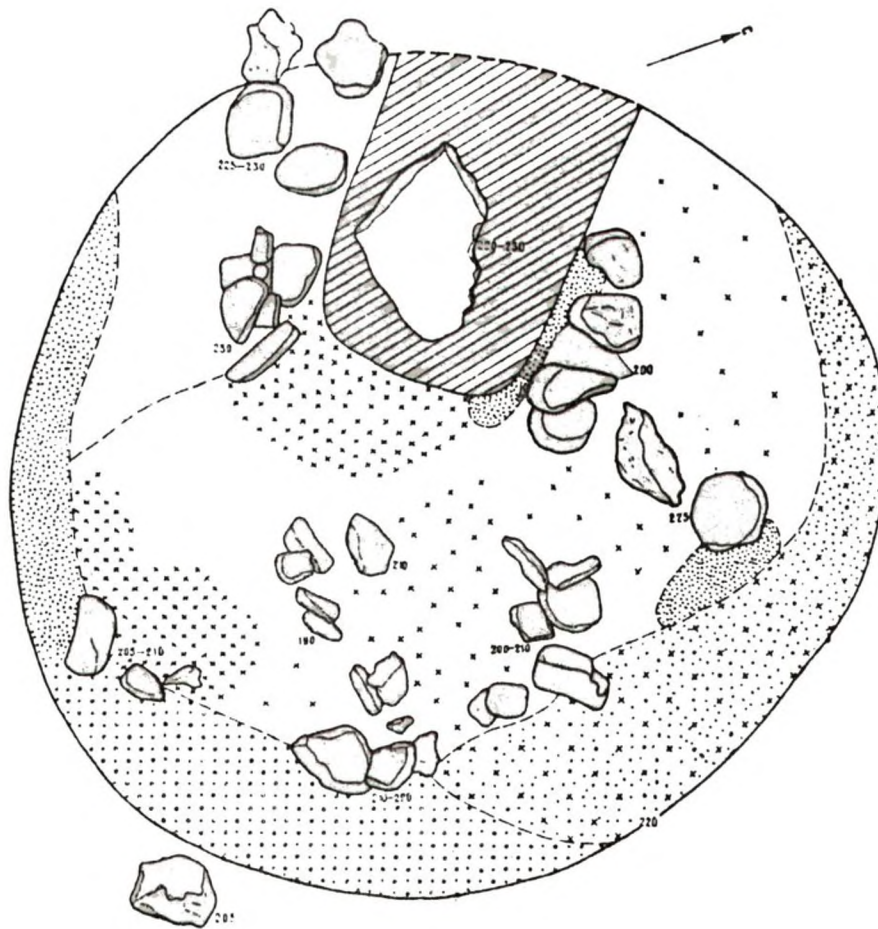

Рис. 46. Дашти Козы. План погребения 26.

МОГИЛЬНИК ДАШТИ-КОЗЫ ЯМА 5

0 ————— 50 см

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

	КАМНИ С УКАЗАНИЕМ ГЛУБИНЫ		СЛАБОНАСЫЩЕННЫЙ УГЛЫСТЫЙ СЛОЙ		УГЛЫСТЫЙ СЛОЙ
	ПЕРЕКОПАННЫЙ ГРУНТ		ПОДСЫПИЙ ОХРЫ		
	НАСЫЩЕННЫЙ УГЛЫСТЫЙ СЛОЙ		ВКЛЮЧЕННЫЕ ОХРЫ И МЕЛА		

Рис. 47. Дашти Козы. Яма 5.

Рис. 48. Дашти Козы. Типы орнамента.

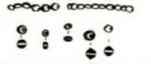

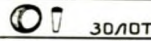

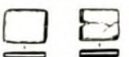
ПОГРЕБЕНИЯ		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	25-1	26
ТИПЫ	БРОНЗА																											
I		+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
II		+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
III		-	-	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-
IV		-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
V		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
VI		-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
VII		+	-	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
VIII		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-
3		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
4		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-

Рис. 49. Дашти Козы. Типы археологического комплекса.

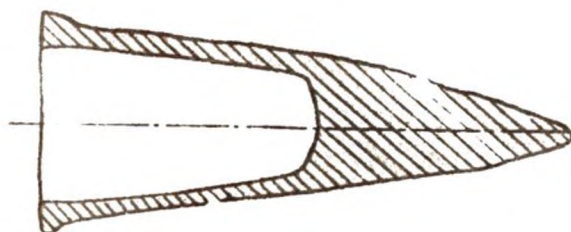
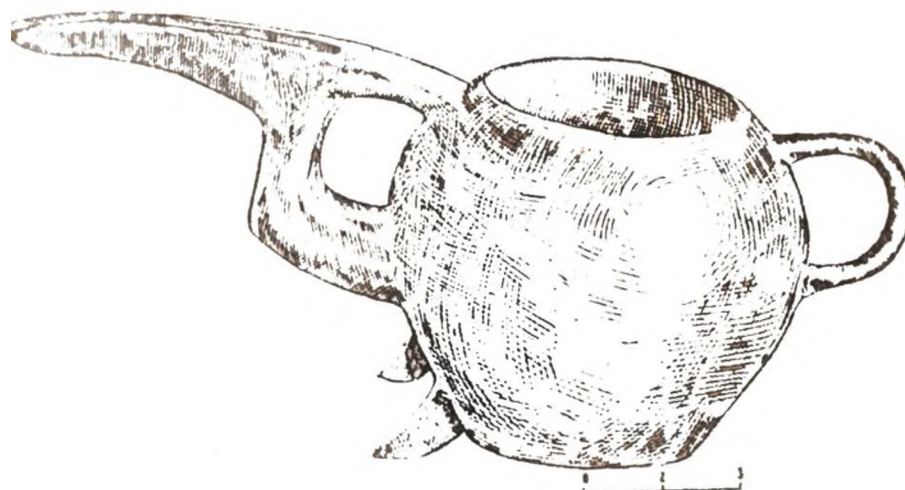

Рис. 50. Случайные находки: 1 - кельт из кишлака Бедак, 2 - бронзовый сосуд из кишлака Фатмев.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА.....	6
ГЛАВА II. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II-ТЫС. ДО Н.Э.....	11
1. Археологический комплекс IV жилого горизонта поселения Саразм.....	13
2. Интерпретация археологических комплексов финальной стадии поселения Саразм.....	23
3. Вопросы хронологии IV горизонта.....	38
4. Раскопки и исследования погребения Зардча Халифа.....	41
ГЛАВА III. СКОТОВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА ВО II-ТЫС. ДО Н.Э.....	49
1. Открытие и исследование могильника Дашти Козы.....	50
2. Классификация и интерпретация археологических комплексов.....	65
3. Относительные и абсолютные хронологии могильника Дашти Козы.....	70
4. Хозяйство, общественный уклад и культовые воззрения.....	78
5. Вопросы происхождения скотоводческой культуры верховья Зарафшана.....	82
ГЛАВА IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛЬ В СУДЬБАХ ПЛЕМЕН ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ.....	87
Заключение.....	96
Литература.....	97
Список сокращений.....	104
Таблица химических анализов.....	105
Иллюстрации.....	111

БОБОМУЛЛОЕВ САИДМУРОД ГИЁСОВИЧ

ВЕРХОВЬЯ ЗАРАФШАНА

в конце III - II тыс. до н.э.

Корректор: Бобомуллоев Борбад
Компьютерный дизайн: Нуров М.